
C 65/63

ИЗЪ ИСТОРІИ БРАЧНЫХЪ ДѢЛЪ

ВЪ ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ

МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА.

Дм. Цвѣтаева.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

Дозволено цензурой. Москва 28 августа 1884 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЪ ИСТОРІИ БРАЧНЫХЪ ДѢЛЪ

ВЪ ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА.

Въ семейномъ устройствѣ князья удѣльно-вѣчеваго періода не чувствовали особенныхъ стѣсненій. Сами они женились и сыновей женили на нашихъ княжнахъ, боярышняхъ, или греческихъ царевнахъ и на дочеряхъ польско-литовскихъ и другихъ королей; дочерей выдавали за князей, бояръ и принцевъ. Ко времени укрѣпленія московской централизаціи дѣло измѣнилось. Самостоятельные удѣльные князья отжили свой вѣкъ; полунезависимые бояре стали въ положеніе слугъ; прежнее юридическое понятіе „по рабѣ холопъ" захватывало все большій и большій районъ. Изъ иноземныхъ принцевъ и принцессъ, съ паденіемъ Византіи, остались одни иновѣрные, вступать въ бракъ съ которыми въ Москвѣ считалось крайне опаснымъ для достоинства и чистоты православія и неудобнымъ въ смыслѣ народномъ; допускали такой бракъ лишь подъ условіемъ обращенія чужаго лица въ православную вѣру, чего конечно достигнуть было весьма трудно. Въ свою очередь, на Западѣ не настолько знали и уважали Русь чтобы по доброй волѣ ѣхать сюда за невѣстами или посылать своихъ принцевъ и принцессъ. Татарское иго рѣзко отдѣлило Русь отъ Запада, обособило ее: Московія казалась тамъ какою-то отдаленною варварскою страной.

Измѣненіе обстоятельствъ тяжелѣе всего отразилось на судьбѣ московскихъ княженъ. Для нихъ выходъ замужъ остался возможнымъ только за подданныхъ Московскаго государя; но великіе московскіе князья нашли что выдавать своихъ дочерей за подданныхъ или, какъ тогда начали называть, за „холоповъ" значитъ унижать себя; великимъ князьямъ подражали ихъ кровные родственники, князья одного съ ними московскаго корня: и имъ также не хотѣлось равняться съ „холопами". И напрасно Писемскій, посолъ и сватъ Грознаго, съ необычайною настойчивостью увѣрялъ Англійскую королеву Елизавету что „государи наши даютъ свои дочери за государей и государскихъ дѣтей", въ подтвержденіе чего сослался на примѣръ Елены, дочери Ивана III, выданной въ 1495 году за Польскаго короля Александра; * примѣръ Елены Ивановны лишь печальный отголосокъ предшествовавшей исторіи, который не только не повторился, но еще повелъ къ разрыву Россіи съ Польшей. Двери московскаго терема запирались все крѣпче, оберегались все ревнивѣе.

Софія Палеологъ была послѣднею великою княгиней взятою изъ иноземныхъ принцессъ. По необходимости беря за себя подданныхъ, большею частью дѣвицъ незнатнаго дворянства, московскіе государи какъ бы утѣшались мыслію что тѣмъ они возвышаютъ этихъ лицъ до себя. Но эта теорія удовлетворяла не всѣхъ; прочность ея постоянно парализовалась мнѣніемъ что для государей приличнѣе жены изъ царствующихъ въ Европѣ родовъ, и это парализованіе сказывалось иногда даже въ крайне уродливой формѣ. Отправляя Писемскаго въ Англію въ качествѣ своего свата, первый же Московскій царь, на возможный вопросъ: какъ жениться ему при живой женѣ? наказалъ ему держать такой отвѣтъ: „государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ о томъ чтобъ ему, государю великому, по себѣ пріискати невѣсту, да тотъ случай не нялъ: и государь взялъ за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь, а не по себѣ; а будетъ королевнина племянница дородна и того вели-

* Списокъ тайнаго посольства Ѳедора Писемскаго о сватовствѣ царя Ивана Васильевича и княжны Маріи Гастингсъ, въ *Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, XXXVIII, 67; также въ *Сѣверномъ Архивѣ*, 1824, IV, 315.

каго дѣла достойна, и государь нашъ царь и великій князь, свою оставя, сговоритъ за королевнину племянницу.“ *

Сознаніе важности браковъ между лицами Московскаго царствующаго дома съ членами западно-европейскихъ государскихъ домовъ вызвало цѣлый рядъ попытокъ къ ихъ устройству; но и эти попытки, когда онѣ принимали серіозный характеръ, производились не на обѣихъ половинахъ Западной Европы, а по преимуществу на одной, протестантской. Какъ ни худо смотрѣли вообще у насъ на католиковъ, послѣ реформаціи кредитъ ихъ палъ еще ниже. По общности вражды къ католическому міру и различнымъ практическимъ разчетамъ, Русскіе, едва научась различать католиковъ отъ протестантовъ, отдали предпочтеніе послѣднимъ, мало-по-малу предоставляя имъ то чтò въ былую пору отдавали однимъ „латинянамъ“. ** Протестантамъ была предоставлена сравнительно бóльшая свобода вѣры: первая лютеранская церковь въ Москвѣ явилась около половины XVI вѣка, костелъ же лишь въ концѣ XVII. Поворачивая на новый путь и выходя изъ своего замкнутаго состоянія, Москва, постоянно раздражаемая религіозными и политическими обидами и притязаніями Польши и происками Австріи и папства, тѣснѣе сближалась съ сѣверною половиной Западной Европы, то-есть съ протестантскою, нежели съ южною, католическою. Протестантскія государства были податливѣе и живѣе, и съ ними заводились у насъ многозначительныя связи: торговыя, культурныя, политическія. И если наше стремленіе завладѣть Ливоніей и удержать Лапландію приводило къ частымъ столкновеніямъ и здѣсь, то эти же вопросы по преимуществу служили внѣшнимъ ближайшимъ поводомъ къ брачнымъ сношеніямъ, а Данія и Англія выставляли главный контингентъ подходящихъ для брака лицъ.

Несмотря на желаніе и стараніе нашихъ государей, изо всѣхъ этихъ брачныхъ сношеній увѣнчалось успѣхомъ только одно, да и то какъ бы случайно; остальныя лишь открыли

* Память послу дворянину и намѣстнику Шацкому Ѳедору Ондрѣевичю Писемскому, *Сборникъ* И. Р. И. О. XXXVIII, 6.

** См. объ этомъ наши статьи: „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1883, IX — X; „Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи“, *Русскій Вѣстникъ*, 1883, XI.

сокровенныя тайны Московскаго дворца и всю глубину тогдашней розни между Россіей и Западомъ. Что при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ должно бы устроиваться само собою, безъ особенныхъ затрудненій, то потребовало тогда съ нашей стороны самыхъ хитрыхъ подходовъ дипломатіи, различныхъ политическихъ махинацій, а иногда и непомѣрныхъ напряженій въ области богословской науки. И однако домовитая Москва руководясь своимъ религіознымъ чувствомъ и политическимъ смысломъ ни разу не поступилась здѣсь своими прямыми интересами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда личныя стремленія правителей уходили слишкомъ далеко отъ общаго настроенія народной массы, роковой преградой являлись постороннія обстоятельства. Тутъ на всемъ лежитъ ничѣмъ неизгладимый отпечатокъ тогдашней, чисто московской эпохи.

Прослѣдить этотъ интересный рядъ попытокъ къ устройству браковъ между членами нашего Московско-царскаго и протестантскихъ королевскихъ домовъ и составляетъ задачу настоящаго труда.

I.

Бракъ Маріи Владиміровны съ Магнусомъ Датскимъ.

Первое и вмѣстѣ съ тѣмъ приведшее къ цѣли брачное дѣло случилось при Іоаннѣ Грозномъ, во время его долголѣтней Ливонской войны и на почвѣ чисто политическихъ ливонскихъ интересовъ

При покореніи Ливоніи, Ивану Васильевичу, кромѣ мѣстныхъ жителей, пришлось вести счеты съ Польшей, Даніей и Швеціей, державами въ то время первостепенными. Не надѣясь на успѣхъ, онъ задумалъ подчинить Ливонію пока на правахъ вассальныхъ, и съ этою цѣлью предложилъ сперва Фюрстенбергу, а затѣмъ Кетлеру титулъ ливонскаго короля. Они отказались, и Таубе и Крузе, агенты Іоанна, обратились къ Магнусу, юному владѣтелю Эзеля, выставляя въ самыхъ радужныхъ краскахъ всѣ выгоды вассальнаго подчиненія. Предложеніе агентовъ пало на добрую почву.

Положеніе Магнуса было не завидно. Получивъ въ наслѣдство отъ отца, Датскаго короля Христіана III, Шлезвигское герцогство, онъ сталъ въ двусмысленное отношеніе къ своему

старшему брату, королю Фридриху II, который счелъ болѣе удобнымъ взять эти земли себѣ, а герцогу въ замѣнъ ихъ купить часть отдаленной Ливоніи, епископство Эзельское и Пильтенъ, куда Магнусъ и направился (1560 года) вмѣстѣ съ датскою дружиной и щедрыми обѣщаніями рыцарству, если оно пожелаетъ подчиниться ему. Открытымъ и уступчивымъ характеромъ, щедростью, доходившею часто до расточительности, юношескимъ пыломъ и склонностію къ веселымъ пирамъ Магнусъ дѣйствительно понравился привыкшимъ къ шумной жизни ливонскимъ дворянамъ; вскорѣ ему удалось присоединить Зонненбургъ и купить обширное епископство Ревельское. Но затѣмъ счастіе ему измѣнило. Своими успѣхами онъ вызвалъ энергическое противодѣйствіе со стороны своихъ соперниковъ, и они то тамъ, то сямъ начали вредить ему. Шведы даже оттерли его отъ богатаго Ревеля; а король Фридрихъ, не видя выгодъ въ содѣйствіи брату, не только почти совсѣмъ покинулъ его на произволъ судьбы, но и задумалъ еще захватить самый Эзель въ свои руки. Борьба съ соперниками и роскошная жизнь требовали между тѣмъ отъ Магнуса непосильныхъ расходовъ. Съ цѣлію поправиться, онъ посватался за сестру Польскаго короля Анну, въ послѣдствіи жену Стефана Баторія, и въ приданое просилъ всю Ливонію, но въ отвѣтъ отъ Сигизмунда-Августа получилъ лишь ѣдкій отвѣтъ подумать прежде о томъ куда привести свою будущую супругу... И въ самомъ дѣлѣ, безпомощность и безсиліе Магнуса достигли того что и съ русской стороны съ нимъ вздумали войти въ сношенія только послѣ неладицы съ Кеттлеромъ. Молодой герцогъ обрадовался предложенію Ивана Васильевича, какъ нечаянной дорогой находкѣ. Ему казалось что зависимость отъ Московскаго царя дастъ ему необходимую внѣшнюю поддержку и быть-можетъ всю Ливонію въ руки. Чтобъ ускорить интересные переговоры, Магнусъ самъ, не снесясь напередъ съ братомъ, поспѣшно отправился (въ мартѣ 1570 года) въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, имѣвщей назначеніе прикрыть его безсиліе; его не остановили даже достигшіе до него слухи о производимой Грознымъ расправѣ съ Новгородомъ *.

---

* A. Richter's, *Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen*, Riga, 1857, I; Sonntag's, *König Magnus* въ Grave's *Caritas*, Riga, 1831; K. H. von Busse, *Herzog Magnus, König von Livland*, Leipzig, 1871.

Въ Москвѣ хотя и правили кровавыя поминки по новгородскомъ погромѣ, но встрѣтили Магнуса со всѣмъ почетомъ, свойственнымъ гостепріимной русской столицѣ, въ первый разъ видѣвшей въ своихъ стѣнахъ такого высокаго гостя. Грозный царь прикинулся что онъ строгъ только къ своимъ, а къ чужестранцамъ милостивъ. Ливонскіе лѣтописцы разказываютъ какъ онъ ради своего дорогаго гостя отпустилъ изъ плѣна нѣсколько тысячъ дерптскихъ гражданъ, одарилъ всю свиту Магнуса—совѣтниковъ, дворянъ, слугъ и задалъ ей богатый пиръ, на которомъ прямо заявилъ что „теперь онъ любитъ Нѣмцевъ всѣмъ своимъ сердцемъ" *. Въ то же время предупредительно выслушана была проповѣдь любимаго магнусовскаго придворнаго проповѣдника, и царь, противъ обыкновенія, даже мягко отозвался о Лютерѣ и лютеранствѣ **. Самъ герцогъ въ одномъ изъ торжественныхъ собраній провозглашенъ былъ королемъ Ливоніи, и въ залогъ будущаго королевства данъ ему Оберпаленъ; за церковно религіозными и гражданскими законами Ливоніи русскимъ царемъ признана полная неприкосновенность, въ то самое время какъ въ Западной Европѣ шли самыя ожесточенныя религіозныя войны. Въ виду того Магнусу совсѣмъ не тяжело было присягнуть Русскому царю, и онъ торжественно призналъ его своимъ сюзереномъ. Разошедшійся въ милости царь промолвилъ, впрочемъ, уже не въ торжественномъ собраніи, что онъ не довольствуется однимъ высокимъ званіемъ верховнаго господина надъ новымъ Ливонскимъ королемъ, но желаетъ быть еще его и родственникомъ: вмѣстѣ съ ливонскою короной онъ совершенно неожиданно предложилъ ему руку своей двоюродной племянницы. ***

Предъ пріѣздомъ Магнуса въ Москву Грозный лишилъ жизни своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича, князя Старицкаго, обвинивъ его въ различныхъ измѣнническихъ замыслахъ. Отъ несчастнаго остались двѣ дочери—Евфимія и Марья Владиміровны, едва ли, какъ дѣти ненавистнаго

---

* *Scriptores Rerum Livonicarum*, II, Russow, Bl. 70 a и b; Henning, Bl. 51 b.

** Oderborn's *Joan Basilidis Leben*, Görlitz, 1596. 46.

*** *Historica Russiae Monumenta*, I, № CLI. Schreiben des Herzog Ulrich an d. Kais. Maximilian II, von 24 Sep temb. 1571, у Карамзина, IX, пр. 335, и въ *Mittheilungen aus d. Gebiete d. Gesch. Liv-Ehst-und Kurland's*, Riga, 1845, III, 124.

брата, пользовавшіяся расположеніемъ дяди, и въ свою очередь едва ли любившія дядю, жестокаго убійцу ихъ отца. Иванъ Васильевичъ держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, въ неизвѣстности; люди, даже очень близкіе къ нему, напримѣръ Таубе и Крузе, считали ихъ убитыми вмѣстѣ съ ихъ отцомъ и матерью. * Очень вѣроятно что царю думалось иногда объ ихъ судьбѣ; нечаянный пріѣздъ холостаго принца натолкнулъ его на счастливую мысль, выдать за этого заѣзжаго гостя старшую изъ сиротъ, Евфимію Владиміровну. Ивану Васильевичу не было нужды ни до новаго, уже извѣстнаго намъ, укоренившагося обычая, ни до того что современные ему русскіе архіереи въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ клятвенно обязывались не дозволять браковъ православныхъ Русскихъ съ западными иновѣрцами. ** Нѣтъ сомнѣнія, ему казалось что при помощи этого брака ему удастся какъ избавиться отъ части непріятной ему тягости, такъ и крѣпче прибрать къ своимъ рукамъ Магнуса и Ливонію, гдѣ положеніе Русскихъ становилось не совсѣмъ удобнымъ. Могла ли дочь Владиміра Андреевича содѣйствовать своему нелюбимому дядѣ? Но не въ томъ вопросъ: не въ обычаѣ Грознаго было разбирать средства для дѣйствія. Съ другой стороны, и жениху также было не до разбора невѣстъ: какую ни предложилъ бы ему царь, онъ, чтобы не оскорбить Грознаго, едва ли нашелъ бы возможнымъ отказаться. Позаботиться же о согласіи невѣсты, никому, кажется, не приходило и въ голову.

Надъ брачными переговорами царила непроницаемая тайна; по крайней мѣрѣ ничѣмъ иначе нельзя объяснить незнанія о нихъ Таубе и Крузе, которые и послѣ того преспокойно продолжали думать что ни Евфиміи Владиміровны, ни ея сестры уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Приданое обѣщано было богатое: кромѣ другихъ маловажныхъ вещей пять бочекъ золота. *** Все сложилось съ чрезвычайною быстротой и неожиданностію. Но самые сборы къ свадьбѣ еще далеко не были кончены, а съ ливонскими дѣлами медлить было тоже нельзя, и потому бракосочетаніе отложили до болѣе

---

* *Sendschreiben an Gotthard Kettler von I. Taube und El. Kruse*, 1572, въ G. Ewers, *Beiträge z. Kenntniss Russland*, Dorp. 1816, I, 168.

** *Акт. Археогр. Эксп.* I, 162; Соловьевъ, *Ист. Россіи* VII, 90; Неволинъ, *Ист. росс. гражд. зак.*, I, 273—274.

*** Oderborn, 39; *Mittheil.* III, 124.

благопріятнаго времени. Эта отсрочка, едва не разстроивъ всего дѣла, привела къ непредвидѣннымъ послѣдствіямъ.

Съ освобожденными ливонскими плѣнными и русскимъ войскомъ только что произведенный и единственный въ исторіи ливонскій король (кромѣ Магнуса никто больше не носилъ этого титула) отправился въ обратный путь, не имѣвъ, кажется, случая видѣть свою невѣсту. Провозглашенное имъ объединеніе всѣхъ орденскихъ земель подъ своею королевскою властью, какъ вѣрнѣйшее средство для страны освободиться ото всѣхъ терзавшихъ ее невзгодъ, получило сочувственный откликъ, но неудачная осада Ревеля положила преграду его успѣхамъ, и онъ отступилъ къ Оберпалену. Данія и Швеція заключили между собою союзъ; приставленные къ Магнусу, Таубе и Крузе передались Польшѣ. Самъ Магнусъ, опасаясь что все это Грозный можетъ объяснить не въ его пользу, боясь подозрѣній и мести, поспѣшилъ убраться на Эзель. Отошла къ отцамъ и его невѣста, Евфимія Владиміровна.

Тутъ, казалось, и конецъ дружественнымъ отношеніямъ между царемъ и королемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ затѣянной исторіи брака. Разумѣется, такъ бы и случилось еслибы взаимные интересы не тянули болѣе другъ къ другу главныхъ дѣятелей въ этой исторіи. Нужда въ обоюдной помощи, напротивъ, значительно у нихъ усилилась.

Союзомъ со Швеціей Фридрихъ показалъ своему брату чего тотъ можетъ ждать отъ него. Ревельцы въ свою очередь оскорбляютъ Грознаго. День снятія осады (16 марта 1571 года) ими положено праздновать каждый годъ какъ день освобожденія отъ „московскаго тирана“ и тѣмъ, вмѣстѣ съ горькимъ сознаніемъ тяжести потерь, возбуждается въ Грозномъ чувство злобы, личная месть. И вотъ, вмѣсто того чтобы разрывать связи, вассальный король спѣшитъ оправдаться предъ царемъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта, а царь рѣшается продолжать разыгрывать роль великодушнѣйшаго изъ людей и посылаетъ Магнусу любезное письмо, въ которомъ, успокоивая его, проситъ возвратиться въ Оберпаленъ и обязательно предлагаетъ ему на прежнихъ условіяхъ руку Марьи Владиміровны, младшей сестры умершей невѣсты. Магнусъ тотчасъ же соглашается; свое согласіе на этотъ бракъ шлетъ въ Москву и король Фридрихъ. *

---

* *Mittheil.* III, 124; Büsching's *Magazin für die neue Historie,* Halle, 1773, VII, 303—304.

Одно препятствіе лежало еще на пути къ совершенію бракосочетанія—война со Швеціей, но и она благодаря не замедлившемуся перемирію (весной 1573 года) вскорѣ прекратилась. На возвратномъ пути изъ Ливоніи, гдѣ Иванъ Васильевичъ провелъ послѣднюю зиму, онъ остановился въ Новгородѣ чтобы послѣ военныхъ трудовъ найти покой и веселье.

Когда такимъ образомъ препятствія устранились, свадьбу, не откладывая далѣе, назначили въ Новгородѣ на 12 апрѣля 1573 года. Свидѣтелями ея пришлось быть многимъ. Кромѣ возвращавшагося съ Грознымъ войска, Магнусъ прибылъ со свитой до 200 дворянъ и немалымъ числомъ дамъ; съ невѣстой пріѣхали царевичъ Иванъ Ивановичъ и много московскихъ бояръ и боярынь. * Въ первый разъ Русскіе и Нѣмцы встрѣтились такъ близко.

Марья Владиміровна была очень миловидная дѣвочка; ей считали всего около 13 лѣтъ, а Магнусу 23 года. Спустя шесть мѣсяцевъ братъ послѣдняго писалъ Мекленбургскому герцогу что она чистое дитя: достаточно яблока и немного сахару чтобъ она оставалась спокойною. ** Впрочемъ, бракъ въ такіе годы у насъ не былъ рѣдкостью. Стоглавымъ соборомъ (1551 года) запрещалось выдавать замужъ лишь моложе двѣнадцати лѣтъ; *** у западныхъ же путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, передается что имъ часто встрѣчались молодыя женщины которыя, преспокойно играя на улицѣ съ другими дѣтьми, ничѣмъ не отличались отъ своихъ маленькихъ сверстницъ, кромѣ развѣ особаго способа заплетать косу.

При наступившемъ, по обычаю, изготовленіи „свадебнаго разряда“ или „чина“, отъ составителей его потребовалось самодѣятельности значительно болѣе чѣмъ при другихъ подобныхъ случаяхъ. Особаго чина для свадебъ княженъ съ иновѣрными принцами Москва еще не имѣла случая выработать; къ тому жь, теперь устраивалась свадьба съ лицомъ протестантскаго вѣроисповѣданія, то-есть съ такимъ „еретикомъ“ за котораго до сихъ поръ еще совсѣмъ не приходилось выдавать нашихъ княженъ. Гдѣ дѣло касалось религіи

---

* Dr. Vheling's *Sendung nach Nowgorod im J. 1572*, въ F. G. v. Bunge's *Archiv*, I; F. Nyenstädt's *Livland. Chronik*, въ *Monum. liv. antiqu.* II, 76.

** *Mittheil*, III, 124; VIII, 266—267.

*** *Стоглавъ*, гл. XVIII.

составители „разряда“ ввели нѣкоторыя новости, во всемъ же остальномъ послѣдовали прежнимъ образцамъ, хотя и здѣсь не миновали отступленій. Выбрали тысяцкаго, дружекъ, свахъ и т. п.; невѣстѣ назначили посаженаго отца и посаженую мать, но не видно чтобы назначили ихъ для жениха, не замѣтно также „держальщиковъ ширинокъ“, „мыльниковъ“ и нѣкоторыхъ другихъ; за то видимъ новую должность „сидящихъ бояръ и боярынь“. Бо́льшая часть должностей и самыя почетныя были замѣщены Русскими.

Согласно „разряду“, въ назначенный день всѣ свадебники со́брались „на царскомъ дворѣ“. Невѣсту, богато разодѣтую, окруженную ея многочисленными „чинами“, торжественно ввели въ ту комнату гдѣ стояло приготовленное для нея и жениха „чертожное мѣсто“. На послѣднемъ лежали одинъ подлѣ другаго два сорока соболей, третій сорокъ „опахивальный“ держалъ стоявшій подлѣ дьякъ. Тотчасъ одинъ сорокъ принялъ дьякъ Пушкинъ, и на освобожденное мѣсто свахи посадили невѣсту. Рядомъ съ нею сѣлъ вошедшій женихъ. Другой сорокъ принятъ Яровымъ. Всѣ присутствующіе размѣстились гдѣ кому слѣдовало. Началось обрученіе. Обручалъ и смѣнялъ кольца у невѣсты новгородскій священникъ Дмитріевской церкви, у жениха—его придворный пасторъ. По окончаніи обряда княгиня Мстиславская, чтобъ окончательно приготовить невѣсту къ вѣнчанію, разчесала ей голову, „смачивая гребень въ чарѣ съ виномъ“, надѣла на нее кику; взявъ у дьяка „осыпало“, вѣроятно съ хмѣлемъ, символомъ любви, осыпала имъ вмѣстѣ жениха и невѣсту и въ заключеніе опахнула ихъ третьимъ сорокомъ соболей. Когда все было готово, открылся свадебный поѣздъ.

Поѣздъ направился на Пробойную улицу что̀ на Славновѣ, къ Дмитріевской церкви. Женихъ ѣхалъ на конѣ; невѣсту везли въ саняхъ, вмѣстѣ съ нею сидѣли свахи, около нея толпились „оберегатели пути“—четыре князя и до 30 боярскихъ дѣтей, обязанностью коихъ было наблюдать чтобы никто не перешелъ пути между невѣстой и женихомъ. Много придавали пышности почетные „поѣзжане“, 26 князей и бояръ и 15 королевскихъ дворянъ, приставшіе къ поѣзду у крыльца, гдѣ должны были дожидаться выхода и встрѣтить виновниковъ торжества. Кромѣ большихъ чиновъ, виднѣлось множество малыхъ. Изъ послѣднихъ кто несъ фонари, кто свѣчи, короваи, стклянницу, подножія, сголовья, осыпало и т. д. Одинъ

изъ фонарей отличался такою величиной что его несли два человѣка. Свѣчи были трехъ сортовъ: одна большая, ее несли двое, другія поменьше, горѣли въ фонаряхъ; третьи, „обручальныя", небольшія. Короваи тоже раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ; большой коровай несли четыре человѣка.

Предъ церковнымъ входомъ брачной четѣ постлали большой красный коверъ,—честь пріятно поразившая иностранцевъ, по незнанію русскихъ обычаевъ, принявшихъ это за знакъ особеннаго уваженія къ Магнусу; другой коверъ и два сорока соболей были разостланы на паперти и въ церкви. По нимъ православная невѣста торжественно вошла въ самую церковь, а женихъ на паперть,—далѣе идти ему не дозволили: вѣнчальный обрядъ надъ нимъ, какъ протестантомъ, долженъ былъ совершиться здѣсь. На лѣвой сторонѣ отъ княжны виднѣлись чины съ короваемъ, свѣчами и фонаремъ, съ тѣми же принадлежностями стояли и близъ жениха. Какъ расположились остальные присутствующіе и были ли впущены въ церковь протестанты—неизвѣстно. Вообще, послѣднимъ изъ предосторожности чтобъ отъ нихъ, какъ „нечистыхъ", „нехристей" не осквернился православный храмъ, входъ въ наши церкви строго воспрещался и ни откуда не видно чтобъ и на этотъ разъ сдѣлано было исключеніе, хотя бы то для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, наступилъ и вѣнчальный обрядъ, давно ожидаемый и по нѣкоторымъ частностямъ единственный въ нашей исторіи. О предшествовавшемъ ему бракосочетаніи Елены Ивановны съ Александромъ Польскимъ нашъ лѣтописецъ отмѣтилъ: „Въ лѣто 7003... февраля въ 15... вѣнчаша ихъ въ Станиславѣ въ римскаго закона церкви бискупъ (епископъ) Виленскій по-латински, а великаго князя попъ Ѳома по греческому закону единъ" *. Какъ бы въ подражаніе этой формѣ бракосочетанія, но еще съ большею долей рѣзкости теперь устроили такъ что въ то время какъ мѣстный священникъ вѣнчалъ въ церкви княжну по православному чиноположенію, на паперти, гдѣ продолжалъ стоять принцъ, его придворный пасторъ совершалъ надъ нимъ лютеранскій обрядъ. Въ такомъ именно видѣ совершился первый бракъ нашей русской православной княжны съ протестантскимъ прин-

---

* *Полн. Сборн. Русск. Лѣт.* IV, 165; VIII 229; *Русскій Зритель* 1828, ч. 2, №№ V—VI: Поѣздка Елены Ивановны въ Вильну.

цемъ, бракъ, послужившій основаніемъ для подобныхъ послѣдующихъ. Петръ I и Ѳеофанъ Прокоповичъ ссылались * на него какъ на законное историческое основаніе. Своею оригинальною формой далеко превосходя своихъ предшественниковъ, онъ рѣзко отличается и отъ послѣдующихъ. Второй подобный бракъ нашей княжны, состоявшійся во времена Петра Великаго, былъ совершенъ однимъ православнымъ духовнымъ лицомъ и притомъ въ православной церкви.

По окончаніи вѣнчанія, когда новобрачные выходили изъ храма на улицу, ихъ, по русскому обычаю, осыпали.

Отъ церкви поѣздъ въ прежнемъ порядкѣ направился къ государеву дворцу. Здѣсь открылся пиръ на славу. Пировали вмѣстѣ всѣ—и Русскіе, и иностранцы, но первые сидѣли выше послѣднихъ. Изъ русскихъ боярынь „большое мѣсто" занимала жена окрещенаго татарскаго царевича Михаила Камбуловича, а противъ нея сидѣлъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій. Русскія забавы, начавшіяся послѣ обѣда, мѣшались вмѣстѣ съ иноземными. Гости разбушевались. Въ представленіяхъ, плaскахъ и пр. они, по словамъ одного изъ ливонскихъ лѣтописцевъ, дошли до такихъ безобразій какихъ не испорченнымъ глазамъ и ушамъ нельзя ни видѣть, ни слышать. На общей радости развеселился и царь Иванъ Васильевичъ. Не гораздый въ пляскѣ, но большой охотникъ до пѣнія, онъ собралъ маленькихъ послушниковъ и запѣлъ съ ними символъ Аѳанасія Великаго. Пѣлъ онъ быстро, наизусть, и маленькіе товарищи не могли поспѣть за нимъ по книгѣ. Это его сердило, и когда они сбивались и отставали онъ до крови билъ ихъ тяжелымъ посохомъ, которымъ регентовалъ. Нѣмецкіе ученые, случившіеся тутъ, видно мало принимали участія въ увеселеніяхъ. Между ними и однимъ русскимъ игуменомъ, хорошимъ начетчикомъ, завязался сильный религіозный споръ, причемъ игуменъ выказалъ желѣзную неуступчивость, чѣмъ очень не понравился иноземцамъ; отголосокъ этого неудовольствія слышенъ и въ насмѣшкахъ надъ нимъ ливонскаго лѣтописца.

На ночь молодыхъ отвели въ опочивальню, приготовленную въ одномъ деревянномъ домѣ. Въ прихожей помѣстилось нѣсколько знатныхъ пожилыхъ женщинъ. Около дома ѣздило

* *Полн. Собр. Зак.* VI № 3.814; *Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Испов.*, 1, № 151.

двое сильныхъ дворецкихъ, на обязанности коихъ лежало охранять покой новобрачныхъ. По утру царь надѣлилъ молодыхъ богатыми мѣховыми шубами. Пированье продолжалось нѣсколько дней *.

Свадьбу сыграли; наступило время разчета. Магнусъ мечталъ о богатомъ приданомъ. Онъ надѣялся что получитъ обѣщанныя царемъ бочки золота, всѣ завоеванныя Русскими земли и будетъ жить со своею молодою женой въ довольствѣ, припѣваючи. Но недавнія измѣны Таубе, Крузе, Фаренсбаха и другихъ иноземцевъ научили Грознаго осторожности. Прежній обычай хвалиться своимъ необычайнымъ довѣріемъ къ иностранцамъ онъ уже оставилъ; Фелингу, послу Мекленбургскаго герцога, онъ сказалъ около этого времени: „Нѣмцы мнѣ извѣрились“. Неудивительно послѣ того что онъ задумалъ попридержать, постѣснить Магнуса, и на его требованіе отвѣтилъ ему чтобъ онъ, пока не докажетъ своей вѣрности, довольствовался даннымъ ему раньше Оберпаленомъ и Каркусомъ.

Новобрачная чета поселилась въ этихъ своихъ владѣніяхъ. Въ одномъ Оберпаленѣ принадлежало ей до тысячи крестьянъ; жить бы еще можно было, пожалуй, не особенно бѣдно, еслибы чета была по-практичнѣе; жена была не хозяйка и совершенное дитя, а супругъ—довѣрчивый, до расточительности щедрый юноша. Вскорѣ онъ раздарилъ своимъ придворнымъ почти всѣхъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на бѣдность, взаимныя отношенія супруговъ были добрыя. Марья Владиміровна вполнѣ подчинилась вліянію своего мужа. Оставивъ въ покоѣ ея религіозныя убѣжденія, онъ преобразовалъ лишь ея внѣшность, такъ что въ изящности манеръ она потомъ не уступала ливонскимъ дамамъ. У нихъ родилась (1580) дочь Евдокія, крещеніе которой, по словамъ Флетчера **, совершено по обряду православному.

---

* Гл. Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Историческія и церемоніальныя дѣла 1573 года, св. I, № 1; *Вивліоѳика*, XIII, 97—103; Сахарова, *Сказанія Русскаго народа*, С.-Пб. 1849, II, 65—66; Nyenstädt, s. 76; Henning, Bl. 55 a u b; Russow, Bl. 82 b; D. P. à Buccham, *Moscoviae ortus et progressus*, Gubenae, 1679, 222—224 (русск. перев. Бухау, составленный Барсовымъ, печатается въ *Чт. Имп. М. О. Ист. и Др. Россійскихъ*). Всѣ эти документы настолько неполны и отрывочны что пользоваться ими возможно только при снесеніи ихъ съ извѣстіями о другихъ княжескихъ свадьбахъ той эпохи.

** Флетчеръ *О Государствѣ Русскомъ*, Лондонъ, 1591.

Родство съ Грознымъ не принесло Магнусу того чего онъ добивался: основать самостоятельное Ливонское королевство подъ номинальною зависимостью отъ московскаго царя ему не удалось. И хотя счастіе ему потомъ нѣсколько разъ улыбалось: онъ, когда былъ въ союзѣ съ Грознымъ, иногда возвышался на такую высоту что, казалось, былъ уже близокъ къ цѣли; но это повидимому случалось только затѣмъ чтобы тѣмъ быстрѣе и сильнѣе низвергать его внизъ. Число враговъ его увеличилось; враги московскаго царя превратились въ его собственныхъ. Братъ Фридрихъ взялъ у него Эзель; Шведы обрѣзывали его съ сѣвера, Поляки съ юга, и когда Баторій началъ одолѣвать наши войска, онъ, чтобы спасти остатки своихъ владѣній, измѣнилъ Іоанну (не даромъ Іоаннъ прежде не довѣрялъ ему вполнѣ), поспѣшивъ отдаться новому сюзерену. Это мало ему помогло. Стѣсняя его во всемъ, Поляки обнаружили свои хитрыя притязанія и на его послѣдній укромный уголокъ, отдаленный Пильтенъ. Политическая его роль была доведена до ничтожества. Онъ перестал употреблять даже свой почетный титулъ ливонскаго короля. Огорченія свели его въ могилу раньше времени. Онъ умеръ 18 марта 1583 года, 42 лѣтъ отъ роду, и былъ похороненъ въ дворцовой Пильтенской киркѣ. Тѣло его потомъ * перевезли въ Данію.

Не осталась на мѣстѣ и его супруга. Щедрыми обѣщаніями сначала убѣдилъ (1583 года) ее переселиться въ свои владѣнія Баторій, потомъ заманилъ (1586 года) ее въ Россію Борисъ **,

* По лѣтописи Руссова (Russow, Bl. 134 a), въ слѣдующемъ 1584 году, а по пильтенскимъ церковнымъ книгамъ (Kalmeier, *Wo ist Herzog Magnus begraben? Das Inland*, 1837, № 25, s. 414—418), 5 апрѣля 1662 года.

** Вслѣдъ за Горсеемъ (Записки о Московіи XVI вѣка, *Библ. д. Чтен.* 1865, № 6, стр. 8—11) въ нашей исторической наукѣ (Костомаровъ, *Русская исторія*, 1880, I, 589) до сихъ поръ держится мнѣніе будто она съ ея согласія была похищена тайно отъ коменданта крѣпости. Дѣло, какъ показываютъ офиціальные документы (*Тр. и Лѣт. Общ. И. и Др. Росс.* 1837, VIII, 392—393), обошлось проще, безо всякихъ романическихъ похищеній: наше правительство, заручившись тайнымъ согласіемъ Марьи Владиміровны, обратилось къ Польскому правительству о добровольномъ ея отпускѣ въ Россію, а послѣднее, давно тяготившееся непріятною для него обузой, съ полною готовностію исполнило эту давно желанную просьбу.

и ни тотъ, ни другой не исполнили своихъ обѣщаній: Баторій отправилъ ее въ Рижскую крѣпость, Борисъ—въ монастырь. Лишившись дочери, она подъ именемъ инокини Мареы долго еще влачила здѣсь свою несчастную жизнь, хотя съ точностію и не извѣстенъ годъ ея смерти *. Въ послѣдній разъ упоминается о ней въ 1609 и 1611 годахъ ** — во время осады Троицкой Лавры Поляками и разграбленія московскаго Новодѣвичьяго монастыря казаками Заруцкаго. Казаки до-нага ограбили ее вмѣстѣ съ другою подобною инокиней, дочерью Бориса, Ксеніей, и обѣихъ ихъ подвергли поруганію... Гробница ея и ея дочери находится въ Успенскомъ соборѣ Троице-Сергіевой Лавры ***.

Тяжело было житье нашихъ княженъ въ теремахъ, но все же трудно сравнивать его съ судьбой кн. Марьи Владиміровны. Первый бракъ между нашею православно-русскою княжной съ нѣмецко-протестантскимъ принцемъ какъ-будто и устроился только затѣмъ чтобы подвергнуть эту чету самымъ тяжкимъ невзгодамъ.

II.

Сватовство Грознаго за Марію Гастингсъ. †

Еще прежде чѣмъ родилась Марья Владиміровна, Иванъ Васильевичъ задумалъ поискать себѣ невѣсту „въ иныхъ государствахъ, у короля или у царя котораго". Митрополитъ склонилъ его оставить эту мысль, и царь заявилъ (1547) ему: „азъ, отче, ту мысль отложилъ, въ иныхъ государствахъ не хочу женитися: для того что послѣ своего отца и матери

* Дата на ея гробницѣ („лѣта ҂зрє (1597) іюнія г҃і (13) дня, преставися благовѣрная королева инока Мареа Владиміровна") невѣрна и ошибка сдѣлана, вѣроятно, при подновленіи.

** *Акты историческіе* III, 286; *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ* III, 585.

*** Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ: *Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій*, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878. III.

† Главные относящіеся сюда документы хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, среди Англійскихъ дѣлъ, св. I, №№ 1 и 2, и изданы въ 1883 году въ XXXVIII томѣ *Сборника Имп. Русск. Историч. Общества.*

остался малъ, привести мнѣ за себя жену изъ другаго государства, и у насъ въ нравахъ будетъ разное и иное между нами будетъ тщетно“ *. Выборъ палъ на невѣсту изъ своихъ, на Анастасію Романовну. Послѣ ея смерти вліяніе духовенства и лучшаго боярства на Іоанна ослабѣло. Онъ намѣтилъ себѣ въ супруги дочь ревностнаго католика, Сигизмунда I Польскаго, и продолжалъ свататься за нее даже по выходѣ ея за Шведскаго короля Іоанна, пока ея мужъ съ позоромъ не выслалъ (1567) его пословъ изъ Стокгольма. Несмотря на то, подъ конецъ жизни, въ немъ воскресла мысль о супругѣ изъ знатныхъ иноземокъ. Внѣшнимъ предлогомъ къ возобновленію попытки опять послужилъ Ливонскій вопросъ.

Стѣсненный Баторіемъ и Швеціей, Іоаннъ вынужденъ былъ на невыгодный для насъ миръ: мы были совсѣмъ отрѣзаны отъ балтійскихъ береговъ, изъ-за которыхъ погубили столько усилій, средствъ и людей. Это убѣдило насъ какъ непосильна для насъ борьба съ западными сосѣдами пока мы неравны съ ними въ ратномъ искусствѣ и пока у насъ тамъ нѣтъ вѣрнаго союзника. Потому, не покидая надежды воротить балтійскіе берега, Іоаннъ завелъ сношенія съ Англійскою королевой Елизаветой о заключеніи наступательнаго союза противъ Польши и, чтобы лучше закрѣпить его, вплелъ сюда переговоры о женитьбѣ на одной изъ родственницъ Елизаветы, Маріи Гастингсъ, дочери графа Гѣнтингдонскаго **. Бракъ долженъ былъ служить къ закрѣпленію и другаго предпріятія Іоанна. Одновременно съ тѣмъ царь велъ переговоры съ Елизаветой о тайномъ для себя убѣжищѣ. Какъ родственникъ королевы, онъ, конечно, былъ бы принятъ тамъ лучше еслибы дѣйствительно когда-нибудь пришлось воспользоваться выхлопатываемымъ имъ дозволеніемъ. То же обстоятельство что онъ былъ женатъ и его жена Марія Нагая находилась въ добромъ здравіи, ему не казалось препятствіемъ. Женившись въ пятый или седьмой разъ и привыкши замѣ-

---

* *Царственная книга.* Спб. 1769. 127.

** Извѣстіе нашей лѣтописи (*Полное собр. Русск. Лѣтоп.* IV, 318) и сообщеніе Горсея (*Библіотека для Чтенія* 1865, № 5, 53), будто бы Грозный, введенный въ заблужденіе Елисеемъ Бомеліемъ, первоначально думалъ жениться на самой Елизаветѣ, не заслуживаютъ вѣроятія. См. объ этомъ у графа Ю. Толстаго: *Англія и ея виды на Россію въ XVI вѣкѣ*, *Вѣстникъ Европы* 1875, VIII, 507—508.

нять своихъ супругъ другими, сластолюбивый старикъ съ такою же свободой могъ взять и восьмую, и считалъ это такъ естественнымъ что переговоры о Маріи Гастингсъ онъ поручилъ сначала вести, между прочимъ, брату своей жены, Аѳанасію Нагому.

Началось съ того что Іоаннъ попросилъ Елизавету о присылкѣ ему хорошаго доктора и аптекарей. Подобныя просьбы были тогда въ обычаѣ, и Елизавета охотно исполнила ее: прислала доктора Роберта Якова *, рекомендуя его съ самой выгодной стороны и выставляя на видъ какъ онъ и аптекари дороги ей („себя есмя ими оскудѣли") и если отправляетъ, то чтобы доказать ему, Іоанну, свою дружбу Цѣль оговорокъ понятна: побуждать государя оказывать свое покровительство англійскимъ купцамъ. Въ бесѣдѣ съ Робертомъ, Іоаннъ какъ-то спросилъ его: есть ли въ Англіи какая государская дочь, вдова, жена или дѣвица? Докторъ указалъ на королевину племянницу Марію Гастингсъ. Царь велѣлъ оружейничему Богдану Бѣльскому, думному дворянину Аѳанасію Нагому и дьяку Щелкалову разспросить поподлиннѣе доктора о той „дѣвкѣ" и о дорогѣ какимъ обычаемъ государеву послу ѣхать въ Англійскую землю. Снаряжено было посольство. Его составляли: дворянинъ Ѳедоръ Андреевичъ Писемскій, при немъ подьячій Епифанъ-Неудача Ховралевъ, толмачи Романъ Бекманъ и Эгидій Кроу. Послѣднему было поручено тайно сообщить Елизаветѣ о намѣреніи Іоанна прибыть въ Англію, а Писемскій долженъ былъ, ведя съ ея послами переговоры о заключеніи союза противъ Польши, открыть королевѣ что Іоаннъ желалъ бы взять ея племянницу еслибъ эта оказалась годною ему; на его обязанности лежало также добиваться чтобъ ему была показана невѣста и данъ ему съ нея портретъ, чтобъ онъ высмотрѣлъ ее накрѣпко, развѣдалъ о ней и ея родныхъ и обо всемъ донесъ своему государю.

16 сентября 1582 года посольство высадилось на англійскій берегъ. То подъ предлогомъ мороваго повѣтрія, то подъ предлогомъ увеселеній доставляемыхъ нашимъ посламъ представить пословъ Елизаветѣ и начать съ ними переговоры Англичане не торопились. Представленіе королевѣ состоялось

---

* Онъ извѣстенъ у насъ болѣе подъ именемъ Романа Елизарьева. О немъ у Рихтера въ *Исторіи медицины въ Россіи* II, 293–300.

4 ноября, въ Виндзорѣ, а первое совѣщаніе съ ея министрами во второй половинѣ декабря. Писемскій заявилъ что за союзъ противъ враговъ, особенно противъ короля Польскаго, за помощь людьми или деньгами, и за пропускъ въ Россію мастеровъ и всего что пригоже къ ратному дѣлу, государь обѣщаетъ выпускать изъ Россіи въ Англію все безъ вывѣта. Министры отвѣтили что прежде слѣдуетъ донести имъ о томъ до вѣдома королевы.

Какъ бы для ускоренія сношеній, Писемскій, теряя терпѣніе, чрезъ своего толмача Елизара, далъ знать королевѣ что у него есть до нея тайное дѣло. Хотя изъ донесенія доктора Роберта ей кое-что было извѣстно, однако Елизавета не показала о томъ виду, назначила Писемскому быть у нея (18 января 1583 года) въ Ричмондѣ и, оставшись съ нимъ наединѣ, спросила въ чемъ состоитъ тайный ему приказъ государя. Писемскій предложилъ королевѣ чтобъ она показала ему свою племянницу, велѣла бы написать ея персону для передачи государю, чтобы государь, буде Марія пригодится для его государскаго чину, началъ о томъ съ королевой говорить какъ пригоже. „Любя брата своего, вашего государя, отвѣчала Елизавета, рада съ нимъ быть въ свойствѣ; но я слышала что государь вашъ любитъ дѣвицъ красивыхъ, а моя племянница некрасива и вашъ государь едва ли полюбитъ ее; совѣстно мнѣ также и списать ея портретъ и послать его къ государю: лежала она въ оспѣ, отъ болѣзни не оправилась, лицо у нея теперь красное, ямоватое“. Елизавета, очевидно искала предлога чтобъ отклонить предложеніе; но посолъ настаивалъ, и Елизавета, какъ ни отказывалась, наконецъ обѣщала ему что какъ только племянница выздоровѣетъ, она велитъ ее показать ему и написать съ нея портретъ.

Елизаветѣ хотѣлось знать поточнѣе объ условіяхъ брака. Убѣждая посла что безъ крѣпкаго договора она не отпуститъ не только племянницы, но и менѣе знатной особы, и ободряя его тѣмъ что теперь она говоритъ съ нимъ сама, безъ совѣтниковъ, она побуждала его сказать ей все. Посолъ сообщилъ: „Государь нашъ, государыня, велѣлъ говорити: какъ судомъ Божіимъ сговоришь за него свою племянницу, и быть ей за нимъ въ одной съ нимъ христіанской вѣрѣ, какъ равно и боярамъ и боярынямъ, которые пріѣдутъ съ нею и захотятъ жить у ней на государскомъ дворѣ; а которые пожелаютъ возвратиться назадъ въ Англійскую землю, и

тѣмъ вольно ѣхать съ великимъ государевымъ жалованьемъ и путь имъ будетъ чистъ по договору, на чемъ приговорятъ въ докончаніи".—А если родятся дѣти у вашего государя съ моею племянницей?—„На государство быть сыну государя, царевичу Ѳедору и его дѣтямъ; а дѣтямъ, которыхъ Богъ дастъ государю нашему съ твоею племянницей, быть на удѣлахъ по ихъ царскому чину, какъ у нихъ, государей, ведется."—А если родится дочь?—„Государи наши выдаютъ дочерей за государей и за государскихъ дѣтей", отвѣчалъ Писемскій и указалъ на примѣръ Елены, выданной за Польскаго короля Александра.

Переговоры о сватовствѣ не ускоряли переговоровъ о союзѣ. Отвѣтъ королевы о послѣднемъ Писемскому былъ данъ уже во второй половинѣ марта. Свою помощь королева обѣщала подъ условіемъ торговой для Англичанъ монополіи. Писемскій возразилъ: „Какъ Англійской землѣ нельзя быть объ одномъ русскомъ торгу, такъ и Русскимъ людямъ нельзя быть объ одномъ торгу съ Англичанами". Успѣшнѣе повидимому шли дѣла у толмача Кроу. Пріемъ въ Англію былъ Іоанну обѣщанъ со всѣмъ его имуществомъ.

Между тѣмъ до Англійскаго правительства достигла вѣсть что у царя отъ Маріи Нагой родился сынъ Дмитрій. И безъ того бракъ съ Іоанномъ казался незавиднымъ, а тутъ еще новое затрудненіе и стали пробовать, не откажется ли Писемскій отъ своего порученья. „И такимъ бы слухамъ королева не вѣрила, отвѣчалъ Писемскій: лихіе люди то ссариваютъ, не хотя видѣть промежъ государя да королевны добраго дѣла". Онъ запросилъ себѣ отпуска, если она не хочетъ исполнить ему своего прежняго обѣщанія—показать племянницу и дать ея портретъ.

Отпустить его такъ было не удобно. 17 мая онъ получилъ чрезъ Рондольфа приглашенье въ домъ канцлера Бромлея чтобы видѣть невѣсту. Ему было наказано чтобы онъ взялъ съ собой одного Елизарья, такъ какъ тамъ народу будетъ немного: самъ канцлеръ, братъ невѣсты и ихъ семьи. У крыльца встрѣтилъ ихъ самъ хозяинъ вмѣстѣ съ графомъ Гастингсомъ и провелъ прямо въ садъ, въ бесѣдку. На одномъ креслѣ Бромлей предложилъ сѣсть Писемскому, на другомъ сѣлъ самъ; Гастингсъ и Рондольфъ сѣли на лавкахъ. Вскорѣ явилась невѣста; она шла между хозяйкой и женой графа Гастингса; за ними толпились дамы. Хозяинъ и Писемскій встали и

поклонились имъ; эти отвѣтили на поклонъ. И Бромлей сказалъ Ѳедору: „Высмотри внимательно; королева велѣла показать тебѣ племянницу не въ темномъ мѣстѣ, не въ каморѣ, не въ палатѣ, на свѣту". Гости отправились гулять по саду, Бромлей съ Писемскимъ также, и гости встрѣтились съ ними чтобы Писемскій могъ еще разсмотрѣть Марію.— „Хорошо ли высмотрѣлъ?" спросилъ его хозяинъ.—„Я смотрѣлъ по государя моего наказу и по королевнину велѣнью". Бромлей воротился съ Писемскимъ въ бесѣдку, подчивалъ его овощами и виномъ. Немного посидѣвъ, Ѳедоръ всталъ; хозяинъ и Гастингсъ проводили его до лодки, Рондольфъ — до посольскаго двора.

„И княжна Хунтинскаго Марья Хантисъ, записалъ посолъ въ своемъ донесеніи, ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла, глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, на рукахъ пальцы тонкіе и долгіе." * О пріятности, красотѣ онъ не промолвился ни словомъ.

Невѣста, дѣвушка пожилая, лѣтъ подъ тридцать, едва ли была бы прочь пристроиться за жениха съ громкимъ титуломъ. Его многоженство не должно было особенно смущать ее. Сама Елизавета—дочь король Генриха, мужа восьми женъ. Несравненно болѣе должны были пугать ее нравъ и годы царя. Со своей стороны, Елизавета любопытствовала о впечатлѣніи какое произвела невѣста на свата. „Государь вашъ племянницы моей не полюбитъ, говорила она Писемскому, и не только онъ, но и ты, думаю, не полюбилъ ее".—„Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ, племянница твоя красива, а становится

* Отсюда ясно, какъ неправдоподобенъ разказъ Горсея. „Посолъ, передается здѣсь, въ сопровожденіи разныхъ другихъ дворянъ и господъ, былъ представленъ леди (въ Горкгаузскомъ саду), но вдругъ растерявшись упалъ къ ея ногамъ, всталъ и побѣжалъ отъ нея задомъ съ обращеннымъ къ ней лицомъ. Она и всѣ прочіе удивились такой выходкѣ. Тогда чрезъ переводчика онъ сказалъ что довольствуется однимъ взглядомъ на ангела, котораго онъ надѣется видѣть супругою своего государя, и восхвалялъ ея ангельскій видъ, станъ и удивительную красоту. Послѣ этого приключенія близкіе друзья при дворѣ прозвали ее московскою царицей" (*Записки о Московіи XVI вѣка* въ *Библіотекѣ для Чтенія*, 1865, № 5, стр. 60). Нужно полагать что таковы именно слухи ходили тогда въ англійскомъ обществѣ; въ этомъ отношеніи только и имѣютъ свое значеніе сообщаемыя Горсеемъ подробности.

то дѣломъ Божіимъ: присудитъ Богъ быть твоей племянницѣ за нашимъ государемъ, и она ему полюбится. Что̀ мнѣ сказать отъ тебя объ этомъ дѣлѣ государю?"—„О томъ я наказала со своимъ посломъ".

Это былъ Джеромъ Боусъ. Ему назначено было отправиться въ Россію вмѣстѣ съ Писемскимъ. Рондольфъ привезъ (13 іюня) Писемскому портретъ Маріи Гастингсъ, и пословъ проводили (21 іюня) съ честью.

Насколько Писемскій держалъ себя въ Англіи прямо, настолько постоянно хитрилъ у насъ Боусъ, исполняя не посильную для него миссію. Обѣщая Іоанну только убѣжище въ Англіи, онъ долженъ былъ добиться исключительной и безпошлинной торговли въ Россіи для англійскихъ купцовъ и отклонить требуемый Іоанномъ союзъ противъ его враговъ и женитьбу на Маріи Гастингсъ. Въ своихъ длинныхъ переговорахъ о союзѣ онъ постоянно сбивался, не обѣщая даже свободнаго чрезъ Англію пропуска въ Россію пословъ отъ государей, которые съ Англіей не въ дружбѣ и не одной вѣры. На послѣднее бояре замѣтили ему: „Вѣра къ дружбѣ не пригодится: хотя кто и не одной вѣры съ государемъ нашимъ, но будутъ ему друзьями тѣмъ что станутъ къ нему посылать своихъ пословъ и гонцовъ; вотъ и государыня ваша не одной съ нимъ вѣры, а государь нашъ желаетъ съ нею быть въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей." За союзъ касательно Ливоніи Іоаннъ готовъ былъ даже поступиться монополіей, хотя самъ признавалъ это тяжелѣе лени.

Ничего не добившись здѣсь, Іоаннъ велѣлъ послу быть у себя 13 декабря, безо всякаго вооруженія, безъ меча и кинжала, для переговоровъ о тайныхъ дѣлахъ. Съ обычнымъ торжествомъ ввели его въ столовую избу, гдѣ присутствовали знатные князья Ѳ. М. Трубецкой, Н. Р. Юрьевъ, Б. Я. Бѣльскій, Д. И. Годуновъ, окольничій С. В. Годуновъ; думные дворяне: Игнатій Татищевъ, Д. Черемисовъ, Воейковъ, дьяки Андрей и Василій Щелкаловы, Савва Фроловъ, И. Стрѣшневъ. Подозвавъ къ себѣ Юрьева, Бѣльскаго, Андрея Щелкалова и Фролова и самого посла, царь разказалъ вкороткѣ исторію сватовства и спросилъ Боуса, что̀ ему о то́мъ наказано отъ Елизаветы и какъ тому дѣлу можно статься. Боусъ началъ хитрить, показалъ видъ что объ условіяхъ брака будто бы Елизаветѣ ничего неизвѣстно, кромѣ того что Писемскій просилъ ее прислать къ государю посломъ добраго и ближняго своего

человѣка, и вотъ королевна послала его выслушать и довести до нея что̀ государь ему скажетъ, а съ нимъ ничего не наказано. Іоаннъ обратился къ частнымъ вопросамъ. „Хотимъ мы, судомъ Божіимъ, говорилъ онъ, княжну Марью, племянницу Елизаветъ-королевны, за себя взять, и княжна Марья будетъ ли со мной въ одной вѣрѣ и какимъ обычаемъ тому дѣлу совершиться?“—„Племянница королевнина княжна Марья, отвѣчалъ посолъ, по грѣхамъ сильно больна, да думаю что и отъ своей вѣры она не откажется: вѣра вѣдь одна христіанская.“ Здѣсь посолъ высказалъ иной взглядъ на религію чѣмъ во время переговоровъ о союзѣ. На это государь замѣтилъ: „Я не о вѣрѣ съ тобой говорить хочу, и тому статься не возможно: княжнѣ, которой быть за нами, слѣдуетъ сперва креститься въ нашу христіанскую вѣру; и вижу что ты пріѣхалъ не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобой о немъ и говорить не станемъ, началось оно отъ задора доктора Романа, онъ намъ насказалъ про нее.“ Понимая къ чему можетъ повести это неудовольствіе Іоанна, Боусъ замѣтилъ: „Та, государь, королевнина племянница всѣхъ племянницъ дальше, и больна, и лицомъ некрасива; а есть у королевны дѣвицъ съ десять ближе ей въ родствѣ.“ „Кто же онѣ?“ спросилъ царь. Долгіе переговоры о сватаніи Гастингсъ вдругъ, совершенно неожиданно для присутствующихъ, готовы были превратиться въ сватаніе другихъ Англичанокъ; но это совсѣмъ не входило въ разчеты Боуса, и онъ отвѣчалъ: „мнѣ о томъ наказа нѣтъ чтобы называть ихъ имена.“

Хотя государь и заявилъ что онъ больше о сватовствѣ говорить съ Боусомъ не желаетъ, однако эти слова сорвались у него больше отъ досады. Въ свою очередь, Боусъ также желалъ смягчить прежнее впечатлѣніе, и чрезъ доктора Роберта онъ добился (18 декабря) у государя дозволенія говорить съ нимъ наединѣ. Всѣмъ дворянамъ и посольскимъ людямъ царь велѣлъ выдти изъ Столовой избы, указавъ остаться одному князю Ѳ. М. Трубецкому съ товарищами; они сѣли подальше отъ Іоанна, а дьяки стали у печи. Сборы къ переговорамъ не оправдались содержаніемъ послѣднихъ. Боусъ попрежнему повелъ рѣчь уклончиво. „Я слышалъ, сообщилъ онъ Іоанну, что государыня наша Елизавета, помимо всѣхъ государей, хочетъ любовь держать къ тебѣ, государю, и я хочу служить и службу свою тебѣ являть.“—„Скажи же, допрашивалъ его царь, кто у королевны племянницы, дѣвицы,

чьи онѣ дочери и въ какомъ родствѣ съ королевой? Я съ тобою пошлю своего посла посмотрѣть ихъ и портреты снять, а королева прислала бы своего."—„Я тебѣ, государю, въ томъ службу свою покажу и посмотрю чтобы портреты написали прямо и послала бы ихъ королева къ тебѣ сюда."

Слова Боуса слишкомъ были не согласны со словами и дѣйствіями Елизаветы, какъ о нихъ передалъ Писемскій, такъ что Грозный велѣлъ сличить вѣрительныя грамоты этихъ пословъ: грамоты согласовались. Продолжать переговоры съ Боусомъ Іоаннъ поручилъ боярамъ. На ихъ вопросъ о родственныхъ королевѣ дѣвицахъ, о которыхъ онъ упомянулъ государю, посолъ началъ отрицать что онъ о нихъ ничего не говорилъ ему. „Ты, Еремей, запираешься, урезонивали его бояре: говорилъ ты предъ государемъ что есть у государыни вашей и красивѣе той дѣвицы и ближе ей въ родствѣ дѣвицъ до десяти, и ты въ томъ государю хотѣлъ служить и лица ихъ писать, предъ собою чтобы прямо написали; и толмачилъ Елизарьевъ." Толмачъ подтвердилъ. Уличенный во лжи, Боусъ оправдывался: „То я слово говорилъ, но безъ наказу отъ королевы мнѣ списка дѣвицъ давать нельзя, государю же я служить радъ, только еще моей службѣ время не пришло."

Вмѣстѣ съ переговорами завязалась тяжба. Боусъ обнесъ дьяка Андрея Щелкалова что онъ будто бы иначе передаетъ его слова; пожаловался и на кормовщиковъ будто бы они не доставляютъ ему всего положеннаго. Щелкалова царь отставилъ, кормовщиковъ велѣлъ бросить въ тюрьму. Своею предупредительностію онъ надѣялся вызвать Боуса на большую откровенность. Но Боусъ и въ переговорахъ съ царемъ, и въ переговорахъ съ боярами повторялъ прежнія рѣчи. Въ послѣдній разъ Грозный велъ съ нимъ бесѣду 14 февраля. „Исхуливъ прежнюю, сказалъ онъ ему, ты толку не далъ ни объ одной другой дѣвицѣ: знатно, пришелъ не дѣло дѣлать; и мы посылаемъ съ тобою новыхъ пословъ къ Елисаветъ-королевнѣ."

Къ чему привела бы отправка новыхъ нашихъ пословъ, неизвѣстно. Самъ Боусъ думалъ что имъ исполнена миссія удачно, и считалъ себя на верху славы. „Іоаннъ, писалъ онъ въ своемъ отчетѣ, снова изъявилъ къ намъ особенное благорасположеніе; указалъ давать мнѣ вдвое и втрое съѣстныхъ припасовъ, вина, меду, пива; велѣлъ доктору Якоби описать

для него догматы нашей вѣры и читалъ это описаніе съ великимъ удовольствіемъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ бояръ, назначилъ для королевы дары въ 3.000 фунтовъ стерлингъ, а для меня въ тысячу; хотѣлъ самъ ѣхать за невѣстой въ Англію и взять съ собой всю казну свою; больно наказалъ врага моего, дьяка Андрея Щелкалова, за его обманы; торговать обѣщалъ дозволить однимъ англійскимъ купцамъ". Значительныя преувеличенія расхваставшагося посла очевидны, но несомнѣнно что Іоаннъ оказывалъ ему очень много милостей. Мысль объ убѣжищѣ въ Англіи и женитьбѣ на Англичанкѣ уже слишкомъ завладѣвали имъ.

Снарядить посольство помѣшала неожиданная смерть (18 марта 1584 года, ровно черезъ годъ послѣ смерти Магнуса) Ивана Васильевича. Прекративъ всякіе переговоры, свата у насъ проводили не по честному. Своею заносчивостью, безтактностію и непомѣрными домогательствами онъ страшно надоѣлъ придворнымъ боярамъ, возбудивъ во многихъ изъ нихъ крайнюю ненависть. Къ нему былъ приставленъ недругъ Англичанъ и его личный врагъ, Андрей Щелкаловъ. „Твой англійскій царь умеръ!“ сказалъ онъ Боусу и велѣлъ оцѣпить его домъ. Крѣпкій караулъ длился болѣе двухъ мѣсяцевъ. Неудовольствіе на Боуса было до того сильно что, если вѣрить Горсею, въ Думѣ поднимался вопросъ, не предать ли его смертной казни, и его спасло лишь представленіе Горсея что Елизавета отомститъ за него. Наконецъ потребовали его въ Кремль, вручили ему грамоту и приказали чрезъ три дня оставить Москву. 12 августа 1584 года онъ сѣлъ уже на англійскій корабль. Подарки ему были присланы почти ничего не стóящіе. Одинъ Борисъ Годуновъ, тайно отъ другихъ бояръ, вручилъ ему сорокъ хорошихъ соболей и просилъ передать королевѣ увѣренія въ его къ ней преданности. Этотъ зналъ чтó дѣлалъ....

III.

Ксенія Борисовна Годунова и ея женихи.

Воспитанный въ школѣ Грознаго и усвоившій многое изъ его стремленій, въ рѣшеніи брачнаго вопроса Годуновъ потратилъ еще болѣе усилій чѣмъ его учитель. Если родственнымъ связямъ съ европейскими дворами придавалъ такое

значеніе Іоаннъ, государь по крови, то во мнѣніи Бориса, родъ котораго въ отношеніи къ знатности далеко уступалъ многимъ русскимъ боярамъ, эти связи могли казаться прямою необходимостію: помимо чисто государственныхъ цѣлей, онѣ должны были поднять значеніе его рода, такъ-сказать, облагородить его. Неудачи понесенныя предшественникомъ побуждали Бориса не скупиться на обѣщанія привлекаемымъ имъ лицамъ и предоставить остальное дѣйствію времени и обстоятельствъ. Оторвавшись отъ родной почвы и попавъ въ русскую обстановку, чужеземные гости, какъ разчитывалъ онъ, сами поймутъ свои интересы и легче поддадутся увѣщаніямъ оставить свой языкъ, религію и прочее.

Борисъ хлопоталъ не о себѣ, а о дѣтяхъ, сынѣ и дочери. Өедору онъ назначалъ престолъ и думалъ женить его на принцессѣ, дочь Ксенію выдать за принца который бы переселился на житье въ Россію, въ подаренный въ качествѣ приданаго удѣлъ.

Началось съ пріисканія жениха. По нашимъ лѣтописямъ *, Ксенія представляла собой лучшій образецъ тогдашней боярышни. Роста была средняго, полная („тѣломъ изобильна"), бѣлолицая, румяная, глаза у нея черные, большіе, выразительные, брови союзныя, волосы черные, густые и лежали по плечамъ „какъ трубы", умная („чуднаго домышленія"), благонравная, навычная въ книгахъ, любительница духовнаго пѣнія, осторожная и благоприличная во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Нужно полагать, она была обучена всему что̀ было обязательно для тогдашней барышни: кромѣ чтенія, письма и изученія книгъ, по преимуществу церковныхъ, шитью, вышиванію, иконописи, а быть-можетъ, какъ назначавшаяся въ жены для иностраннаго принца, и какому-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Для такой невѣсты выборъ жениха первоначально палъ на Шведскаго принца Густава.

Отецъ его Эрихъ XIV былъ низложенъ, и сынъ скитался по Европѣ, въ то время какъ изъ-за его наслѣдственнаго престола велся ожесточенный споръ между его родичами, Карломъ, его дядей, и Польскимъ королемъ Сигизмундомъ, его двоюроднымъ братомъ. Этого скитальца Борисъ задумалъ

---

* *Русскія Достопамятности*, 1, 174. *Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи*. Собр. и изд. А, Поповъ. М. 1869. 314.

сдѣлать вторымъ Магнусомъ: подчинить чрезъ него себѣ Ливонію на правахъ вассальныхъ, въ разчетѣ что Шведскій и Польскій короли теперь побоятся препятствовать тому если онъ, имѣя подъ рукой такого претендента на Шведскій престолъ, будетъ грозить Польскому королю союзомъ со Швеціей, а Шведскому союзомъ съ Польшей, и станетъ подбивать Ливонцевъ отложиться отъ своихъ настоящихъ владѣтелей. Къ Густаву были отправлены послы которые должны были уговорить его переселиться въ Россію гдѣ государь дастъ ему княжеское содержаніе и будетъ относиться къ нему какъ отецъ; тамъ онъ можетъ остаться навсегда, но воленъ и уѣхать когда пожелаетъ, со всѣми своими людьми и имуществомъ. Густавъ согласился, и былъ у насъ почетно встрѣченъ (19 августа 1599 года), щедро одаренъ * и получилъ въ удѣлъ Калугу. Узнавъ что ему живется въ Москвѣ хорошо, къ нему явилось на службу много иноземцевъ, которые знали его. Со своей стороны, онъ пригласилъ къ себѣ изъ Данцига жену своего прежняго хозяина, у котораго онъ тамъ жилъ, Екатерину Катеръ, и сталъ открыто жить съ ней въ Москвѣ. Она пышно разъѣзжала по улицамъ Москвы; Густавъ, подчиняясь ея вліянію, сумасбродствовалъ, и это соблазняло Москвичей. Махинаціи относительно Ливоніи, неподкрѣпленныя оружіемъ, не вели ни къ чему положительному: заговоръ нарвскихъ горожанъ о сдачѣ своего города Русскимъ былъ открытъ, и заговорщики казнены. Густаву было дано понять что если онъ желаетъ чтобы государь помогъ ему получить Ливонію и Шведскую корону, то долженъ искать руки Ксеніи, принять православную вѣру и жить скромнѣе. Разгульный, своенравный принцъ продолжалъ вести себя попрежнему. На замѣчаніе что такъ жить неприлично королевскому сыну, онъ обидѣлся, потребовалъ отпуска и, когда ему не дали его, пригрозилъ что все же онъ уѣдетъ да еще и Москву сожжетъ. Убѣдившись что такое лицо въ зятья не годится, Борисъ лишилъ его Калуги, нѣкоторое время продержалъ подъ стражей и затѣмъ выслалъ (1601 года) на житье въ Угличъ. Доходы съ города и уѣзда, которые при

* „Получилъ отъ государя 10.000 рублей, сумму незначительную въ сравненіи съ дарами". Маржеретъ, *Состояніе Россійской державы* въ *Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, пер. Устрялова, Спб. 1837. III, 69.

хорошемъ хозяйствѣ могли достигать до 4.000 рублей, должны были выдавать Густаву приставленные для наблюденія за нимъ бояре. Послѣ Годунова ему стало еще хуже. Умеръ онъ въ Кашинѣ въ 1607 году, жалуясь на вѣтреность женщины для которой пожертвовалъ счастіемъ жизни *.

Между тѣмъ въ Англіи возникло опасеніе какъ бы семья Бориса не породнилась съ членами Австрійскаго дома, и Елизавета наказала своему послу Ричарду Лею чтобъ онъ препятствовалъ тому и чтобы предложилъ дочь Фердинанда Станлея, графа Дарби, въ невѣсты Өедору. Невѣста оказалась года на три старше жениха. Такъ какъ Борисъ пожелалъ чтобъ ему указали другихъ лицъ, то Елизавета послала съ другимъ своимъ посломъ, Джономъ Мерикомъ, списокъ своихъ родственниковъ чтобы царь самъ посмотрѣлъ, не найдется ли подходящей невѣсты или жениха для его дѣтей. Принятый (10 февраля 1602 года) ласково въ Москвѣ, Мерикъ вмѣстѣ съ А. И. Власьевымъ занялся переводомъ на русскій языкъ списка Англійскаго королевскаго дома, причемъ Власьевъ выразилъ ему свое недоумѣніе что коро-

* Подробнѣе на немъ не останавливаемся, такъ какъ онъ по вѣроисповѣданію былъ католикъ, что необходимо признать, несмотря на авторитетное мнѣніе историковъ (Büsching I, 5, Grot, 234—235, Jungblut, 4, Снегиревъ, 33 и др.) протестантскихъ церквей въ Россіи и даже Соловьева (VIII, 1866, 32) будто бы онъ держался протестантской вѣры и дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Поводомъ къ ошибкѣ послужило извѣстіе Петрея (*Hist. и Bericht* 252, въ русскомъ переводѣ: *Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ*, пер. Шемякина. М. 1867, 166) будто для него Годуновъ позволилъ перестроить прежнюю кирку, и извѣстіе Буссова (C. Bussovii *Chronicon* въ *Rer. rossic. script. exteri*, I, 10; русск. перев. Устрялова въ *Сказ. соврем. о Димитріи Самозванцѣ*, I, 14) что его хоронилъ лютеранскій пасторъ Беръ. Петрей и Буссовъ прямо не называютъ Густава лютераниномъ, и они не имѣли случая видѣть его; писатели же жившіе въ Россіи при Годуновѣ и лично знавшіе Густава (Маржеретъ, 68—69 Масса, 70—73), разказывая объ его судьбѣ, ничего не упоминаютъ ни о томъ какой держался онъ религіи, ни объ его услугахъ въ пользу лютеранскихъ церквей въ Москвѣ, а шведскіе, датскіе и нѣмецкіе историки (Schlegel, Dalin, Geiger, Fryxel), пользовавшіеся лучшими источниками относительно вѣроисповѣданія Густава, прямо утверждаютъ что онъ исповѣдывалъ католичество и что католичество именно онъ и не соглашался перемѣнить на православіе. Fechner, *Chronik der Evang. Gem. in Moscau*. M. 1866, I, 130.

лева не упомянула о графскихъ фамиліяхъ Гартфортъ и Гэнтингдонъ. Всѣ названныя въ спискѣ лица Борису показались „не противъ лѣтъ" его дѣтей, и такой отвѣтъ его былъ доставленъ (5 сентября 1602) Мерикомъ Елизаветѣ. * На требовательность, обнаруженную здѣсь Борисомъ, имѣло вліяніе впрочемъ едва ли одно это несоотвѣтствіе лѣтъ: въ Москвѣ были тогда заняты другимъ, ожидали датскаго принца Іоанна, младшаго брата короля Христіана IV.

Съ Даніей были заведены сношенія подъ предлогомъ покончить издавна тянувшіяся несогласія изъ-за Лапландіи. Среди переговоровъ было сообщено Христіану что Борисъ желалъ бы выдать свою дочь за его младшаго брата Іоанна.** Предложеніе едва ли было неожиданно: о возможности этого брака въ Англіи поговаривали еще какъ только Борисъ вступилъ на престолъ. Для Датскаго двора это сулило значительныя выгоды, такъ какъ теперь ему представлялся удобный случай легче и съ большею пользой для себя разрѣшить тяготившій его вопросъ о Лапландіи и пріобрѣсть въ Россіи надежнаго союзника противъ своей соперницы Швеціи, съ которою шелъ у него извѣстный споръ о трехъ коронахъ

---

* Hamel, *Thradescant der aeltere* 1618 *in Russland.* St.-Petersb. u. Leipzig. 1847. 248—49; русскій переводъ, подъ заглавіемъ: *Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, прилож. къ VIII и XV т. *Зап. Имп. Ак. Наукъ*, стр. 329—331.

** Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла Датскія, св. 2, 1602 года № 1: *Пріѣздъ въ Россію дацкаго королевича Ягана;* св. 9, 1637 г., № 1: *Пріѣздъ въ Москву дацкаго гонца Николая Голмера съ просительною королевскою грамотой объ отпускѣ въ Данію тѣла умершаго въ Москвѣ въ 1602 году дацкаго королевича Ягана*; 1639 года, № 3: *Вторичный пріѣздъ Николая Голмера съ королевскою грамотой о благодареніи за отпускъ въ Данію королевичева тѣла. Лѣтопись о многихъ мятежахъ*, С.-Петербургъ, 1788, 66—67. *Подробная Львовская лѣтопись*. III, 134—135; *Новый Лѣтописецъ, Временникъ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.* XVII, отд. II, стр. 55—56. *Wahrhaftige Relation der Reussischen und Musskowitischen Reise... Herzog. Johannsen des jüngern*, Magdeburg, 1604, въ *Magazin* Büsching'a, VII; Gyldensternes *Dagbog*, *Historisk Calender* udgiven of Engelstoft og. J. Möller. Kiöbenhavn, 1814; Масса, 82—96; Маржеретъ, 76—77, Петрей 181—184, и другіе. Fechner, *Chronik*. I. *Принцъ датскій Іоаннъ въ Россіи*, барона Корфа, *Сѣверный Архивъ*, 1822, № 8; *Ксенія Борисовна Годунова*, Костомарова, *Историческій Вѣстникъ*, 1884, № 1; Карамзинъ, XI, Соловьевъ, VIII, и другіе.

въ ихъ гербахъ. Нашими послами былъ переданъ Христіану портретъ невѣсты, сдѣланный московскимъ ювелиромъ Яковомъ Ганомъ; датскіе послы привезли въ Москву портретъ жениха. Бракъ устраивался. Іоаннъ долженъ былъ переселиться въ Россію. Въ удѣлъ ему назначалась Тверская область. Но Христіанъ ставилъ условіемъ брака чтобы герцогу и его свитѣ было предоставлено безпрепятственное отправленіе религіозныхъ обязанностей по Аугсбургскому исповѣданію и чтобъ имѣть герцогу собственную церковь, будетъ ли онъ жить въ Москвѣ, или въ иномъ мѣстѣ, при Царскомъ дворѣ, гдѣ бы этотъ ни находился, и право строить кирки въ своемъ княжествѣ. Повторяя требованіе короля, датскіе послы Нильсъ Краге и Клаузъ Пазелихъ, когда прибыли въ Москву, * въ переговорахъ съ нашими боярами настаивали чтобы построеніе кирокъ въ Твери было предоставлено на полную волю герцога, такъ чтобъ ему не нужно было каждый разъ спрашивать о томъ разрѣшенія. Бояре отвѣчали уклончиво: „Государь не хочетъ приказывать княжеской милости чтобъ онъ строилъ или не строилъ въ Твери кирки, потому что будетъ въ волѣ его княжеской милости дѣлать во своей землѣ что̀ ему заблагоразсудится". Послы не отступали, и въ грамотѣ Годунова (10 апрѣля 1602 года), заключающей въ себѣ окончательныя условія брака, прямо было означено что королевичу и его людямъ помѣхи въ ихъ вѣрѣ не будетъ, что его пасторы могутъ совершать свою службу по датской религіи, что онъ можетъ строить въ Москвѣ дворъ и кирку или

---

* Изъ выписки о пріѣздѣ датскихъ къ намъ пословъ въ концѣ XV и начала XVI вѣка, хранящейся въ Архивѣ, видно что они пріѣхали въ Москву 14 марта 1602 года, вмѣстѣ съ государевыми послами Иваномъ Ржевскимъ и дьякомъ Дмитріевымъ Постникомъ, и представлялись царю 25 марта. Шли они Благовѣщенскою папертью; царь былъ въ Подписной средней палатѣ и сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ, въ царской одеждѣ. Послы подали царю грамоту и письмо (Моск. Главн. Архивъ Министъ. Иностр. Дѣлъ, дѣла Датскія 1559—1604 г., св. 1: *Краткая выписка о пріѣзжихъ въ Россію датскихъ послахъ, посланникахъ и гонцахъ и о бывшей имъ въ Москвѣ встрѣчѣ и о дачѣ имъ поденнаго корму и при отпускѣ подарковъ*). Письмо, нужно полагать, заключало въ себѣ королевскія условія брака.

деревянный домъ, и совершенно свободенъ дѣлать то же самое въ Твери. *

Іоаннъ (родился 26 іюня 1583 года) былъ третій сынъ короля Фридриха II и носилъ названіе *Младшаго* въ отличіе отъ своего дяди, герцога Іоанна Зондербургскаго. Во время сватовства онъ воевалъ въ Нидерландахъ подъ испанскими знаменами и воротился на родину когда его участь была предрѣшена. Перваго августа 1602 года, день назначенный для его отъѣзда въ Россію, выслушавъ богослуженіе и проповѣдь, торжественно простился онъ со своимъ братомъ въ присутствіи всего двора; сановники проводили его на корабли и весело разстались тамъ съ нимъ. Его сопровождалъ громадный штатъ: королевскіе послы, сенаторы Аксель Гильденстернъ, Аксель Браге и Христіанъ Голькъ, затѣмъ канцлеръ Георгъ Веберъ, пасторы Лундъ и Іорданъ, два доктора, дворяне, слуги, всего около 350 человѣкъ, ** не считая тѣхъ которые плыли съ нимъ только до русской границы.

---

* Такъ какъ *Статейный списокъ* переговоровъ о бракѣ въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ не сохранился, то объ этихъ брачныхъ условіяхъ въ нашей исторической наукѣ, какъ заявляли и сами историки (Карамзинъ, XI, 28; Костомаровъ, 14—15), до сихъ поръ не было извѣстно. Заимствуемъ ихъ у пастора Фехнера, насколько сообщены они ему изъ Датскаго Королевскаго Тайнаго Архива въ Христіанборгѣ. Въ настоящее время баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, директоръ Московскаго Архива, сносится, по нашей просьбѣ, съ Датскимъ Архивомъ о присылкѣ сюда копіи съ этихъ брачныхъ условій. Если она будетъ прислана, мы помѣстимъ ее въ IV томѣ издаваемыхъ нами *Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи.*

** Число иноземцевъ пріѣхавшихъ съ Іоанномъ въ Россію опредѣляютъ различно: Маржеретъ (76) въ 200 (ему слѣдуетъ баронъ Корфъ, 86), Исаакъ Масса (86) въ 400 человѣкъ (это принимаетъ Костомаровъ, 15); мы основываемся на хранящейся въ Архивѣ росписи государева жалованья, которое выдавалось въ Москвѣ королевичу и его людямъ. „Въ рı҃мъ году, значится въ ней, приходилъ къ государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всея Русіи дацкой королевичъ Яганъ, а съ нимъ къ государю прислалъ Христіянусъ король пословъ своихъ г҃хъ человѣкъ: Аксела Гудденштерна, да Оксела Брака, да Хрестьяна Олка. А съ королевичемъ и съ послы было дворянъ и посолскихъ людей всего т҃нк человѣка“ (Дѣла Датскія 1602, св. 2, № 1). Въ выпискѣ о бытности у насъ Ивана,

Въ Иванъ-городѣ или, какъ тогда называли его, Русской Нарвѣ, королевича ожидали бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и думный дьякъ Аѳанасій Власьевъ, нарочно присланные (1 іюня) сюда для его встрѣчи. Мѣстный воевода князь Ростовскій, которому царь приказалъ изготовить для того суда, столовые и всякіе другіе запасы, хотя и слышалъ что королевичъ пожалуй прибудетъ къ Петрову дню, однако съ заготовкой не торопился. Немалымъ препятствіемъ служила ему его болѣзнь и то что все надобно было готовить секретно отъ своихъ сосѣдей Ливонцевъ. Оберегая себя, Салтыковъ и Власьевъ отправили (4 іюля) царю жалобу что князь Ростовскій не выдаетъ имъ росписи изготовленнаго и что потому они вынуждены были сами осмотрѣть припасенныя суда, стоящія на рѣкѣ Наровѣ, близь Гостинаго Двора, но „суденышекъ" нашлось мало, всего съ пятнадцать, да и тѣ худы, добро лишь одно судно, для королевича. Слышались жалобы и съ другихъ пунктовъ пути. Многіе изъ крестьянъ взятыхъ для удѣлки дороги бѣжали, ссылаясь на голодъ и безкормицу. Дворяне, получившіе приказъ съѣзжаться въ города лежавшіе на пути королевича, съѣзжались неохотно. Между тѣмъ Борису хотѣлось поразить своего будущаго зятя богатствомъ, роскошью и радушіемъ, и онъ ничего не жалѣлъ чтобы къ пріѣзду принца все было готово. Въ приготовленіяхъ къ пріему принца и въ отношеніяхъ къ нему у Бориса вообще часто проглядывалъ не столько царь сколько прежній бояринъ, привыкшій падать предъ громкимъ титуломъ.

Какъ только было дано знать что принцъ подплылъ, Салтыковъ и Власьевъ выслали тридцать одно судно—одно для королевича, остальныя подъ его свиту, людей, подъ обиходъ и рухлядь. Судно изготовленное для принца вышло на славу: оно было самое большое, на немъ сдѣланъ „чердакъ", извнутри до лавокъ подволоченный червчатымъ бархатомъ, а отъ лавокъ до помосту и на помосту устланный коврами, снаружи покрытъ краснымъ сукномъ, рѣшетки росписаны разными

сдѣланной (1642) въ Посольскомъ приказѣ предъ пріѣздомъ Вальдемара, дополняется это: „По росписи, королевскихъ лутчихъ людей: ҃д статьи ҃г человѣка, дворянъ королевскихъ и королевичевыхъ людей: ҃в статьи ҃к человѣкъ, ҃г статьи ҃пк человѣка, досталныхъ ҃сод (?) человѣка; всего ҃тпк человѣка" (Дѣла Датскія 1642, св. 13, № 6).

красками. На берегу былъ раскинутъ большой шатеръ, стояли стрѣльцы и 100 выборныхъ дворянъ. Часу въ четвертомъ пополудни 11 августа 1602 года принцъ вступилъ на русскій берегъ и прошелъ въ шатеръ. Здѣсь привѣтствовали его Салтыковъ и Власьевъ и поднесли ему царскіе подарки. Королевичъ отвѣтилъ что желаетъ государю здоровья, благодаритъ его за дары и хочетъ поскорѣе видѣть его. При въѣздѣ гостей въ Иванъ-городъ, салютовали имъ изъ пушекъ. Въ городѣ остановился принцъ дней на семь, пока выгружали его корабли.

Послы пожелали договориться съ Салтыковымъ относительно дальнѣйшаго пути. Позвавъ (13 августа) его съ Власьевымъ на королевичевъ дворъ, они потребовали отъ него чтобъ ихъ, ради чести принца, во весь путь до Москвы ставили съ нимъ вмѣстѣ, а не порознь. Салтыковъ и Власьевъ обѣщали если только того похочетъ королевичъ. Послы продолжали: „будутъ по городамъ встрѣчать королевича боярскія дѣти и княжата и какъ королевичу чтить ихъ"? Наши отвѣчали: „въ томъ Яганова королевичева воля, какъ кого захочетъ жаловать по своему государскому чину". Относительно же ихъ самихъ они находили что когда приходятъ къ королевичу челомъ ударить, онъ жалуетъ ихъ не по мѣрѣ: встаетъ, витается съ ними, снявъ шляпу, а они того не достойны, и потому просили чтобъ онъ, королевичъ, учинилъ съ ними какъ у нашихъ государей бываетъ, по ихъ чину и достоянью. „Королевичъ, оправдывали его послы, еще молодъ, и мы московскихъ обычаевъ не знаемъ; а какъ, дастъ Богъ, пріѣдетъ къ государю на Москвѣ и узнаетъ московскіе обычаи, по тому и учнетъ дѣлати". Наши въ свою очередь потребовали роспись сколько и кто пріѣхалъ съ королевичемъ чтобы сообразно съ тѣмъ выдавать каждому кормъ и питье. Роспись была выдана.

Весь путь отъ Иванъ - города до Москвы былъ торжественнымъ шествіемъ. Двигалась блестящая нѣмецкая колонія сопровождаемая русскими дворянами и отрядомъ стрѣльцовъ. Ѣхали медленно, верстъ отъ пятнадцати до тридцати въ сутки. Въ каждомъ привалѣ предлагалось богатое угощенье, по городамъ устраивались торжественныя встрѣчи и особенно въ Новгородѣ (23 августа). „И королевичъ, доносилъ Салтыковъ государю, ѣхалъ въ возкѣ, съ нимъ королевскіе послы, а платьицо на немъ было отласъ, сдѣлано

съ канителью по-нѣмецки, шляпка луховая, на ней кружевца, дѣлано изъ золота да серебра съ канителью, чулочки шелкъ алъ, башмачки сафьянъ синь, и было на немъ то платьицо, какъ ѣхалъ съ корабля“. За версту до города встрѣтили его новгородскій воевода князь Василій Буйносовъ и дьякъ Поздѣевъ и болѣе тысячи дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ конниковъ; воеводу и дьяка королевичъ допустилъ къ рукѣ. У посаду ударили ему челомъ лучшіе торговые люди, человѣкъ съ пятьдесятъ, Юрій Иголкинъ съ товарищами, и ихъ также онъ жаловалъ, звалъ къ своей рукѣ. На мосту и по улицамъ стояло множество народа, и всѣ при проѣздѣ королевича кланялись ему. Королевичъ остановился въ домѣ Иголкина, а подъ его свиту отвели другихъ тридцать домовъ. Здѣсь королевичъ захотѣлъ подождать тѣхъ изъ своей свиты которые отстали въ Иванъ-городѣ. Располагая свободнымъ временемъ, онъ съѣздилъ (25 авг.) за городъ на охоту, вверхъ по Волхову и инымъ рѣчкамъ до Юрьева монастыря, ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопала и билъ утятъ, возвратился домой поздно веселый и на слѣдующій день устроилъ у себя торжественный обѣдъ, пригласивъ важнѣйшихъ сопровождавшихъ его бояръ, Салтыкова, своего пристава князя Семена Крапоткина и др. Самъ королевичъ сидѣлъ за особымъ столомъ, бояре и послы рядомъ съ нимъ за другимъ столомъ, далѣе до тридцати датскихъ дворянъ. Играла музыка, били въ цимбалы и по литаврамъ, играли въ сурны. Послѣ стола королевичъ пилъ за здоровье государя, пилъ стоя. Новгородцы потѣшали гостя борьбой съ медвѣдями и другими забавами.

О томъ какъ встрѣчають его и какъ онъ проводитъ время, принцъ отправилъ извѣстіе своему брату Христіану. Власьевъ постарался развѣдать, послалъ ли онъ вмѣстѣ съ гонцомъ что-нибудь изъ платья подареннаго ему государемъ и узналъ что послы совѣтовали ему то, но онъ сказалъ имъ что „царское жалованье, платьице, къ нему первое и онъ принялъ его съ покорностію и радостнымъ сердцемъ и послать перваго царскаго жалованья ему не годится“. Королевичу были присланы отъ царя другіе подарки и поднесены ему, когда онъ прибылъ въ Старицу. Борисъ желалъ чтобъ его будущій зять казался пышнымъ и велѣлъ Власьеву узнать отъ королевичевыхъ людей, какая у него лучшая одежда и если намѣренъ шить ее то что̀ ему на то надобно. Одежду Власьеву показали и замѣтили что королевичу явиться къ царю

есть въ чемъ. Нѣкоторыя изъ подаренныхъ вещей Иванъ надѣвалъ, пуховую шляпу часто замѣнялъ то бархатною съ собольимъ околышемъ шапкой, то шапкой скарлату червчатаго съ рысьимъ окладомъ. Повидимому королевичъ не прочь былъ стать къ Русскимъ поближе. Власьева онъ разспрашивалъ о государѣ, нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаяхъ, постоянно заявлялъ о своей любви къ царю и своей готовности подчиняться ему; но датскіе сановники сдерживали его, убѣждали чтобъ онъ русскіе обычаи перенималъ не вдругъ и держался прежнихъ нѣмецкихъ.

Отъ Новгорода до Бронницъ королевичъ ѣхалъ по водѣ, на судахъ, отъ Бронницъ сухимъ путемъ. Самыя высшія почести ему были оказаны въ столицѣ, торжественный въѣздъ въ которую состоялся 19 сентября. На встрѣчу ему былъ высланъ особый отрядъ тысячи въ полторы конниковъ изъ русской знати и служившихъ при дворѣ Татаръ, Нѣмцевъ, Поляковъ; всѣ были въ дорогихъ одеждахъ, ихъ красивые кони въ серебряной вызолоченой сбруѣ. Играла музыка. Когда приблизился принцъ, музыка смолкла, и къ нему подъѣхали знатнѣйшіе бояре; они слѣзли съ коней; слѣзъ также и принцъ со своимъ гофмейстеромъ и королевскими послами. Послѣ привѣтственной рѣчи принцу, отъ имени государя, подвели дорогаго коня, на которомъ было серебряное вызолоченое сѣдло и чепракъ изъ золотой парчи; по коню въ превосходной сбруѣ было подарено и всей свитѣ принца, отъ высшихъ до низшихъ, смотря по чину. Гости сѣли на подареныхъ коней и отправились въ городъ. Въ Тверскихъ воротахъ встрѣтили принца князь Василій Голицынъ и окольничіе Василій Морозовъ и Петръ Басмановъ. Любопытствующіе мужчины и женщины, одѣтые по праздничному, запружали всѣ улицы; знать была въ сопровожденіи своихъ слугъ, на многихъ женщинахъ виднѣлись дорогіе каменья. Со стѣны Кремля тайно смотрѣлъ на въѣздъ самъ государь со своимъ сыномъ. Какъ въ праздникъ, въ Кремлѣ звонили въ большой колоколъ. Іоанна со всею его свитой препроводили въ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Китай-городѣ; домъ былъ нарочно приготовленъ для него чисто по-царски и снабженъ припасами, слугами, дровосѣками, водовозами, лошадьми.

Представленіе пока отложили чтобы принцъ могъ отдохнуть и оправиться отъ пути. На слѣдующій день былъ

прислалъ царскій обѣдъ во 100 блюдъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ пива, меду, вина и водки; блюда массивныя, золотыя, чаши съ напитками золотыя и позолоченыя. Въ назначенный день (28 сентября 1602 года) для пріема принца отъ Іоаннова дома до дворца были выстроены войска, на Красной площади громадными массами толпился народъ. Когда принцъ одѣлся возможно нарядпѣе, знатные бояре привезшіе ему приглашеніе открыли торжественный кортежъ: они ѣхали впередъ, за ними принцъ со всею своею свитой. Въ Кремлѣ опять звонили въ колоколъ. У Краснаго крыльца гостей встрѣтили князья Трубецкой и Черкаскій, у лѣстницы князья Василій Шуйскій и Голицынъ, въ дверяхъ въ Золотую палату высшіе вельможи: Мстиславскій, Трубецкой, Шереметевъ. Въ Золотой Палатѣ сидѣли на тронѣ Годуновъ съ сыномъ, окруженные многочисленною толпой придворныхъ и одѣтые въ самыя дорогія царскія одежды, блестѣвшія золотомъ и каменьями. Какъ только принцъ вошелъ, царь и царевичъ встали. Принцъ почтительно приблизился къ нимъ и поклонился; царь и царевичъ обняли его, поцѣловались съ нимъ, посадили рядомъ и долго съ нимъ разговаривали.

Изъ Золотой Палаты всѣ отправились потомъ къ столу, въ Грановитую Палату, убранство коей вполнѣ соотвѣтствовало торжеству. Особенно вниманіе гостей привлекали столбъ посреди палаты, обставленный съ верху до низу золотою и серебряною посудой, и пирамиды золотыхъ и серебряныхъ чашъ въ переднемъ покоѣ.

Хозяинъ сѣлъ за большимъ серебрянымъ столомъ на тронъ между сыномъ и герцогомъ; надъ нимъ висѣла большая красивая корона съ боевыми внутри часами. Ниже ихъ заняли мѣста бояре Мстиславскій, Василій Шуйскій, Трубецкой, Черкаскій, Салтыковъ и двое окольничихъ. За кривымъ столомъ были помѣщены остальные датскіе гости и другіе бояре *. Осмотрѣвъ кушанья, которыхъ стояло до 200, государь велѣлъ стольникамъ разносить ихъ гостямъ; кушанья и напитки подавались въ золотой посудѣ. По окончаніи обѣда царь и царевичъ сняли съ себя по дорогой украшенной каменьями цѣпи и надѣли ихъ на шею принца; много было

* По словамъ Массы (90), обѣдали также и высшее духовенство, богатые купцы и служилые иноземцы.

подарено ему также другихъ вещей, посуды, одежды и прочаго. Домой гости возвратились въ прежнемъ порядкѣ. *

Царевны за столомъ не было. Своего суженаго она могла видѣть только изъ особаго скрытаго мѣста въ верхнемъ коридорѣ. ** Женихъ былъ красивъ, строенъ, съ бѣлымъ продолговатымъ лицомъ, и, какъ говорятъ, очень приглянулся ей.

Предъ важнымъ событіемъ, по обычаю старины, совершались благочестивыя дѣла. Вся царская семья отправилась на богомолье въ Троицкую Лавру. Женихъ остался въ Москвѣ. Съ бракосочетаніемъ не торопились: его отложили до наступленія зимы. Повидимому Борисъ надѣялся что тѣмъ временемъ Іоаннъ ознакомится съ нашимъ языкомъ, обычаями и быть-можетъ даже надумаетъ принять православіе, или, если этого не случится, по крайней мѣрѣ Москвичи примирятся съ мыслію что Ксенія выходитъ за иновѣрца. Хотя оффиціально Іоанна вездѣ принимали только въ качествѣ королевскаго брата ѣдущаго при важномъ посольствѣ, однако всѣ догадывались о настоящей цѣли его пріѣзда и многіе были этимъ недовольны: имъ крайне не хотѣлось чтобъ иноземецъ и иновѣрецъ властвовалъ у насъ. Правая рука Бориса, Семенъ Никитичъ Годуновъ будто бы прямо выражался въ кругу придворныхъ что Борисъ знать обезумѣлъ что хочетъ выдать свою дочь за еретика и иноземца. Неудовольствіе, конечно, было бы еще сильнѣе еслибы большему количеству лицъ были извѣстны условія на какихъ призвалъ его царь. Не безъ причины же теперь не объявляли оффиціально не только объ условіяхъ, но и о самомъ бракѣ.—На слѣдующій день по представленіи Семенъ Никитичъ пришелъ къ герцогу, спросилъ его о здоровьи, передалъ ему царскіе подарки и просилъ заняться изученіемъ русскаго языка; вскорѣ (4 октября) онъ опять повторилъ свою просьбу ссылаясь на то что царю нужно переговорить съ нимъ о многомъ тайно, побуждалъ также пословъ чтобъ они со своей стороны совѣтовали ему учиться нашему языку

---

* Разказы *Schlegel'я* и *Müller'a*, будто бы послѣ стола принцъ былъ торжественно обрученъ съ Ксеніей, не могутъ быть подтверждены ничѣмъ. Очевидцы, какъ авторъ *Relation*, прямо говорятъ что въ этотъ день принцъ не видалъ во дворцѣ ни одной женщины.

** Описаніе смотрильной палатки или тайника и смотрильной рѣшетки у Забѣлина *Домашній бытъ русскихъ царей*, Москва, 1862, I, 228—229.

и привыкать къ нашимъ нравамъ, обычаямъ и одеждѣ. Герцогъ и посланники обѣщали; къ нимъ была доставлена русская азбука и *Апокалипсисъ* Іоанна Богослова. Едва ли не подготовлялось даже нѣчто въ родѣ прямаго религіознаго увѣщанія или диспута *. Въ народѣ возникла молва что герцогъ вознамѣрился будто бы принять православіе. ** Это многихъ располагало въ его пользу; но люди близко знакомые съ дѣломъ, конечно знали цѣну такимъ слухамъ.

Жизнь герцога была привольная. Борисъ продолжалъ дарить его, отъ невѣсты была прислана дорогая постель и роскошное бѣлье. Въ Москвѣ честили его. Самъ Іоаннъ то принималъ у себя бояръ, то выѣзжалъ на охоту, но больше проводилъ время на своемъ дворѣ, среди своей свиты. Невоздержность разстроила вдругъ его организмъ. На возвратномъ пути съ богомолья царь получилъ извѣстіе что его гость заболѣлъ горячкой.

Степень опасности предъ Борисомъ умаляли; тѣмъ не менѣе онъ сильно встревожился и тотчасъ отправилъ къ больному своихъ придворныхъ врачей, обѣщая имъ и Іоанновымъ врачамъ большія награды если они поскорѣе поправятъ его. Болѣзнь между тѣмъ развилась. Герцогъ пріобщился (22 октября). Подъ предлогомъ навѣдать высокаго больнаго, пришелъ къ нему Семенъ Никитичъ и сообщилъ что царь велѣлъ своимъ врачамъ находиться при герцогѣ денно и нощно, но тутъ же подъ рукой далъ имъ понять чтобъ они безъ его нарочитаго приказанія не ходили къ герцогу. Когда припадокъ съ герцогомъ усилился, придворные послали за врачами, и эти могли явиться только по седьмому требованію. Послы укоряли Семена Никитича въ криводушіи; онъ отрицалъ, доктора уличили его.

Узнавъ что герцогъ очень слабъ, Борисъ захотѣлъ посѣтить (27 октября) его самъ вмѣстѣ съ патріархомъ и знатнѣйшими боярами. Впереди его несли позолоченый крестъ, обвитый бѣлымъ покрываломъ, и шелъ патріархъ, съ золо-

---

* Московскіе полемисты въ Дѣлѣ Вальдемара утверждали, будто бы Борисъ „посылалъ по всѣ города, по всѣ власти, по митрополиты, архіепископы и епископы, для договору о вѣрѣ и крещеніи“.

** Объ этомъ желаніи его говорится всего въ одной лишь *Степенной книгѣ* Латухина (*Рукописи Археографической Коммиссіи*). Карамзинъ (XI, 31) и особенно Костомаровъ (*Историческій Вѣстникъ* 1884, I, 16) вполнѣ довѣряютъ извѣстію, но, какъ увидимъ, нѣсколько поспѣшно.

тымъ крестомъ, святою водой и кадиломъ, и осѣнялъ, кропилъ и кадилъ отъ крыльца до самой комнаты герцога. Видя какъ мало въ больномъ признаковъ жизни, Борисъ смотрѣлъ на него точно убитый и поручилъ его помощи Бога; возвращаясь, на лѣстницѣ онъ крѣпко бранилъ переводчика зачѣмъ тотъ не говорилъ ему правды.

Таково было первое посѣщеніе Московскимъ царемъ иновѣрца. Многимъ оно очень не понравилось. По ихъ мнѣнію, царь тѣмъ унизилъ свое достоинство.

Больной видимо близился къ смерти. На слѣдующій день (29 октября 1602 года) онъ простился со своею свитой, подавъ каждому руку, и одному изъ камеръ-юнкеровъ будто бы сказалъ что Богъ знать не хочетъ имѣть его среди „нехристіанскаго“ народа чтобы здѣсь не обратили его въ свою религію *. Къ вечеру Борисъ опять посѣтилъ его, горько заплакалъ, обѣщалъ въ случаѣ выздоровленія больнаго отпустить всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ было до четырехъ тысячъ, и то молился Святымъ, то совѣтовалъ свитѣ поискать знахарокъ. На вопросъ, какъ почитаютъ въ Даніи Николая Чудотворца, свита отвѣтила Борису что тамъ не оказываютъ ему особенной чести предъ другими Святыми. Борисъ покачалъ головой, прославлялъ чудеса Св. Николая и промолвилъ: „видно, за наши грѣхи не можемъ удержать герцога.“ Было уже темно. Бориса провожали со свѣчами. Съ улицы онъ послалъ сказать свитѣ принца чтобъ они молились о своемъ господинѣ по своей вѣрѣ и что если Богъ сохранитъ его они получатъ большіе подарки. То же было наказано всѣмъ остальнымъ московскимъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ. Часовъ около 6 вечера принца не стало.

Если нѣкоторыя обстоятельства болѣзни принца не согласовались съ тогдашними нашими обычаями, то похороны его превзошли все чего можно было бы ожидать у насъ въ ту пору. Сентиментальный въ отношеніи къ иноземцамъ и разбитый семейнымъ горемъ, Борисъ просто не зналъ какъ лучше выразить свою печаль.

О кончинѣ жениха онъ извѣстилъ свою дочь. Ксенія въ безпамятствѣ упала къ его ногамъ. Насколько могъ, отецъ старался утѣшить ее. При дворѣ былъ объявленъ глубокій

* Такъ по крайней мѣрѣ передаетъ Gyldensterne, писатель, впрочемъ, почти до фанатизма преданный Даніи и ея религіи и крайне предубѣжденный противъ всего православно-русскаго, вообще узкій Датчанинъ.

трехдневный трауръ. Герцогскаго гофмейстера предупредили что все нужное для похоронъ будетъ ему доставлено отъ царя.

Прежде всего озаботились относительно общихъ поминокъ какъ для Русскихъ, такъ и для иноземцевъ. На другой же день (30 октября) послѣ смерти герцога, на его дворѣ было накормлено нѣсколько тысячъ нищихъ, а иноземцамъ жившимъ въ Слободѣ посланы хлѣбъ и деньги. Тѣло покойника было набальзамировано, однако безъ взрѣзанія внутренностей, одѣто, осыпано цвѣтами и положено въ деревянный гробъ вложенный въ мѣдный, а этотъ въ дубовый, обитый бархатомъ и позолоченымъ серебромъ. По угламъ наружнаго гроба красовались позолоченыя головки ангеловъ, впереди, на срединѣ, стоялъ позолоченый крестъ, къ подножію прибита доска съ надписью о покойномъ; въ ней между прочимъ говорилось что герцогъ „тихо почилъ во Христѣ въ Московіи, при великомъ плачѣ и сѣтованіи царя и его подданныхъ“. Почетная стража изъ бояръ и свиты окружала гробъ днемъ и ночью.

Въ лютеранской киркѣ, находившейся въ Нѣмецкой Слободѣ, противъ алтаря вывели крѣпкій каменный сводъ чтобы положить тутъ покойника. Имѣть при ней колокола прежде запрещалось, теперь было обѣщано прислать ихъ. Когда Гильденстернъ напомнилъ (22—23 ноября) Семену Годунову почему такъ медлятъ присылкой, Годуновъ отвѣтилъ что это давно уже было бы сдѣлано еслибы не воспрещали патріархъ и епископы, но что теперь царь велѣлъ послать ихъ какъ бы ни смотрѣли на это духовные, однако съ условіемъ чтобы послѣ похоронъ колокола были взяты назадъ и чтобы во время погребальной процессіи на православныхъ церквахъ не перезванивали.

На похороны (25 ноября), отдать послѣднюю честь покойнику, пріѣхалъ царь въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ. Благоговѣйно подойдя ко гробу, велѣлъ отнять покрывало, грустно и со слезами на глазахъ смотрѣлъ онъ на трупъ и, произнося молитву и крестясь, три раза поклонился предъ крестомъ. Покойника понесли внизъ на колесницу. Процессію открывалъ почетный караулъ, за ними шли тридцать учениковъ нѣмецкой школы со своимъ учителемъ, пасторы, кистеры * и пѣли

* Свидѣтели похоронъ здѣсь нѣсколько расходятся въ своихъ показаніяхъ: авторъ *Relation* (276) упоминаетъ объ одномъ пасторѣ, Gyldensterne (173) насчитываетъ четырехъ кистеровъ и трехъ пасторовъ: двоихъ мѣстныхъ и одного датскаго.

обычныя похоронныя пѣсни. Предъ самою колесницей несли знамена украшенныя датскимъ, мекленбургскимъ, голштинскимъ и шлезвигскимъ гербами. Колесница была покрыта чернымъ бархатнымъ покровомъ съ бѣлымъ атласнымъ крестомъ. Вокругъ нея шли благородные мальчики, числомъ до двадцати четырехъ, и тѣлохранители; мальчики несли по большой восковой зажженной свѣчѣ. Когда все это прослѣдовало, царь сѣлъ въ сани и провожалъ до улицы ведущей въ Кремль, откуда, простившись съ покойникомъ, печальный отправился домой. Послы, свита, бояре, 1.000 стрѣльцовъ и многочисленныя толпы народа изъ Русскихъ и иноземцевъ провожали гробъ до мѣста погребенія; знать, по волѣ Бориса, должна была къ своему крайнему неудовольствію войти въ самую кирку. При отпѣваніи придворный проповѣдникъ Магнуса, Іоаннъ Лундъ, сказалъ надгробное слово, канцлеръ Веберъ — рѣчь, въ которой, упомянувъ объ обстоятельствахъ жизни герцога и милостивомъ царскомъ пріемѣ, благодарилъ присутствующихъ тутъ Москвичей за ихъ участіе въ отданіи послѣднихъ почестей усопшему. Знамена и гербы остались въ церкви. Пасторы и пѣвшіе ученики получили богатые подарки вещами и деньгами; киркѣ даны богатые вклады. Нѣкоторые изъ вкладовъ даны были съ согласія правительства. Когда члены посольства спросили (20 декабря) вѣдавшаго ими Аѳанасія Власьева, дозволитъ ли онъ старшинамъ нѣмецкой общины принять отъ нихъ 400 рейхсталеровъ, онъ отвѣтилъ что онъ этого имъ не запрещаетъ.

Послы и свита оставались въ Москвѣ: часть до февраля, другая до іюня; послы продолжали переговоры о Лапландіи. По большимъ праздникамъ ихъ иногда приглашали смотрѣть съ особо устроенныхъ мѣстъ на церковныя церемоніи: въ Вербное Воскресеніе—на шествіе патріарха на осляти, въ Крещеніе и Преполовеніе—на освященіе воды. Возвратился между тѣмъ изъ Даніи посланный туда вѣстникъ о смерти герцога и сообщилъ что тамъ думаютъ будто бы герцогъ померъ отъ отравы. * Членовъ свиты молва поразила своею

* Замѣчательно что подобная молва носилась и у насъ, обвиняя самого Бориса который, будто бы, услыхавъ о любви народа къ принцу и опасаясь какъ бы Іоаннъ, сильный народною привязанностью, не сталъ оспаривать престолъ у Ѳедора, „наполнися ярости и зависти и повелѣ Семену Годунову какъ бы надъ

несправедливостью, такъ какъ они хорошо знали истинную причину смерти. При прощаніи многіе изъ нихъ заявили было о своемъ желаніи остаться въ Москвѣ навсегда,

---

нимъ помыслити" (Лѣт. о мног. матеж. 67; ср. Никон. лѣт. VIII, 50, Нов. лѣт., *Временникъ И. Об. И. и Др. Росс.* XVII, 56). Эта молва указываетъ какъ много было у Бориса враговъ и какъ они готовы были распускать про него даже самую несообразную клевету. Лучшимъ опроверженіемъ ея служитъ поведеніе Бориса во время болѣзни и послѣ смерти принца и желаніе многихъ изъ принцевой свиты остаться въ Россіи. Хотя иностранные писатели, какъ Gyldensterne и авторъ *Relation*, жившіе вмѣстѣ съ принцемъ и сочиненія которыхъ имѣли полуофиціальный характеръ, по очень понятнымъ мотивамъ, ничего не говорятъ о настоящей причинѣ болѣзни своего господина, тѣмъ не менѣе Маржеретъ (*Etat de l'Empire de Russie* 34, въ русск. перев. 77), приверженецъ Лжедимитрія и естественный недругъ Годунова, прямо приписываетъ ее „неумѣренности" принца. Когда Петръ Марселисъ сваталъ (1643) королевича Вальдемара за царевну Ирину Михайловну, и Шведы, чтобы помѣшать браку, запугивали Вальдемара тѣмъ, будто бы „на Москвѣ Арцымагнуса королевича выгнали, а Ягана королевича окормили", Марселисъ, въ отвѣтѣ королю Христіану IV и его сановникамъ, упомянувъ что Магнусу въ вѣрѣ была „повольность" и посланъ онъ былъ въ Лифляндію, гдѣ померъ своею смертію, объ Иванѣ говорилъ: „при царѣ Борисѣ Яганъ королевичъ потому жъ былъ во всякой поволности и въ великой чести; и на нево де пришла болѣзнь, и дохтуры у нево были беспрестанно, и въ день и въ ночь, а велѣно имъ о томъ радѣть всякими мѣрами чтобы той его скорби облегченье учинить; и королевича Ягана не стало своею жъ смертью, а не окормили его. А которые Датцкіе люди въ то время были съ Яганомъ королевичемъ на Москвѣ, и нынѣ изъ нихъ многіе живы и про то вѣдаютъ подлинно что онъ преставился своею смертью, а не окормленъ". Марселисъ не ограничился этимъ. „И ставилъ де онъ, Петръ, передъ короля исъ тѣхъ людей которые были на Москвѣ съ Яганомъ королевичемъ, секретаря Иверъ Винта; и король де его про смерть Ягана королевича роспрашивалъ; и онъ сказалъ правду что ему отъ царя Бориса была честь болшая и поволность во всемъ, и умеръ онъ своею смертью, а не окормленъ" (Моск. Главн. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Датскія, карт. 13: *Статейный списокъ бытности въ Даніи дацкаго комисара Петра Марселиса*). И если еще кого можно заподозрить въ непрямотѣ отношеній къ принцу, то не Бориса, а вѣдавшаго Аптекарскимъ приказомъ Семена Годунова, который очевидно былъ радъ неожиданной болѣзни герцога и сдерживалъ подчиненныхъ ему врачей чтобъ они не особенно заботились объ ея излѣченіи.

но имъ объявлено что пусть они сначала побываютъ на родинѣ, иначе тамъ могутъ подумать что ихъ удержали насильно, а затѣмъ кто воротится—получитъ царскую милость. Ихъ отправили съ богатыми дарами. Одинъ изъ нихъ, Матвѣй Кнотзенъ, дѣйствительно воротился и получилъ богатое содержаніе, помѣстье и командованіе надъ двумя стами конниковъ.

Относительно тѣла покойника король наказалъ (отъ 1 марта 1603 года) посламъ хлопотать чтобъ его дозволено было оставить въ Москвѣ и чтобы государь обѣщался имѣть попеченіе о той киркѣ гдѣ выстроена его усыпальница. Оно оставалось здѣсь до 1637 года, когда Датское правительство перевезло его въ Копенгагенъ. „Нашъ любительный братъ, обратился съ грамотой (30 августа 1636 года) къ Михаилу Ѳедоровичу король Христіанъ IV, за нѣсколько лѣтъ преставился въ Москвѣ и тутъ погребенъ, а его блаженное тѣло оставлено тамъ за разными помѣшливыми временами; нынѣ же мы помыслили его взять, и для того наше сосѣдственное и любительное прошеніе чтобы тѣло безо всякаго задержанія отпустить и свезть въ Ругодивъ, а изъ Ругодива мы велимъ привесть его сюда великимъ кораблемъ“. Датскому гонцу, Николаю Голмеру, съ которымъ была прислана грамота, въ Посольскомъ приказѣ объявили (8 февраля 1637 года) что государь за тѣло королевича Ягана не стоитъ, но такъ какъ во время великаго разоренія Московскаго государства отъ польскихъ и литовскихъ людей палату и гробницу королевичеву, ради золота, серебра и всякой утвари въ чемъ тѣло его положено, разорили, и палата та засыпана землей и есть ли на томъ мѣстѣ королевичево тѣло о томъ подлинно невѣдомо, то государь и велитъ искать самому Голмеру, взявъ съ собою добраго дворянина, дьяка и копальщиковъ и смотрѣть есть ли на томъ мѣстѣ тѣло чтобъ о томъ отписать къ королю въ своей царской грамотѣ. Ссылаясь на то что сыскивать и досматривать тѣло отъ короля ему не наказано, Голмеръ отказался было исполнить царскую волю и не раньше пошелъ какъ повторенъ ему царскій приказъ. Съ нимъ для поисковъ были посланы кн. И. И. Лобановъ-Ростовскій, дьякъ И. Трофимовъ, нѣмецкій переводчикъ Иванъ Ѳоминъ и тридцать копарей, но съ наказомъ чтобы тѣло, съ того мѣста гдѣ сыщутъ, впредь до государева указа не имать.

Королевичевы кости, „масть что̀ у него положена была подъ головами“, и обломки мѣднаго гроба нашлись на своемъ мѣстѣ. Лобановъ и Трофимовъ кости собрали и чрезъ Ѳомина извѣстили Посольскій приказъ о находкѣ. Отсюда снарядили стрѣльцовъ чтобъ они, впредь до особаго указу, хранили кости, а государь хотѣлъ устроить подъемъ ихъ съ должными почестями, подобно тому какъ совершилось погребеніе „по государскому достоинству“. Между тѣмъ пока Ѳоминъ ходилъ, Голмеръ, не дождавшись отвѣта, собралъ кости въ полотно и отвезъ ихъ на свое подворье. И за такое самоволіе въ Посольскомъ приказѣ гонцу крѣпко выговаривали, указывая ему что государь не велѣлъ ничего надъ нимъ учинить только потому что онъ королевскій человѣкъ; Лобанова и Трофимова заключили въ тюрьму, но чрезъ день, ради наступившаго Великаго Поста, они были выпущены.

На средства Посольскаго и Казеннаго приказовъ былъ изготовленъ массивный гробъ, какъ бы для цѣльнаго тѣла: длиною въ три аршина съ четвертью, аршинъ въ ширину, въ глубину аршинъ съ четвертью, съ круглою покрышкой, снаружи обитъ чернымъ бархатомъ. Въ него положили королевичевы останки и доставили на Посольскій дворъ. Проводы были (8 марта) торжественные. До Тверскихъ Воротъ гробъ несли на плечахъ и, какъ въ похоронной процессіи, пѣлись похоронныя пѣсни *. Сопровождали бояре И. П. Шереметевъ, князь Д. М. Пожарскій, нѣсколько московскихъ дворянъ, стрѣльцы, англійскій агентъ Семенъ Дигби со всею англійскою компаніей, шведскій агентъ Крузбернъ, Голландцы, московскіе служилые и торговые Нѣмцы, и другіе; всѣ шли въ траурномъ платьѣ. За Тверскими воротами гробъ поставили на сани. Съ нимъ поѣхали дворянинъ Карамышевъ, нѣмецкій переводчикъ Вилимъ Вилимовъ и Голмеръ. Отъ Новгорода Голмеру велѣно было ѣхать впередъ чтобы поскорѣе доставить королю царскую грамоту, извѣщающую объ отпускѣ королевичевыхъ останковъ, и поторопить тамъ

---

* „Несли гробъ съ посольскаго двора Нѣмцы, В҃І человѣкъ, на носилкахъ, на плечахъ, а было ихъ Д҃ перемѣны, въ мирномъ, въ жалобномъ платьѣ; а по сторонамъ несли свѣчи, а надгробное пѣли Нѣмцы по своему закону калвинскіе вѣры“ (Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Датскія, Св. 9, 1637, № 1). „Кальвинскою вѣрой,“ очевидно, здѣсь названо лютеранское вѣроисповѣданіе.

высылкой изъ Даніи въ Ругодивъ корабля. Новгородцы проводили гробъ за Земляной Валъ. 22 мая датскій корабль принялъ его и отплылъ съ нимъ изъ Ругодива. Извѣщая Михаила Ѳедоровича о прибытіи въ Данію королевичевыхъ останковъ, Христіанъ IV благодарилъ (1639 года) его за почетный ихъ отпускъ.

Со смертью королевича Ивана, Борисъ опять остался безъ твердой почвы. Онъ теперь вспомнилъ объ отношеніяхъ къ Елизаветѣ. Несмотря на его довольно сухой отвѣтъ посланный съ Мерикомъ, королева отвѣтила ему дружественно и предложила въ невѣсты Ѳедору молоденькую Англичанку, имени которой однако не назвала. Пользуясь этимъ, Борисъ сдѣлалъ запросъ (въ апрѣлѣ 1603 года), какъ ее зовутъ и какого она происхожденія, но по случаю смерти Елизаветы извѣстія не получилъ. Тогда онъ снова обратился къ датскимъ предѣламъ. Болѣе другихъ знакомые съ Датчанами, Салтыковъ и Власьевъ, прибывъ къ Шлезвигскому герцогу Іоанну, предложили (1603 года) ему женить на Ксеніи одного изъ своихъ сыновей Фридриха или Альбера, обѣщая имъ удѣлъ. Іоаннъ убѣдилъ ихъ выбрать въ женихи третьяго сына, Филиппа, который охотно желалъ бы переселиться въ Россію. Не получая никакихъ извѣстій изъ Россіи, герцогъ написалъ (19 марта 1605 года)* къ датскому королю Христіану, брату умершаго принца Ивана, чтобъ онъ со своей стороны помогъ успѣху начатаго дѣла.

Но въ Москвѣ тогда было не до свадебныхъ торжествъ. Здѣсь совершалась кровавая драма. Дальнѣйшее изъ жизни Ксеніи извѣстно. Переживъ трагически погибшихъ отца, мать и брата, она, по выраженію лѣтописи, ** „ради красоты своея, сохранена была отъ смерти, на то на вящее безчетіе“ *** и пострижена въ монахини подъ именемъ инокини

---

* Письмо его отпечатано у Büsching'a, *Magazin für d. n. Historie*, VII, 319—321, откуда и узнаемъ объ этихъ сношеніяхъ съ Голштиніей. *Статейный списокъ* Салтыкова и Власьева въ Архивѣ не сохранился.

** *Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ*. Спб. 1778, 41. *Изборникъ*, 43—44; 292. *Сн. Никоновск. Лѣтоп.* VIII, 70.

*** О слухахъ о результатахъ ея отношеній къ Самозванцу у Аделунга въ *Критико-литературномъ обозрѣніи путешественниковъ по Россіи*, II, № 33, стр. 135.

Ольги. Народъ по своему понялъ ея горе и вложилъ въ уста ея пѣсню:

Сплачется на Москвѣ царевна:
„Охте, мнѣ, молодой, горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Гришка Отрепьевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ, меня хочетъ постричи,
Чернеческій чинъ наложити.
Но мнѣ постричися не хочется,
Чернеческаго чину не сдержати,
Отворите будетъ темну келью
На добрыхъ молодцовъ посмотрѣти“. *

Келья иногда отворялась, но не на счастіе царевны.... Умерла она во Владимірскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на 41 году жизни, 30 августа 1622 года и, согласно ея желанію, погребена рядомъ съ ея родителями въ Троицкой Лаврѣ, у входа въ Успенскій Соборъ, въ которомъ лежатъ останки другой несчастной княжны, Марьи Владиміровны.

IV.

Сватовство Михаила Θеодоровича за Шлезвигъ-Голштинскую принцессу Доротею Августу.

Съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича Русь точно шагнула чрезъ смутную эпоху, показавъ крѣпкую живучесть народныхъ силъ. Внѣшнія раны мало-по-малу заживали, во внутренней жизни повсюду водворялся прежній порядокъ. Только отношеніе къ иноземцамъ, которые причинили государству такъ много бѣдствій что едва было не разрушили его, принимаетъ еще болѣе недружелюбный характеръ. Изъ „нечистаго“ иновѣрецъ во мнѣніи Русскихъ превращается въ „поганаго“. И хотя въ эту немилость попали по преимуществу католики какъ главные виновники бѣдствій, однако на много понижаются и протестанты. „Поганый“ и „окаянный“ къ слову „люторъ“, (лютеранинъ) прилагается какъ эпитетъ, чуть не синонимъ, и содружество съ лютеранами и кальви-

* Изд. въ *Извѣст. втораго отдѣл. Им. Акад. Наукъ*, и у Кирѣевскаго, II, доп. стр. 58—61.

пистами даже лучшимъ людямъ того времени * кажется достойнымъ посмѣянія всѣхъ языковъ; ихъ дѣйствія направленныя противъ „святой“ Руси представляются безбожными, прямымъ святотатствомъ. Русскіе возстали и боролись не столько за свою національность сколько за вѣру, за права попираемаго православія, которое, въ свою очередь, спасаетъ саму національность. Понимая это, а также и то что главною причиной золъ нанесенныхъ иностранцами было ихъ иновѣріе, правительство, на все смотря одинаково со своимъ народомъ, всѣми мѣрами старалось поддерживать значеніе православія, которое одно, при всѣхъ политическихъ и общественныхъ невзгодахъ, способно было внушать русскому человѣку сознаніе его духовнаго преимущества надъ окружающимъ міромъ и укрѣплять его вѣру и надежду на будущее и тѣмъ удерживать его въ религіозно-національной независимости. Далеко уступая другимъ народамъ въ экономическомъ благосостояніи, не имѣя возможности похвалиться и своимъ просвѣщеніемъ, Русскіе находили для себя прочный устой почти единственно въ своемъ вѣроисповѣданіи. При такомъ значеніи религіи въ жизни государственной, если и прежде бракъ православнаго лица съ иновѣрнымъ казался громадною несообразностью, то теперь онъ становится окончательно невозможнымъ. Введеніе иновѣрнаго лица даже въ царскую семью могло бы сильно уронить ее въ глазахъ народа, оторвать отъ нея народныя симпатіи; народъ пересталъ бы видѣть въ ней свой идеалъ, высшаго и искренняго представителя и охранителя своихъ завѣтныхъ интересовъ; только что испытавъ на себѣ что̀ значитъ иновѣріе, онъ крайне тревожился бы теперь что надъ нимъ стоитъ иновѣрецъ, который не слился съ нимъ въ существенномъ. Бракъ же простаго лица съ иновѣрнымъ казался бы прямою измѣной своей національности. Особенностію времени здѣсь также являлось и слѣдующее. Въ стремленіи охранять православіе, памятный Московскій соборъ 1620 года издалъ постановленіе (державшееся впрочемъ не долго) иновѣрцевъ, принимающихъ православную вѣру, подвергать перекрещиванью, вслѣдствіе чего брачный вопросъ превратился въ вопросъ о перекрещиваньи. И Михаилъ Ѳеодоровичъ, который, не отличаясь никакими особенными качествами и не имѣя за со-

* Аврамій Палицынъ, *Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря*, М., 2е изд., стр. 44.

бою громкихъ дѣлъ, тѣмъ по преимуществу и былъ дорогъ для народа что жилъ совершенно одинаковыми съ нимъ понятіями и котораго народъ потому такъ и отстаивалъ противъ всѣхъ его соперниковъ что видѣлъ въ немъ самаго целицемѣрнаго выразителя и хранителя всего роднаго, чисто русскаго,—Михаилъ Ѳеодоровичъ, этотъ первый послѣ смутной эпохи царь, какъ ни желалъ породниться съ протестантскими королевскими домами, когда убѣждался что сватаемые принцессы и принцы не согласятся креститься въ православіе, сдерживалъ себя жертвуя своими личными разчетами интересамъ общегосударственнымъ.

Онъ дожилъ неженатымъ до двадцати шести лѣтъ. Ни одинъ изъ московскихъ государей не оставался такъ долго въ безбрачіи. Облюбованная имъ невѣста, Марья Ивановна Хлопова, по проискамъ знатныхъ бояръ изъ партіи Солтыковыхъ, не желавшихъ уступить свое значеніе при дворѣ ея родственникамъ, какъ „испорченная", томилась въ ссылкѣ, а выбрать другую онъ не хотѣлъ. Когда возвратился изъ плѣна его отецъ, Филаретъ Никитичъ, то одною изъ главныхъ заботъ его было скорѣе женить сына, чего требовало также упроченіе престола за своимъ родомъ и спокойствіе государства. Ничего не имѣя противъ собственно Хлоповой, онъ однако, въ интересахъ поднятія значенія рода, намѣревался женить его на какой-нибудь принцессѣ. Въ этихъ видахъ посланъ былъ (весной 1621 года) за границу московскій Нѣмчинъ Юрій Родіоновъ развѣдать, нѣтъ ли у кого изъ государей дочери или сестры которая была бы „красна очми и всякимъ возрастомъ, добра и ничѣмъ неувѣчна и къ такому великому дѣлу годна," и промыслить съ нихъ „персоны, подлинные, безъ приписи," а о женихѣ распространять молву что онъ „образомъ красенъ, разуменъ и въ обычаѣ милостивъ," и немедля что узнаетъ донести царю, особенно же въ томъ случаѣ еслибы замѣтилъ что отъ государя, у котораго есть подходящая дочь или сестра, будетъ въ Москву сылка. Все это онъ долженъ былъ сдѣлать секретно, выдавая себя торговымъ человѣкомъ и ведя бесѣды какъ будто отъ себя и только будто потому что о желаніи государя жениться на какой-нибудь принцессѣ слышалъ на Москвѣ въ разговорѣ съ лучшими людьми. Радѣть о государевомъ дѣлѣ и не пронести о немъ никому, ни русскимъ, ни нѣмецкимъ людямъ, Родіоновъ обѣщался съ клятвой предъ Евангеліемъ.

Юрій узналъ слишкомъ мало. Самый интересный разговоръ у него былъ въ Дрезденѣ. Шонбергъ, приближенный Саксонскаго курфюрста, замѣтилъ ему что если дѣйствительно есть у государя желаніе, то онъ бы дѣлалъ какъ ведется у всѣхъ христіанскихъ государей: посылалъ бы о томъ своихъ пословъ, набиваться же со своими дочерьми ни у кого изъ государей не въ обычаѣ. Разсудивъ кто бы къ тому дѣлу была годна, онъ сказалъ: „у нашего курфюрста большая дочь двѣнадцати лѣтъ; есть Альтенбургская княжна Доротея четырнадцати лѣтъ, да у ней три сестры старѣе ея: одна игуменья, а двѣ столь жирны что никто за нихъ не сватается, да и онѣ сами замужъ не хотятъ; въ Австрійскомъ дому никого не сказываютъ.“ Съ названныхъ лицъ Родіоновъ досталъ себѣ портреты и привезъ ихъ въ Москву. *

Между тѣмъ въ Москвѣ прослышали что у короля Датскаго Христіана IV есть двѣ племянницы взрослыя дѣвицы, и тотчасъ же, не узнавъ даже ихъ именъ, снарядили къ нему пословъ, князя Алексѣя Михайловича Львова и дьяка Ждана-Шипова, снабдивъ ихъ подробнымъ наказомъ, послужившимъ потомъ образцомъ для послѣдующихъ брачныхъ наказовъ. ** На представленіи къ Христіану, объявивъ объ освобожденіи Москвы отъ Польши и о возвращеніи Филарета Никитича, они должны были сообщить королю что имъ наказано о нѣкоторыхъ великихъ государскихъ дѣлахъ, говорить о которыхъ съ ними онъ велѣлъ бы своимъ ближнимъ думнымъ людямъ. И какъ король позоветъ ихъ къ себѣ въ другой разъ и пожелаетъ самъ выслушать ихъ или вышлетъ къ нимъ своихъ думныхъ людей, то имъ требовать чтобы при королѣ и въ отвѣтѣ были лица самыя ему близкія и вѣрныя и, убѣдившись въ томъ, говорить: „нашъ великій государь, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, помня давнишнюю дружбу, любовь и докончанье своихъ предковъ, великихъ государей Россій-

---

* *Памятники дипломатическихъ сношеній съ державами иностранными*, II, № XIV.

** Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла Датскія 1621 года, св. 5, № 2: *Отправленіе къ Дацкому королю Христіану IV въ послахъ дворянина князь Алексѣя Лвова и дьяка Ждана Шипова съ увѣдомленіемъ о освобожденіи изъ Полщи и пріѣздѣ въ Москву патріарха Филарета Никитича и съ предложеніемъ о свитовствѣ одной изъ королевскихъ племянницъ за государя царя Михаила Ѳеодоровича.*

скихъ, съ Датскими королями, хочетъ быть съ Христіаномъ въ пріятельствѣ, крѣпкой дружбѣ и въ соединеніи свыше всѣхъ другихъ государей, и для того велѣлъ ему объявить что по милости Божіей онъ, государь, приходитъ въ лѣта мужескаго возраста и приспѣло время ему сочетаться законнымъ бракомъ: а вѣдомо ему что у королевскаго величества есть двѣ дѣвицы, родныя племянницы, и потому, буде онъ похочетъ быть съ государемъ въ братской дружбѣ, любви, соединеньи и въ пріятельствѣ на вѣки, далъ бы за государя племянницу свою которая къ тому великому дѣлу годна"; при этомъ они должны выставить древность рода Михаила Ѳеодоровича, близость его къ прежнимъ царямъ, законность занятія Михаиломъ престола и даже, въ случаѣ надобности, показать его портретъ.* Если спросятъ, останется ли невѣста при своей лютеранской вѣрѣ, посламъ отвѣчать: „королевской племянницѣ быть въ одной съ государемъ вѣрѣ, въ истинной православной христіанской греческаго закона, и, пріѣхавъ въ Россійское государство, ей перейти и креститься, а иначе дѣлу статься нельзя: то противно нашему христіанскому закону и ото всѣхъ людей Россійскаго государства великому государю и ей, государынѣ, будетъ поносно и нелюбительно, да и не пригоже дѣло что мужъ съ женой разныхъ вѣръ; когда же высокорожденная племянница, ради благороднаго супруга своего и своего душевнаго спасенія, приступитъ къ нашей вѣрѣ, отъ Бога ей будетъ милость и ото всѣхъ людей честь и слава". А если скажутъ что „королева племянница для любви супруга своего, великаго государя, къ русской вѣрѣ приступитъ, но креститься ей въ другой разъ непригоже, потому что она и такъ христіанской вѣры и уже кре-

---

* Впрочемъ, пунктъ о портретѣ въ Наказѣ почему-то зачеркнутъ. Онъ очень оригиналенъ. „И будетъ спросятъ если съ ними великого государя, его царского величества, персона чтобъ ее королевскому величеству видѣти, и посламъ говорити: въ обычьѣ того у великихъ государей нашихъ не бываетъ, что персоны ихъ государскіе для остереганья ихъ государскаго здоровья въ чюжіе государства возити; а то у насъ въ обычеѣ есть же: которые великому государю нашему, его царскому величеству, служатъ и его царскаго здоровья остерегаютъ, и тѣ всегда персоны государского лица у себя въ домѣхъ для ихъ государского милосердого жалованья имѣютъ. И съ нами царского величества персона есть; и будетъ королевскому величеству и вамъ, ближнимъ людемъ, то подобно, и мы царского величества персону покажемъ".

щена по своему закону“, то настаивать: „приступя къ православной христіанской вѣрѣ, не креститься во святой купели Святаго Крещенія ей никакъ невозможно, потому что у насъ въ томъ со всѣми вѣрами рознь не малая: у иныхъ вѣръ вмѣсто крещенія обливаютъ и миромъ не помазуютъ, противъ постановленія Христа и преданія апостоловъ; такъ король бы свою племянницу на то наводилъ и отпустилъ ее съ тѣмъ чтобы ей принять Святое Крещеніе“. Буде же король станетъ указывать что „какъ племянница выйдетъ за государя и государь бы ее самъ къ тому приводилъ, а она у ней воли не отнимаютъ, или чтобы послы говорили съ ней сами, а онъ пошлетъ съ ними своихъ думныхъ людей“, то посламъ не соглашаться, ссылаясь на то что „дѣвическое дѣло стыдливо, и имъ съ королевскою племянницей, для остереганья ея высокорожденной чести, много говорить непригоже, это дѣло королевское и ближнихъ ему лицъ“.

Не ограничиваясь оффиціальными переговорами, но узнавъ кто у племянницы, предназначаемой для государя, мать, родные и близкіе люди, послы должны были дѣйствовать чрезъ этихъ лицъ хваля предъ ними вѣру, государя и его государство, и если нѣкоторые изъ этихъ лицъ станутъ склонять невѣсту выйти за государя и для него принять крещеніе, то посламъ съ таковыми быть ласковымъ и пріятнымъ гдѣ надобно, смотря по мѣрѣ, и подарить, и впредь обнадеживать государевымъ жалованьемъ. И лишь король согласится отпустить племянницу съ тѣмъ чтобъ она по пріѣздѣ въ Москву крестилась, но спроситъ объ ея содержаніи, какіе дадутъ ей города и села, чтобъ ей можно было чѣмъ жаловать своихъ ближнихъ и дворовыхъ людей, сколько тысячъ поступитъ ей годоваго дохода и не будетъ ли ей, какъ и ея людямъ, какой тѣсноты, причемъ сошлется на примѣръ Марины или Хлоповой, то послы обязаны требованіе объ опредѣленномъ содержаніи ей отклонить, но въ чести завѣрить. „Какъ, принявъ крещеніе, королевская племянница, говорили бы они, сочтается съ государемъ, государь начнетъ имѣть и любить ее, какъ повелѣваетъ законъ и Святое Писаніе, и все ихъ государское будетъ безъ раздѣла, по Писанію: *оставляетъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть едину.* А коли уже плоть едина, то что же ихъ, государей, дѣлить? И раздѣловъ въ городахъ и въ доходахъ между государями и ихъ царицами прежде не бывало и быть

не для чего. Все государское у нихъ общее. И чего она захочетъ, то будетъ ей не возбранено; жаловать ей своихъ людей есть чѣмъ, и захочетъ кого жаловать, того по совѣту и повелѣнію супруга своего жаловати будетъ. Люди которые при ней—неволи не испытаютъ, а думаютъ что съ нею пріѣдетъ ихъ немного, потому что у великаго государя во дворѣ своихъ честныхъ боярынь и дѣвицъ, отеческихъ дочерей, много. Маринку примѣнять сюда непригодно: то было дѣло лихихъ людей, воровское, по ихъ воровскому умышленію и конецъ учинился, какъ и во всѣхъ государствахъ воровъ сыскиваютъ и казнятъ. А что говорите будто государь соизволилъ было жениться, взять въ своемъ государствѣ, то это случилось еще до возвращенія изъ польскаго плѣна отца государева, Филарета Никитича, который благословляетъ теперь своего сына жениться не на своей, но поискать у котораго-нибудь государя, и именно у вашего королевскаго величества“.

Добившись согласія относительно племянницы вообще, слѣдовало перейти къ выбору одной изъ нихъ. Для этого князь Алексѣй и дьякъ Жданъ просили бы короля показать имъ своихъ племянницъ. На представленіи къ нимъ послы должны были поднести имъ отъ себя по сороку соболей и смотрѣть какова которая возрастомъ, лицомъ, бѣлостью, глазами, волосомъ и всякимъ прироженьемъ, и нѣтъ ли въ которой увѣчья, и смотрѣть издалека, примѣчать вѣжливо; руку у нихъ, если дѣвицы и королева позовутъ ихъ, цѣловать, а за руку не брать („не витаться“). По осмотрѣ провѣдывать какая изъ нихъ годна къ великому дѣлу, чтобы была здорова, собою добра и разумна; какую сочтутъ годною, на ту и указать королю, предлагая ему чинить о ней съ ними договоръ. Сообразно съ его отвѣтомъ завести рѣчь о приданомъ, просить короля объявить имъ чѣмъ онъ и родные племянницу дарятъ, какими государствами или землями и сколько съ нею будетъ казны и всякой рухляди чтобы въ Московское государство пріѣхать ей не безчестно, было бы ей здѣсь чѣмъ себя показать и всѣ бы видѣли что она великаго государскаго рода. Это почти единственный пунктъ который практичные Москвичи считали необходимымъ предложить со своей стороны, во всемъ же остальномъ дожидаться вопроса; договорныя статьи скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ и о крещеньи записать въ нихъ именно что королевской племянницѣ, пришедъ въ царствующій градъ Москву, креститься и быть съ

государемъ въ одной вѣрѣ. За королевскимъ столомъ, когда король выпьетъ за здоровье государей, князь Алексѣй, взявъ кубокъ и вставъ изъ-за стола, долженъ пить за королевское здоровье, а затѣмъ за здоровье королевской племянницы, которой быть за государемъ.

Но пить послѣдней чаши посламъ не пришлось. Какъ ни искусно былъ составленъ наказъ, они не побороли препятствій.

Со Львовымъ и Ждановымъ отправилось до шестидесяти человѣкъ, между ними нѣсколько дворянъ, два переводчика и священникъ. При врученіи королю (1 марта 1622 года) вѣрительной грамоты послы поступили согласно наказу. О тайномъ порученіи посламъ Датчане повидимому предположили, не касается ли оно Лапландіи; ибо на другой же день пришли къ нимъ въ домъ, гдѣ они остановились, „королевскіе ближніе думные люди“, канцлеръ Христіанъ Физъ, Олофъ Розенспахъ, рыцарь Андрей Розенкранцъ и „докторъ въ рѣчахъ“ Леонардъ Мейснеръ, объявляя что хотя королевскому величеству теперь предстоитъ много дѣлъ изъ-за которыхъ ему отпустить ихъ отъ себя невозможно, однако по любви къ государю послалъ ихъ сюда выслушать что̀ сообщатъ имъ послы.

Въ бытность въ Копенгагенѣ наши успѣли уже кое-что провѣдать объ относящемся къ ихъ главной миссіи. Именно родная сестра короля была замужемъ за Шлезвигъ-Голштинскимъ герцогомъ Іоанномъ Адольфомъ и отъ ихъ брака родились двѣ дочери; старшая изъ нихъ, „княжна“ Доротея Августа, лицомъ и возрастомъ добра и въ обычаѣ добронравна, младшая же — больна, царскому величеству не годится. На старшую принцессу послы прямо и указали пришедшимъ какъ на желательную для государя супругу и просили показать ее имъ. Королевскіе совѣтники обѣщались о всемъ довести до Христіана. Пословъ между тѣмъ угощали, король устраивалъ въ честь ихъ обѣдъ за обѣдомъ.

Вскорѣ канцлеръ со своими товарищами передалъ посламъ: королю ихъ рѣчи они доносили, и ему пріятно слышать о желаніи государя имѣть съ нимъ постоянную любовь и дружбу, и онъ самъ постарается объ установленіи такихъ отношеній; что же касается желанія государя жениться на пресвѣтлѣйшей и высокорожденной дѣвицѣ Доротеѣ Августѣ, наслѣдницѣ Норвежской земли, то въ ней не его королевская воля: живетъ она у своей матери въ городѣ Гаузѣ, и ея дѣло зависитъ отъ ея матери, бабушки, королевы и брата Фридриха

герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, которому она поручена; на ихъ волю король все и положилъ. Это очень не понравилось нашимъ. „Государь, говорили они, послалъ насъ къ вашему королю Христіану и велѣлъ намъ о томъ великомъ дѣлѣ говорить съ нимъ самимъ или съ его думными людьми, хотя съ королевскимъ величествомъ дружбы и любви мимо всѣхъ государей, а то онъ могъ бы поискать того дѣла у иныхъ великихъ королей; и король вашъ высокорожденной племянницѣ своей, княжнѣ Доротеѣ Августѣ съ ея матерью велѣлъ бы пріѣхать сюда къ нему и государское дѣло дѣлать велѣлъ намъ съ нимъ и при себѣ.“ Въ виду лучшаго сохраненія переговоровъ въ тайнѣ наши даже настояли чтобы Датчане приходили къ нимъ въ меньшемъ числѣ.

Христіанъ пріискивалъ средства какъ бы отклонить отъ себя порученіе которое ему не приносило никакой выгоды. Смутная эпоха была свѣжа въ памяти. Съ Польшей прочнаго мира у Россіи не было, Владиславъ не отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ, и въ Даніи еще повидимому вѣрили въ возможность новаго переворота въ Москвѣ. И королевскіе совѣтники получили отъ короля повелѣніе убѣдить пословъ отправиться самимъ въ Шлезвигъ-Голштинское герцогство для личныхъ переговоровъ съ матерью и братомъ невѣсты, указывая имъ что самъ король безъ воли этихъ родственниковъ невѣсты распорядиться не можетъ, что носятся въ обществѣ слухи будто бы за Доротею Августу посватался уже какой-то князь Цесарской области, хотя онъ точно еще и не знаетъ, правда ли это и сговорена ли она; что онъ отъ себя готовъ послать съ ними грамоту и если при всѣхъ его стараніяхъ дѣло не устроится, предъ государемъ хочетъ остаться безъ вины.

Когда Фризъ и Розенслахъ, придя (10 марта) къ посламъ всего вдвоемъ, представили имъ эти аргументы, наши отнеслись еще упорнѣе, выставляя противъ нихъ свои доводы. Помня государевъ наказъ, они, кромѣ короля, ни къ кому не могутъ ѣхать и не поѣдутъ, да не пристойно и не къ чести государя было бы имъ разъѣзжать по разнымъ другимъ государствамъ. Если король хочетъ оказать свою любовь къ государю то сказалъ бы имъ сговорена ли княжна, или нѣтъ, и за какого князя. Если сговорена, ихъ дѣло на томъ и остановится; не сговорена—могутъ и продолжать, только бы король велѣлъ княгинѣ съ ея матерью быть къ

себѣ, а у нихъ къ нимъ есть отъ царя поклонъ и рѣчь. А государя примѣнять къ князю Цесаревой области не пригодно: то государь великій, служатъ ему цари, царевичи и князья удѣльные, а это князь подовластный. Сносится же онъ съ королемъ потому что они оба государи великіе и что желаетъ съ нимъ дружбы, которая имъ обоимъ принесетъ великую славу, а ихъ многолюднымъ государствамъ расширеніе и прибавленіе, а также потому что знаетъ что шлезвигскіе и голштинскіе князья королю въ свойствѣ и всѣ они и княжна Доротея его слушаютъ. Датскіе совѣтники отвѣчали: Имени князя имъ неизвѣстно, когда узнаютъ, сообщатъ, а живетъ онъ не близко. Повелѣвать княжной королю нельзя, она ему не наказана, дѣвицамъ здѣсь честь великая, даже обычнаго шляхтича дочь все дѣлаетъ по дружбѣ и любви. Пріѣхать ей сюда еще больше невозможно: ѣздить дѣвицѣ съ мѣста на мѣсто было бы безчестіе и позоръ, и того здѣсь отнюдь не ведется. Здѣсь ѣздятъ сами женихи. Такъ, англійскій король Іаковъ пріѣзжалъ къ ихъ королю, жилъ съ полгода и самъ говорилъ ему о женитьбѣ на его сестрѣ; ихъ король тайно съѣздилъ къ Бранденбургскому, Шведскій къ Брауншвейгскому князю. Поэтому и послы лучше бы ѣхали сами. Шлезвигскіе и Голштинскіе герцоги не вполнѣ зависятъ отъ короля Христіана: обоими герцогствами правитъ нынѣ одинъ герцогъ Голштинскій, имѣя отъ короля лишь Шлезвигское герцогство, Голштинскою же землей владѣетъ отъ цесаря. Тѣмъ не менѣе Львовъ со Ждановымъ требовали чтобы король снесся съ невѣстой и ея родственниками и извѣстилъ бы какъ они о томъ дѣлѣ думаютъ. Истощивъ понапрасну свои доводы, совѣтники отправились къ королю и тотчасъ же принесли отъ него обѣщаніе что онъ пошлетъ тайно къ брату и матери высокорожденной княжны узнать отъ нихъ въ какомъ положеніи находится у нихъ дѣло. При этомъ они уже не въ первый разъ завели было рѣчь о Лапландіи; но наши отговаривались что имъ ничего о томъ не наказано и, буде хотятъ, пусть пошлютъ въ Москву своихъ пословъ. На прощаньи совѣтники спросили о двухъ переводчикахъ изъ Датчанъ посланныхъ въ Россію для обученія русскому языку и услыхали: на Москвѣ и въ Ярославлѣ есть два Нѣмчина, получаютъ по государеву указу кормъ и жалованье, и русскому языку и грамотѣ навыкли.

Въ виду замедленій, пословъ сочли нужнымъ немного успокоить. Канцлеръ Фризъ и секретарь Фридрихъ Юнтеръ

уговаривали (2 апрѣля) ихъ не тяготиться тѣмъ и не объяснять медленность какъ-нибудь по своему, въ худую сторону: мать и братъ невѣсты сказали посланному отъ Христіана дворцовому маршалку Вольфу фонъ-Больвольту что они сначала сошлются со своими многочисленными родственниками въ Цесарской области, а это скоро не дѣлается. „Такъ какъ королевское величество, отвѣчали послы, о дѣлѣ государевомъ радѣетъ, братскую любовь и дружбу исполняетъ и впредь хочетъ радѣть и имъ совѣтуетъ пождать—они ждать готовы, только бы онъ еще порадѣлъ чтобы дѣло въ протяжку не пошло“. Чрезъ нѣсколько дней послы, не утерлѣвъ, напомнили Датчанамъ о своемъ желаніи поскорѣе узнать рѣшеніе дѣла. И извѣстіе наконецъ получено.

„Королевское величество, говорили посламъ (9 апрѣля) тѣ же канцлеръ и секретарь, по вашей просьбѣ, насколько могъ, радѣлъ о вашемъ дѣлѣ, посылалъ къ Шлезвигъ-Голштинскому герцогу и матери высоконареченной дѣвицы и извѣстилъ ихъ, какъ вы, послы, желали. И за нѣсколько дней былъ у короля посолъ Голштинскаго герцога съ отвѣтомъ: герцогъ хотѣлъ бы радѣть государю и королю, но дѣвица сговорена уже за князя Цесарской области, дѣло зачато было раньше, воротить его нельзя; и за честь оказанную царемъ ему и дѣвицѣ онъ, герцогъ, бьетъ ему челомъ. Со своей стороны, король велѣлъ объявить вамъ что ему и самому печально что онъ не можетъ привести къ концу такого начатаго дѣла, какъ ни старался чтобы тѣмъ подкрѣпить съ царскимъ величествомъ прежнюю любовь и дружбу, да и голштинскіе князья сильно обрадовались было царскому предложенію и сожалѣютъ что у нихъ за многое до того время поминовалось то дѣло. И если понадобится, король готовъ радѣть царю гдѣ только будетъ пригодно, проситъ его и впредь имѣть съ нимъ навсегда любовь и дружбу попрежнему“. Предполагая здѣсь хитрый обманъ и намѣренную проволочку времени, наши сердито замѣтили совѣтникамъ: „зачѣмъ же ты, канцлеръ, предъ тѣмъ передавалъ намъ что сватается за ту княжну князь Цесарской области и то дѣло еще не договорено? Вы сами же сказывали будто бы король посылалъ къ Голштинскому князю и къ матери той дѣвицы своего двороваго маршалка и тѣ писали ему что они сначала хотятъ подумать со своими близкими родными, которые живутъ въ Цесарской области, и подумавъ вскорѣ же вѣдомо учинятъ королевскому

величеству. Лучше бы вы тогда же дали намъ знать прямо, и мы съ вами больше бы и не говорили". Датчане старались убѣдить пословъ что они ихъ не обманывали, что все было такъ какъ они говорили, что самъ король ничего не зналъ навѣрное, пока Голштинскій герцогъ не прислалъ ему послѣдняго посла, и что не случилось бы этого недоразумѣнія и посламъ не пришлось бы понапрасну проѣхать такой дальній путь еслибы царь сначала спросилъ о томъ короля нарочною грамотой. „Дѣло то великое, отвѣчали наши, и ссылаться о немъ грамотой не годится, и мы, царскаго величества послы, о томъ не скучаемъ что далеко ѣхали". Затѣмъ они требовали себѣ отпуска.

Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить тяжелое впечатлѣніе произведенное на пословъ, въ честь ихъ устроили на прощаньи нѣсколько роскошныхъ обѣдовъ и въ Копенгагенѣ, и въ Фриденсбургѣ, въ новомъ красивомъ дворцѣ. Къ столу приглашались вмѣстѣ съ послами ихъ дворяне, переводчики, подъячіе и священникъ Иванъ. Пилось по 4 чаши: за здоровье царя, короля, патріарха и королевича. Послѣ стола всѣ наши, въ томъ числѣ и посольскій священникъ, подходили къ королевской рукѣ. За столомъ и послѣ него король и его приближенные помногу разспрашивали ихъ о царѣ, патріархѣ, ихъ образѣ жизни, духовенствѣ, управленіи церковными дѣлами, ученыхъ Нѣмцахъ, о томъ есть ли въ Россіи музыка, обстроилась ли Москва и прочее. Послы искренно хвалили свою вѣру и обычаи, царя и патріарха, сообщили что на Москвѣ многіе хорошо знаютъ греческій языкъ, самъ Филаретъ Никитичъ „по-гречески грамоту умѣетъ"; на вопросъ о томъ живутъ ли на Москвѣ Нѣмцы и Нѣмки и въ какомъ ходятъ платьѣ, отвѣчали: „государю нашему служатъ всѣхъ царствъ иноземцы многіе, ходятъ въ русскомъ и нѣмецкомъ платьѣ, кто въ чемъ хочетъ, также ходитъ и женскій полъ".

8 мая отплывъ отъ датскихъ береговъ и 14 іюня прибывъ въ Москву, послы представили своему государю подробный „Статейный списокъ" * о томъ чтò они слышали, говорили и видѣли.

---

* Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, среди Датскихъ дѣлъ 1621 года, св 5, № 3, подъ заглавіемъ: *Статейный списокъ бытности въ Даніи пословъ дворянина князь Алексѣя Лвова и дьяка Ждана Шипова.* О немъ до

V.

V. Сватовство Михаила Θеодоровича за Екатерину, маркграфиню Бранденбургскую.

Оправдывая Христіана IV, который ничего не устроилъ въ пользу Михаила Θеодоровича, его совѣтники, канцлеръ Фризъ и секретарь Юнтеръ, въ послѣдней официальной бесѣдѣ (9 апрѣля 1622 года) съ царскими сватами за принцессу Доротею Августу, между прочимъ сказали имъ: „великій государь вашъ прежде сослался бы о томъ съ королевскимъ величествомъ своею государскою грамотой и далъ знать ему поранѣе, и король дѣлалъ бы тогда, пока та дѣвица не была сговорена; а нынѣ ему, королю, извѣстно что она сговорена, поворотить ничего нельзя, и вы, царскаго величества послы, ѣхали путь дальній и труды положили великіе какъ дѣло ужь поминовалось". Какъ бы пользуясь этимъ совѣтомъ, Московское правительство вскорѣ (24 іюля того же 1622 года) назначаетъ переводчика Посольскаго приказа Елисея Павлова гонцомъ къ Шведскому королю Густаву Адольфу. Ему вручены были двѣ грамоты: одна, такъ сказать, показная, отъ царя, въ которой государь, отмѣчая то что королев-

---

сихъ поръ не было извѣстно. Всѣ свѣдѣнія о посольствѣ ограничивались у насъ слѣдующимъ. Изложивъ содержаніе наказа кн. Львову и дьяку Ждану, Соловьевъ (*Исторія Россіи*, IX, 1859, 169), всегда необыкновенно точный въ передачѣ архивныхъ матеріаловъ, на этотъ разъ, очевидно не видавъ *Статейнаго списка*, замѣчаетъ: „Сватовство кончилось ничѣмъ. Подъ предлогомъ болѣзни король отказался говорить со Львовымъ, а тотъ отказался объясняться съ ближними королевскими людьми". То же, ссылаясь на Берха (*Царствованіе Михаила*, 133), о сватовствѣ повторяетъ Забѣлинъ (*Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*. М. 1869, 240), прибавляя: „Сватовство, такимъ образомъ, даже не было начато. Лѣтопись разказываетъ что король отказалъ будто бы по слѣдующей причинѣ: прежде братъ мой ѣздилъ къ вамъ на Русь, при царѣ Борисѣ, который хотѣлъ отдать за него свою дочь Ксенію и, пріѣхавъ въ Москву, часу не жилъ тамъ, отравою уморили его; также и теперь дочь мою уморите". Какъ видѣли, переговоры Львова велись долго и притомъ съ одними королевскими совѣтниками, а объ Иванѣ не было и помину.

скіе воеводы пограничныхъ областей принимаютъ русскихъ перебѣжчиковъ и чинятъ московскимъ подданнымъ различныя обиды, просилъ прекратить эту неурядицу и тѣмъ не нарушать договора; вторая грамота, тайная, отъ бояръ съ предложеніемъ королю о выдачѣ за Михаила Ѳеодоровича королевской свояченицы, маркграфини Екатерины, дочери курфюрста Бранденбургскаго. „Государь нашъ, писали бояре, приспѣлъ въ лѣта мужескаго возраста и по преданію отеческому хочетъ сочетатися законнымъ бракомъ, въ супружество хочетъ взять и имѣть царицей и великою княгиней высокорожденную княжну Екатерину, урожденную маркграфиню и курфюрстову дочь Бранденбургскаго и тѣмъ еще сильнѣе укрѣпить и утвердить прежнюю любовь между ими, государями, и между Русскимъ и Шведскимъ государствами". Отвѣтъ королевскихъ совѣтниковъ былъ такъ же кратокъ какъ это письмо бояръ. Король, значилось въ ихъ отвѣтѣ, принимаетъ то съ любовью и, если суждено Богомъ, желаетъ и будетъ помогать чтобы царскому величеству въ его начатомъ дѣлѣ счастье и совершенье было безъ помѣхи; но не имѣя полной воли надъ высокорожденною княжной, онъ не можетъ выдать ее безъ ссылки съ ея близкими родными, и потому государь самъ бы сначала написалъ къ ея матери Аннѣ, маркграфинѣ и курфюрстинѣ Бранденбургской, ея брату Георгію Вильгему, маркграфу Бранденбургскому и курфюрсту Прусскому, также маркграфу Бранденбургскому Сигизмунду, Датскому королю Христіану IV и герцогу Саксонскому Іоанну Георгію и узналъ бы отъ нихъ какъ они о томъ дѣлѣ думаютъ. Король же полагаетъ что они согласятся и дѣло станется если государь обѣщаетъ самой княжнѣ Екатеринѣ и всему женскому полу и слугамъ которые съ ней пріѣдутъ быть въ своей вѣрѣ и вольно держать свое пѣнье и службу въ киркахъ своихъ, чтобъ ей и ея людямъ даны были особыя почетныя мѣста и города съ уѣздами, и что Польскій король, которому, конечно, не понравится этотъ бракъ, не будетъ допущенъ до ссоры съ подчиненнымъ ему Бранденбургскимъ курфюрстомъ.

Выслушавъ докладъ о результатахъ сношенія съ Густавомъ, царь и патріархъ отправили (15 января 1623 года) новаго гонца, переводчика Андрея Англера, и опять съ двумя грамотами, царскою и боярскою. Подавая (15 февраля) Густаву царскую грамоту въ которой заявлялось о дружбѣ

государя къ королю, Англеръ на вопросъ, нѣтъ ли съ нимъ какого другаго наказа, отвѣтилъ отрицательно; потомъ, придя на квартиру, онъ просилъ королевскихъ совѣтниковъ донести королю что у него есть грамота о великомъ государевомъ дѣлѣ, о которомъ бы Густавъ переговорилъ съ нимъ тайно, въ присутствіи лишь близкихъ къ себѣ лицъ. Король позвалъ его къ себѣ, принялъ отъ него боярскую грамоту относительно брачныхъ условій, обѣщая дать на нее свой отвѣтъ на письмѣ.

Что король, говорилось въ боярскомъ письмѣ, хочетъ помогать государю, то государь принимаетъ съ любовью и за это подвиженъ ко всякому добру къ королевскому величеству; а что писалъ о вѣрѣ, то да будетъ ему, княжнѣ Екатеринѣ и ея роднымъ извѣстно: „похотя быти за нашимъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ сочетаніи законнаго брака и сообща съ нимъ, государемъ, всѣмъ его великимъ государствамъ царицею и великою княгиней, ея княжеская милость, княжна Екатерина, для любви и крѣпкаго союза, самимъ Богомъ и отцы преданнаго, произволила бы быть съ нимъ, государемъ, въ одной православной христіанской вѣрѣ стараго, непорочнаго и непремѣннаго, самимъ Іисусъ Христомъ, апостолами и отцами преданнаго греческаго закона и, пришедъ въ царствующій градъ, приняла бы Святое Крещеніе, по древнему отеческому преданію, какъ Святая апостольская церковь пріяла. Безъ этого начальнаго и главнаго дѣла ихъ государскому законному супружеству статься невозможно: потому что нашей православной христіанской вѣрѣ греческаго закона съ иными вѣрами розпь многая, и двухъ вѣръ великіе государи наши съ супругами своими никогда не бывали и впредь то быть не можетъ; по преданію святыхъ апостолъ и отцовъ, пригоже женѣ къ мужу приступить и съ нимъ сообща хвалить и прославлять Всемилостиваго Бога и владѣть своими государствами. И какъ по милости Божіей такое великое дѣло совершится, и то будетъ къ лутчей ихъ государской обоюдной любви, и Господь, видя ихъ единоревнительную къ Нему вѣру и взаимную любовь, подастъ имъ благородныхъ чадъ въ наслѣдіе преславнаго ихъ царскаго рода, а родителямъ и родственникамъ ихъ то будетъ къ славѣ, похвалѣ и премногому утѣшенію, государствамъ ихъ къ расширенію, прибавленію, радости и благой надеждѣ, непріятелямъ къ страху и отомщенію, потому что

тѣмъ ихъ государскимъ брачнымъ соединеніемъ многіе великіе государи будутъ между собою въ ссылкѣ, любви и на всякаго недруга въ соединеньи. А которые пріятели княжны Екатерины и ея слуги мужескаго и женскаго пола пріѣдутъ съ ней, тѣхъ всѣхъ государь пожалуетъ своимъ жалованьемъ и почтетъ по ихъ достоинству, и неволи имъ и недостатка ни въ какомъ житьѣ не будетъ ни въ чемъ. Въ вѣрѣ имъ быти, если похотятъ, въ православной греческаго закона: ближнимъ людямъ при государѣ и царицѣ иновѣрцамъ быти не пригоже, костелы иныхъ вѣръ въ Московскомъ государствѣ никогда не бывали и впредь то статися не можетъ, потому что то нашей православной вѣрѣ противно. Если же эти лица принять нашу вѣру не похотятъ, а пожелаютъ возвратиться въ свою землю, великій государь, пожаловавъ ихъ своимъ жалованьемъ, велитъ ихъ отпустить въ ихъ землю повольно, безо всякаго задержанія".

О „костелахъ иныхъ вѣръ" бояре написали больше чѣмъ было въ дѣйствительности. Собственно католическихъ храмовъ наше правительство, съ тѣхъ поръ какъ явились у насъ протестанты, за исключеніемъ эпохи перваго Самозванца, не допускало; лютеранская же кирка въ Москвѣ была еще при Грозномъ и простояла до смутной эпохи; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ она снова возникла, и въ 1622 году, то-есть въ то время какъ писали бояре данное письмо, она была возобновлена пасторомъ Оксомъ на пожертвованія ея прихожанъ, между прочимъ, Елисея Англера, * едва ли не родного брата Андрея Англера, который отвезъ это письмо. Другая кирка находилась въ Нижнемъ Новгородѣ. ** Бояре были правы въ одномъ: для лицъ собственно царствующаго рода у насъ иновѣрныхъ храмовъ не было. Кирки строились для иноземцевъ состоявшихъ на службѣ, ведшихъ торговлю и для плѣнныхъ.

Бояре находили невозможнымъ исполнить и другое условіе предъявленное Густавомъ о выдѣленіи опредѣленныхъ

---

* Fechner, *Chronik*, 1; также въ нашей статьѣ: „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго", *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1883, IX.

** Olearius, *Colligirte und viel vermehrte Reise-Beschreibung in der nach Musscau und Persien.* Hamburg. 1696. 176. *Die evangelisch-lutherischen Pfarre in Nischni-Nowgorod*, Ullman's Mittheil., III, 374

мѣстъ и городовъ. „Когда княжна Екатерина, писали они, приметъ христіанскую вѣру и сочетается съ нашимъ государемъ, тогда всѣ великія Россійскія государства будутъ ихъ государскія, сообща, нераздѣльно, и воля ей, государынѣ, будетъ во всемъ по государскому чину и достоинству; и если она произволитъ какіе города и уѣзды имѣть на свое имя и доходы съ нихъ сбирать на свои дворовые обиходы и на слугъ, и великій государь нашъ за то не постоитъ: города, мѣста и уѣзды даны будутъ безо всякой скудости, и во всю свою жизнь она скудости и неволи имѣть не будетъ“. Относительно опасеній какъ бы изъ-за брака не вышло ссоры и войны у Бранденбургскаго курфюрста съ Польскимъ королемъ, бояре выразились: „Нашему государю доподлинно извѣстно что курфюрстъ Бранденбургскій Прусское княжество имѣетъ и держитъ отъ Польскаго короля, только не подданствомъ, но леннымъ, то-есть вѣчнымъ правомъ, и ему вольно за кого бы ни захотѣлъ выдать сестру или дочь, король Польскій ему воспрепятствовать не можетъ, потому что у Бранденбургскаго курфюстра и кромѣ того государство немалое, и въ нѣмецкихъ государствахъ много родственниковъ и пріятелей, да къ тому же и образецъ есть: самъ королевское величество женился въ томъ славномъ дому и взялъ за себя курфюрста Бранденбургскаго дочь, высокорожденную княжну Марію Леонору, и хотя Польскій король о томъ погнѣвался, однако курфюрсту Бранденбургскому учинить ничего не могъ, всчинать войну было бы противъ правды“.

На совѣтъ короля обратиться первоначально къ роднымъ невѣсты, бояре замѣчали: Густаву снестись съ ними ближе, у него даже живетъ теперь сама княжна Екатерина со своею матерью, а государю, пока ему неизвѣстны ихъ мысли, ссылаться съ ними непригодно. Въ видахъ этого бояре предлагали Густаву чтобъ онъ отвѣтилъ скорѣе можетъ ли дѣло статься, какъ написано въ ихъ письмѣ, и можетъ ли онъ тайно отъ Польскаго короля снестись со своимъ шуриномъ, Бранденбургскимъ курфюрстомъ, такъ чтобъ у послѣдняго не вышла ссора съ Польскимъ королемъ пока дѣло не совершилось, а когда оно устроится и государь будетъ съ Густавомъ-королемъ и всѣми его родными въ пріятельствѣ, любви и соединеньи на всякаго недруга, въ то время Польскому королю врядъ мыслить о себѣ какъ бы ему самому уберечься, а нетолько-что начинать неправду и войну. Если

государь получитъ благопріятное извѣстіе, то онъ пошлетъ къ роднымъ Екатерины любительныя письма, а къ Густаву для договора большихъ пословъ; но если король извѣститъ что дѣло по государевой волѣ сбыться не можетъ, все же государь останется съ королемъ въ дружбѣ попрежнему и мирный договоръ будетъ держать цѣло и ненарушимо.

Слишкомъ мѣсяцъ изготовлялся отвѣтъ со стороны Шведскаго правительства. Въ своей грамотѣ (отъ 24 марта) къ Михаилу Θеодоровичу Густавъ извѣщалъ что онъ присланныя съ Англеромъ царскую и боярскую грамоты выразумѣлъ и велѣлъ своимъ думнымъ людямъ дать отъ его имени царскимъ ближнимъ боярамъ письменный отвѣтъ. Его министры подробнѣе развили тѣ мысли и условія какія ими были выставлены въ ихъ письмѣ посланномъ съ Елисеемъ Павловымъ. „Первое условіе, писали они, при которомъ согласятся на бракъ невѣста и ея родные, которымъ она наказана, то чтобъ ея княжеской милости, княжнѣ Екатеринѣ было дозволено остаться въ своемъ крещеньи и христіанской вѣрѣ и держаться той церковной службы въ которой она воспитана, имѣть при себѣ особую церковь лютерской вѣры и все что къ нашей христіанской евангелической вѣрѣ принадлежитъ, подобно тому какъ она до сихъ поръ у своихъ имѣла; второе, чтобъ ея княжиной милости имѣть и держать у себя своихъ думныхъ дворянъ, слугъ и боярынь ея вѣры, какихъ бы земель они ни были, и у нея не отнимать этой повольности, какъ такія королевы и царицы вольность имѣютъ въ Цесарской, Шведской, Испанской, Французской, Англійской, Дацкой и Польской земляхъ; третье, чтобъ она была устроена особыми городами, землей и уѣздами на всю свою жизнь хотя бы, по Божьему произволенію, она пережила своего супруга“. Только при обѣщаніи государемъ этихъ условій, утверждали министры, король надѣется на счастливый исходъ сватовства и обѣщается хлопотать у родственниковъ княжны, и то лишь чтобы доказать дружбу къ государю, такъ какъ княжна ему не наказана; а что она теперь живетъ въ Швеціи, то единственно по любви ея и ея матери къ нему, королю, и его супругѣ, королевѣ Маріи Элеонорѣ. Подъ письмомъ подписалось болѣе двѣнадцати датскихъ сановниковъ, между ними графъ Абраамъ Виссенборгскій, канцлеръ Аксенстеръ и другіе. *

* Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла Шведскія, св. 31, 1622 года, № 2: „*Отправленіе въ Швецію*

Принципы выраженные московскими и шведскими сановниками были такъ различны что соглашеніе здѣсь не могло произойти. У такого цѣльнаго въ своихъ воззрѣніяхъ народа какъ Московскій, въ глазахъ котораго къ тому же царь и его супруга имѣютъ священное значеніе, царица не могла быть иновѣркою, и Михаилъ Өеодоровичъ, истощивъ средства добыть себѣ жену изъ иноземныхъ принцессъ которая бы приняла православіе, женился на русской боярышнѣ Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, отличавшейся своею красотой и отецъ которой принадлежалъ къ партіи сильнаго тогда боярина Ө. Ив. Шереметева *.

VI. Дѣло Вальдемара Датскаго и Ирины Михайловны. **

Семейная жизнь Михаила Өеодоровича со Стрѣшневой текла мирно и радостно. Изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей осталось у нихъ въ живыхъ и подростало четверо: сынъ Алексѣй, здоровый мальчикъ, и три дочери, красавицы собою Роковой ударъ счастью нанесло сватовство ихъ старшей дочери Ирины за иноземнаго принца.

переводчика Елисея Павлова съ грамотой къ королю Густаву Адольфу о причиняемыхъ отъ его королевскихъ подданныхъ Россіянамъ обидахъ и о перебѣжчикахъ", св. 32, 1623 года, № 2: „*Отправленіе въ гонцахъ переводчика Андрея Англера въ Швецію съ грамотой отъ царя Михаила Өеодоровича къ Шведскому королю Густаву Адольфу, извѣщающею о желаніи государя вступить въ супружество съ родственницею его княжною Екатериной. Тутъ же данный ему, гонцу, отъ шведскихъ министровъ отвѣтъ и его Статейный списокъ*".

* Объ отношеніи Стрѣшневой къ Шереметеву и объ условіяхъ ея выбора въ царицы см. у Барсукова, *Родъ Шереметевыхъ*, II—III, и въ нашей статьѣ: *Московскіе бояре въ XVI и XVII вѣкѣ. Моск. Вѣд.* 1884, №№ 33 и 34.

** Офиціальные документы этого дѣла находятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, среди Датскихъ Историческихъ, Греческихъ и Приказныхъ дѣлъ 1640—1646 годовъ, въ библіотекѣ Архива № 145 и въ Московской Синодальной Библіотекѣ №№ 279—281, и состоятъ изъ тысячъ двадцати листовъ. Архивные матеріалы по мѣстамъ до того спутаны что даже такой знатокъ Архива, какъ Соловьевъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ введенъ въ очень грубое заблужденіе. Такъ, факты изъ второй поѣздки Марсе-

Къ половинѣ 1640 года у нихъ созрѣло намѣреніе поискать жениха въ Даніи, въ семьѣ извѣстнаго уже Михаилу короля Христіана IV. Не женатымъ и не помолвленнымъ въ ту

лиса въ Данію онъ отнесъ (*Исторія Россіи*, М. 1859, 320—321) къ первой. Это потому что средняя часть показанія Марселиса въ Посольскомъ приказѣ о его второмъ путешествіи лежитъ въ актахъ тносящихся къ его первой миссіи, и Соловьевъ, не видавъ остальныхъ листовъ, начала и конца, которые находятся въ другомъ мѣстѣ, листовъ черезъ тысячу отъ средины, отнесъ найденные имъ листы къ актамъ перваго путешествія. Извлеченіе Соловьева сдѣлано собственно изъ Датскихъ дѣлъ Архива, изъ Греческихъ дѣлъ оно сдѣлано профессоромъ священникомъ Николаевскимъ („Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ половинѣ XVII столѣтія" въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1882, I—II, 245—249), изъ синодальныхъ рукописей—въ *Описаніи рукописей Московской Синодальной Библіотеки*, II, 370—382, Горскаго, и въ *Исторіи Русской Церкви*, митрополита Макарія, XI, 105—114. Списки съ синодальныхъ рукописей, со значительными варіантами, сокращеніями и дополненіями, весьма распространены. Между извѣстными экземплярами (Царскаго, Ундольскаго, Казанской Духовной Академіи и др.) одно изъ первыхъ мѣстъ долженъ занять неизвѣстный доселѣ экземпляръ принадлежащій Е. В. Барсову. Въ немъ есть полный отчетъ о преніяхъ 4 іюля 1645 года, о которыхъ Соколовъ (*Отношеніе протестантизма къ Россіи*, М. 1880, прим. стр. 24) утверждаетъ, будто о нихъ не сохранилось актовъ; такой же отчетъ, замѣтимъ кстати, имѣется и въ синодальныхъ рукописяхъ № 279, л. 470—552 и № 280, л. 1 - 87, которыя не однократно цитуетъ и самъ Соколовъ. По экземпляру принадлежащему Казанской Духовной Академіи составлена имѣющая значеніе статья: „Матеріалы для исторіи русско-церковной полемики противъ лютеранства въ первой половинѣ XVII столѣтія, *Православный Собесѣдникъ* 1861, II. Кромѣ офиціальныхъ матеріаловъ, важны два современныя событію сочиненія: одно иностранное, другое русское. Первое принадлежитъ перу вѣроятно одного изъ спутниковъ Вольдемара: *Nachricht von Woldemar Christian Güldenlöwe Grafen von Schlesswig-Holstein, Sohn des dänischen Konigs Christian des Vierten, von der Christina Munk, Reise nach Russland, zur Vermählung mit des Zaren Michael Fedrowitsch Tochter Irene*, въ *Magazin für die neue Historie* Büsching'a X, 213—276 (переводъ на русскомъ языкѣ въ *Чтен. Императорскаго Москов. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* 1867, IV). Русское сочиненіе написано въ Москвѣ, въ первые мѣсяцы по отъѣздѣ Вальдемара изъ Россіи и находится въ собраніи рукописей Е. В. Барсова, № 59, л. 3—42. Заглавіе его: *Повѣсть и писаніе извѣстно, о еже случися быти въ нашей Русстѣй земли: въ нынѣшнихъ настоящихъ лѣтѣхъ, осмыя тысящи во второмъ стѣ,*

пору оказался третій сынъ короля, отъ второй его жены *, графини Христины Мункъ, Вальдемаръ. По отобраніи необходимыхъ свѣдѣній въ Москвѣ отъ „Датскаго короля прикащика" Петра Марселиса, въ декабрѣ отправили въ Данію гонца, переводчика иностранца Ивана Ѳомина съ дипломатическимъ порученіемъ касавшимся Голштинскаго герцога, который не исполнялъ условій договора относительно торговли съ Персіей. Но главною цѣлью посольства было желаніе царя Михаила собрать тайнымъ образомъ на мѣстѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о королевской семьѣ и въ особенности о королевичѣ Вальдемарѣ: его лѣтахъ, наружности, умѣ, образованіи, характерѣ, физической крѣпости, а также и о томъ не сговоренъ ли гдѣ жениться. Послу было настрого наказано стараться всѣми средствами не только лично видѣть королевича, но персону его написать подлинно въ листъ или на доску, безъ приписи, прямо, для этого подкупить лица и, если окажется нужнымъ, помѣшкать недѣлю или двѣ, притворившись больнымъ, и не скупиться на подарки; а чтобы не догадались, заказать написать персоны самого короля Христіана и его другихъ сыновей. Порученіе Ѳоминъ исполнилъ точно. Возвратясь въ Москву, онъ представилъ портреты и донесъ государю что королевичъ Вальдемаръ двадцати лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ лицомъ здоровъ и разуменъ, знаетъ по-латыни, французски, итальянски, верхне-нѣмецки, знакомъ съ воинскимъ дѣломъ.

Какъ ни секретно велъ свои дѣла Ѳоминъ, Датскій дворъ угадалъ его мысли. Когда посолъ былъ еще въ Копенгагенѣ, королевскій секретарь, спросивъ его зачѣмъ ему понадобились портреты, прибавилъ: „если государю вашему короле-

---

въ пятой десяторицѣ, во второмъ и третьемъ лѣтѣ; есть же убо и слезамъ достойно. Въ общемъ оглавленіи статей сборника, сдѣланномъ значительно позднѣе, заглавіе измѣнено: *Повѣсть, о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Валдемаромъ королевичемъ.* Оба эти сочиненія важны главнымъ образомъ потому что изъ нихъ весьма ясно видимъ какъ отразилось событіе въ сознаніи Датчанъ и Русскихъ, какъ они понимали его. Имѣя въ виду со временемъ составить большое сочиненіе о дѣлѣ Вальдемара и издать главнѣйшіе, относящіеся сюда документы, мы ограничимся здѣсь передачей существеннаго.

* „Отъ жены съ лѣвой руки", какъ выразился Марселисъ въ Посольскомъ приказѣ.

вичъ Вальдемаръ надобенъ для воинскаго дѣла, король отпустить его къ царскому величеству." Датскимъ вельможамъ хотѣлось удалить Вальдемара чтобы не имѣть въ немъ соискателя на вице-королевскій санъ, на который онъ по своимъ правамъ могъ мѣтить. Самъ Христіанъ былъ далеко не прочь опредѣлить его къ мѣсту въ Москвѣ, породнивъ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Съ этою цѣлію онъ снарядилъ въ Россію посольство во главѣ котораго поставилъ Вальдемара, вторымъ посломъ былъ Григорій Краббе. Вмѣстѣ съ чисто торговою миссіей для датскихъ купцовъ Вальдемаръ получилъ отъ отца тайный наказъ на случай еслибы въ Москвѣ стали сватать его за Ирину Михайловну; наказъ былъ за подписью короля и королевскою печатью, и будто бы не былъ извѣстенъ даже Краббе. Вальдемару приказывалось принять предложеніе если царь, между прочимъ, обезпечитъ ему свободу вѣроисповѣданія, и просить для окончанія дѣла прислать къ королю московскихъ пословъ.

Такъ какъ Вальдемаръ былъ объявленъ „посломъ, графомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ", а не королевичемъ, то его повсюду принимали какъ только посла. Переговоры о торговлѣ шли довольно оживленно. Датское правительство просило вольной торговли для своихъ купцовъ по всему Московскому государству, монополіи по торговлѣ въ Россіи кожами и юфтью, позволенія построить прядильню для канатнаго дѣла, имѣть въ Москвѣ агентовъ и прикащиковъ, строить по городамъ дворы и кирки, обѣщая со своей стороны увеличеніе пошлинъ и т. д. Отклоняя просьбы о монополіи, но дозволяя съ нѣкоторыми ограниченіями торговлю, бояре составили уже грамоту на вѣчное докончаніе. Пунктъ о киркахъ, религіозной свободѣ и мѣстѣ жительства купцовъ ими опредѣленъ особенно точно. „А что они, послы, было написано въ грамотѣ, говорили и били челомъ царскаго величества боярамъ и думнымъ дьякамъ, чтобы великій государь нашъ, его царское величество, государя ихъ Крестьянуса, короля Датскаго, его королевскаго величества подданныхъ торговыхъ людей пожаловалъ въ которыхъ городахъ имъ торговать и въ тѣхъ бы городахъ позволить имъ дворы ставить гдѣ имъ товары свои класть и торговать бъ имъ на Москвѣ, Новгородѣ и у Архангельскаго города, и гдѣ торгъ уставятъ и тутъ бы кирки и дворы ставить. И великій государь нашъ, его царское величество, для государя его Крестьянуса короля братскія дружбы и любви, подданныхъ его тор-

говыхъ людей пожаловалъ, поволилъ въ Новгородѣ всѣмъ одинъ дворъ купить или поставить, во Псковѣ одинъ же дворъ всѣмъ, у Архангельскаго города одинъ же дворъ всѣмъ купить или поставить, а на Москвѣ государя ихъ у королевскаго прикащика у Давыда Николаева дворъ купленъ, до тому жь Давыду, по царскаго величества указу, для тѣхъ же государя его подданныхъ торговыхъ людей подлѣ того его двора поволено купить другое торговое мѣсто, а киркамъ на Москвѣ и ни въ какомъ городѣ Московскаго государства не быть. А которые великаго государя нашего, его царскаго величества, подданные торговые люди учнутъ ѣздить для торговаго промыслу въ Датскую землю и въ которыхъ городахъ Датскаго королевства тѣ великаго государя нашего, его царскаго величества, подданные торговые люди учнутъ торговать, и во тѣхъ городахъ по тому жь государю его Крестьянусу, королю Датскому, его королевскому величеству, поволить имъ дворы купить или ставить“.

При составленіи бѣловой договорной грамоты возникли пререканія, уже случавшіяся и прежде: чье имя, царское или королевское, писать прежде. Требованіе Вальдемара чтобы въ датской грамотѣ королевское имя было написано раньше царскаго, боярами не могло быть исполнено, и переговоры не могли кончиться ничѣмъ. О бракѣ наши не заговаривали. Государя повидимому тревожило сомнѣніе относительно законности происхожденія Вальдемара и дѣйствительнаго почета ему среди Датчанъ. Сопровождавшимъ и бывшимъ при Вальдемарѣ приставамъ было наказано слѣдить возможно внимательнѣе, какъ относятся къ нему Датчане. Пристава доносили что Краббе и другіе почитаютъ его государскимъ обычаемъ. Вальдемаръ показалъ тайный наказъ Марселису. Этотъ прочелъ, но довести о томъ до свѣдѣнія правительства и намекнуть ему о сватовствѣ почему-то не осмѣлился. Быть-можетъ ему не было еще извѣстно съ какимъ собственно намѣреніемъ правительство производило о Вальдемарѣ свои справки. Такъ послы и отъѣхали, ничего не сдѣлавъ здѣсь.

Спустя полгода (12 апрѣля 1642 года) въ Москвѣ рѣшили отправить въ Данію пословъ: окольничаго Степана Матвѣевича Проѣстева и дьяка Ивана Патрикѣева докончить договоръ и начать сватовство. Въ существенныхъ своихъ частяхъ тайный имъ наказъ о сватовствѣ былъ почти букваль-

нымъ повтореніемъ прежняго наказа князю Львову, только вмѣсто „высокорожденной королевской племянницы“ повсюду стояло „королевичъ Волдемаръ Христіанусовичъ“, вмѣсто имени жениха-государя—имя невѣсты-царевны. Не было допущено измѣненій не только въ пунктѣ о перекрещиваніи и о Датчанахъ, но даже въ пунктѣ объ отводѣ брачной четѣ отдѣльныхъ владѣній: какъ и прежде, было обѣщано просто что государь будетъ держать ее въ чести, нужды ей не будетъ. Значительныя поправки, сообразно съ обстоятельствами, сдѣлали лишь въ такихъ маловажныхъ частяхъ какъ вопросъ о портретѣ. „Ежели спросятъ, было наказано посламъ, есть ли съ ними персоны царевны, то отвѣчать: „у нашихъ великихъ государей Россійскихъ того не бываетъ чтобъ персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья, въ чужія государства возить, да и въ Московскомъ государствѣ очей государыни царевны, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ, другіе бояре и всякихъ чиновъ люди не видаютъ.“

Проѣстева и Патрикѣева король принялъ весьма недружелюбно, на представленіи не хотѣлъ было даже спросить о государевомъ здоровьѣ, и исполнилъ обычай лишь благодаря ихъ настоянію. Помѣщеніе титула опять помѣшало совершить докончанье. Не успѣвъ въ одномъ, послы принялись за исполненіе второй миссіи. Но такъ какъ они, сообразно наказу, не могли обѣщать королевичу опредѣленныхъ земель въ Московскомъ государствѣ и требовали что онъ долженъ креститься въ православную вѣру, то не имѣли удачи и въ этомъ. Несчастіе продолжало преслѣдовать ихъ. Въ Посольскомъ приказѣ подвергли ихъ суду, обвинивъ въ нерадѣніи и неумѣньи исполнять царской воли: въ раздачѣ соболей и денегъ не сообразовались де съ пользой государя, а сорили всѣмъ этимъ ради своей чести, переговоры вели слишкомъ коротко и часто отвѣчали не впопадъ или совсѣмъ молчали и поспѣшили уѣхать послѣ перваго же отказа, не снесшись напередъ съ государемъ.

Поправить дѣло надѣялись чрезъ датскаго коммиссара Петра Марселиса. Его позвали (4 декабря 1642 года) въ Посольскій приказъ. Припомнивъ прежнія службы его, Петра, и отца его Гаврилы и полученныя ими за то царскія милости и повольность въ торговлѣ, бояре поручили ему новую службу государю—ѣхать въ Данію сватомъ, обѣщая ему

новыя награды. Марселисъ тотчасъ согласился *, такъ какъ онъ понималъ какія, въ случаѣ удачи, могутъ быть отъ того выгоды какъ для него, такъ и для всей протестантской колоніи, лишь потребовалъ чтобъ ему позволено было ничего не говорить Вальдемару относительно перекрещиванья, то-есть не предлагать ему принять православіе. Въ Приказѣ находили это невозможнымъ и уговаривали его порадѣть и о вѣрѣ. Тогда Марселисъ сообщилъ что Вальдемаръ въ бытность свою въ Москвѣ казалъ ему королевскій наказъ въ которомъ отецъ настрого запрещалъ сыну отказываться отъ лютеранства, „и онъ, королевичъ, мимо отца своего наказу и въ то время того учинить и къ греческой вѣрѣ приступить не хотѣлъ, и нынѣ ему, Петру, чтобы королевичу ѣхать креститься въ православную вѣру греческаго закона, о томъ говорить королю и королевичу никоторыми мѣрами не смѣть, а только про то имъ говорить, и ему быть въ опалѣ“. Бояре смолчали, но чрезъ нѣсколько дней Марселисъ получилъ назначеніе отправиться въ Данію. Объ этой службѣ объявилъ ему бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, онъ запросилъ соболей на 2.600 руб. для раздачи въ Даніи, привилегію для себя на желѣзный промыселъ на 20 лѣтъ, покровительство оставшейся въ Москвѣ его женѣ. Просьбы его удовлетворили съ избыткомъ: къ соболямъ на 2.600 р. прибавили ему 500 р. деньгами въ качествѣ награды за службу (съ Проѣстевымъ и Патрикѣевымъ соболей было послано на 2.000 р.). Наказъ былъ составленъ

* Такъ въ офиціальныхъ архивныхъ документахъ (Дѣла Датскія, св. 13, № 8: *Отправленіе въ Данію дацкаго комисара Петра Марселиса*); по рукописи же „Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича“, Марселисъ самъ вызвался и добивался того. Упомянувъ объ опалѣ на Проѣстева и Патрикѣева и о царскомъ унынiи что имъ не удалось заручить Вальдемара, авторъ продолжаетъ (л. 8): „о сицевыхъ нѣкiи же злодѣй астивый врагъ такiи же поганикъ Нѣмчинъ здѣшнiи житель Петрушка Марселевъ, имѣя на себѣ воинскiй чинъ, царю служа, видя царя и царицу печалныхъ о таковой вещи и изъяся царю и царицѣ, яко да идетъ тамо въ Датцкую землю къ королю Христiянусу и сыну его къ королевичю Валдемару, яко да увѣщаетъ и подъиметъ того нечестиваго, яко быти ему въ Рускую землю къ нимъ, государемъ. Царь же и царица повелѣста ему ити и творити глаголемая, и даста ему честь велiю зѣло и потребнаго доволно.“

какъ ему желалось. О прежнихъ послахъ онъ долженъ былъ доложить королю что они поступали неправильно и нерадиво, на вопросъ о чести и о земляхъ для королевича отвѣчали не по наказу, а о вѣрѣ и о крещеніи не на вопросъ ближнихъ королевскихъ людей. Королевича де государь станетъ держать въ большомъ пріятельствѣ и въ государской чести, какъ государскаго сына и зятя, и одаритъ его всѣмъ: города, села и денежная казна будетъ у Вальдемара многая, получитъ онъ большіе города Суздаль и Ярославль съ уѣздами, волостями и всякими доходами, и иные города и села и волости какіе ему годны; „въ его вѣрѣ неволи не будетъ, а въ православную христіанскую вѣру греческаго закона крещеніе всѣмъ людемъ даръ Божій: кого въ то Богъ приведетъ, тотъ то и приметъ, а воля Божія свыше всѣхъ человѣческихъ мыслей и дѣлъ“. Ближнимъ и дворовымъ людямъ королевича будетъ оказана государская милость по ихъ достоинству, неволить ихъ ни въ чемъ не будутъ, и заявившихъ желаніе возвратиться всегда отпустятъ безъ задержки. Каждое условіе онъ долженъ былъ, конечно, предложить не прежде чѣмъ о томъ спросятъ его.

Марселису теперь легко было склонить на свою сторону Датское правительство. Прибывъ въ Копенгагенъ 14 марта 1643 года, 20 марта онъ былъ представленъ королю и тутъ же прямо изложилъ московскія условія. Чуть не съ каждымъ днемъ нуждаясь все болѣе и болѣе въ посторонней помощи противъ Швеціи, которая явно готовилась открыть противъ Даніи свои враждебныя дѣйствія, Христіанъ охотно согласился отпустить своего сына. Вальдемара, который за свою бытность въ Москвѣ имѣлъ достаточный случай убѣдиться въ неуступчивости Русскихъ, ѣхать сюда, правда, теперь не тянуло, но отказаться онъ не смѣлъ боясь тѣмъ оскорбить отца. Серіозныхъ препятствій къ браку не находили. Оставалось заручиться отъ царя письменнымъ обѣщаніемъ.

Марселисъ получилъ (8 апрѣля) королевскую грамоту, которую онъ долженъ былъ доставить въ Москву. Заявивъ о своей готовности держать съ государемъ дружбу и прекратить споръ о титулѣ столько лѣтъ мѣшавшій учиниться письменному укрѣпленію, Христіанъ писалъ что онъ для взаимнаго союза готовъ способствовать сватанью царской дочери за его сына, только бы ему напередъ получить отъ государя отвѣтную грамоту за царскою печатью и подписью,

съ утвержденіемъ необходимыхъ статей. Между ними первое мѣсто занимаетъ условіе насчетъ свободы вѣроисповѣданія: королевичу, его двору и слугамъ въ вѣрѣ и законѣ неволи быть не должно и будетъ отведено ему мѣсто для поставленія кирки. Второе условіе касалось положенія королевича въ государствѣ и царской семьѣ, чтобъ онъ кромѣ царя и царевича никого не имѣлъ выше себя; остальныя три условія опредѣляли содержаніе его и его двора: обѣщанные города Суздаль и Ярославль съ ихъ уѣздами должны остаться за нимъ и его потомствомъ навсегда, было бы честнѣе и славнѣе еслибы прибавлено было къ тому денежное приданое; такъ какъ доходы съ городовъ неизвѣстны, то царь назначилъ бы еще опредѣленную сумму денегъ, изъ которой часть королевичъ тратилъ бы на содержаніе своего двора, другую оставлялъ для себя; управлять своимъ дворомъ, одѣвать его и принимать къ себѣ на службу и отпускать назадъ за границу королевичъ будетъ по своему усмотрѣнію.

Въ Москвѣ встрѣтили Марселиса какъ датскаго посланника, въ поденномъ корму приравнявъ его къ пріѣзжавшему прежде Голмеру, и удостоили торжественнаго представленія царю. Пока Марселисъ выхлапатывалъ чтобъ ему вознаградили убытки (1.100 р.) понесенные имъ въ Даніи, въ Приказѣ готовили отвѣтную, за большою государевою печатью, грамоту въ которой на всѣ статьи предъявленныя королемъ давалось царское согласіе * съ обѣщаніемъ прибавить денежнаго приданаго триста тысячъ рублей и предложеніемъ чтобы королевичъ взялъ съ собою изъ Даніи триста человѣкъ и всѣ земли принадлежащія ему подъ датскою короной оставались въ вѣчномъ наслѣдственномъ владѣніи обоихъ супруговъ. Собственно о вѣрѣ отвѣтъ гласилъ: „королевичу графу Валь-

* Что, конечно, хранилось отъ остальныхъ Москвитянъ подъ величайшимъ секретомъ. Повидимому, объ условіяхъ о вѣрѣ точно не зналъ даже патріархъ Іосифъ. Когда пріѣхалъ Вальдемаръ въ Москву, посланный къ нему отъ патріарха Францбековъ говорилъ королевичу что Марселису не было наказано ни говорить, ни рѣшать вопроса о вѣрѣ. Авторъ *Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Θеодоровича* не принадлежавшій къ правительственнымъ лицамъ и писавшій не на оффиціальныхъ документахъ, а на основаніи носившихся въ городѣ слуховъ, утверждаетъ (л. 9), будто Марселинъ убѣдилъ королевича ѣхать сюда „только женитися, а не креститися по нашему русскому обычаю", то-есть въ дѣйствіяхъ Марселиса онъ видитъ хитрость, какъ бы прямый обманъ.

демару и его всему двору и слугамъ въ вѣрѣ и въ законѣ неволи никакой не будетъ, а о томъ чтобы поволено было мѣсто гдѣ кирку поставить, договоръ будетъ съ послами королевскаго величества, которые пріѣдутъ съ его королевскимъ сыномъ къ нашему царскому величеству къ Москвѣ, гдѣ киркѣ быть. А у предковъ нашихъ, у великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ, и нынѣ у насъ, великаго государя, многихъ окрестныхъ государствъ иноземцы разныхъ вѣръ люди которые у насъ, великаго государя, и въ подданствѣ, и мы, великій государь, и у тѣхъ въ ихъ вѣрахъ и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки по ихъ вѣрамъ есть, и моленье свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и по закону."

Интересно сопоставить этотъ отвѣтъ о киркахъ съ тѣмъ что̀ за двадцать лѣтъ ранѣе писали бояре Шведскому правительству. Тогда утверждалось что иновѣрныхъ храмовъ у насъ нѣтъ и не бывало, а между тѣмъ тогда кирка стояла въ самой Москвѣ; теперь съ такою же силой увѣряли въ противоположномъ, и между тѣмъ теперь не было въ Москвѣ ни одной кирки, такъ какъ онѣ были весной и лѣтомъ этого года всѣ разрушены по распоряженію самого правительства. Здѣсь мы совершенно неожиданно встрѣчаемся съ рѣшеніемъ темнаго въ исторической наукѣ вопроса, почему именно правительство вдругъ опять сочло нужнымъ возстановить для лютеранъ свободу общественнаго богослуженія, только что предъ тѣмъ отнятую у всѣхъ протестантовъ. Сватовство за Вальдемара при посредствѣ Марселиса, какъ оказывается, въ судьбѣ московскихъ кирокъ имѣло весьма важное значеніе. Объяснимся.

Послѣ смутнаго времени, принесшаго такъ много бѣдствій отъ иноземцевъ, Русское правительство преимущественно озабочивалось тѣмъ чтобъ отдалить иностранцевъ отъ непосредственнаго общенія съ православными, обособить ихъ. Какъ бы игнорируя то, допущенные въ Москву протестанты съ еврейскою юркостью захватывали въ лучшихъ мѣстахъ столицы русскіе дома, перебивая ихъ у русскихъ покупателей и своими средствами наживы наносили нашимъ большой матеріальный ущербъ; иные изъ нихъ, нанимая себѣ квартиры у своихъ и у Москвичей, продавали всякіе товары, оптомъ и въ розницу, безпошлинно. Вмѣстѣ съ тѣмъ они увеличили число кирокъ. Такъ какъ кирка о которой мы упомянули подъ 1622 годомъ сгорѣла (1626 года), то прихожане построили

себѣ новую церковь деревянную, въ Большомъ или Земляномъ городѣ (Скородомѣ), у Фроловскихъ (нынѣ Мясницкихъ) воротъ, на мѣстѣ купленномъ общиной у вдовы Іоахима Люмзена и втораго ея мужа Іоста Кивета; церковными старостами при этомъ построеніи были извѣстные намъ Елисей и Андрей Англеры. Не всѣ однако члены общины остались ея прихожанами. Часть ихъ отдѣлилась (1626 года) составивъ изъ себя отдѣльную общину и выстроивъ себѣ въ Бѣломъ (Царь) городѣ новую церковь, которая однако простояла всего до 1632 года, когда, вслѣдствіе ссоры и драки происшедшей въ ней между Нѣмками, ее по приказу патріарха велѣно было срыть и перенести въ Скородомъ. Но лютеране какъ-то снова построили ее себѣ въ Бѣломъ городѣ; тамъ еще въ 1629 году основалась реформатская община, состоявшая по преимуществу изъ Англичанъ и Голландцевъ. Первоначально она довольствовалась небольшою деревянною капеллой, затѣмъ, рядомъ съ нею, приступили было къ постройкѣ большой каменной кирки, но довести ее до конца не успѣли, какъ разразилась надъ церквами правительственная гроза.* На Шведскомъ дворѣ завелась особая домашняя

---

* Ссылаясь на русскій переводъ Олеарія у котораго находятся эти данныя о киркахъ, преосвященный Макарій (*Исторія Русской Церкви*, С.-Петербургъ 1882, XI, 233) помѣщаетъ лютеранскую и кальвинскую кирки и реформатскую часовню въ Московскомъ Кремлѣ. Это ошибочно. Въ подлинникѣ (*Reise-Beschreibung*, Hamburg, 1.696, 166) стоитъ: „in der Stadt Musscau im Crayss Zaargorod" и на картѣ Москвы приложенной къ нѣмецкому изданію Олеарія (между 72—73 стр.) различаются слѣдующія части города: „A. Das Schlos Kremelena. B. Kitaygorod. C. Zaargorod vel Bielgorod. D. Skarodum. E. Streletska Slowoda." Слѣдовательно Царь-городъ Олеарій съ Кремлемъ не отождествлялъ и мѣсто кирокъ указалъ вѣрно, въ третьей части города. Несмотря на увѣренія многихъ нѣмецкихъ и русскихъ историковъ московскихъ протестантскихъ церквей, въ Кремлѣ, какъ православно-русской святынѣ, кирокъ никогда не существовало (См. Fechner'а *Chronik*, 1876, I, 164—165 и др., также въ нашей статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, IX, 77). Другую рѣзкую ошибку дѣлаетъ Соколовъ (*Отн. Прот. къ Россіи.* М. 1880, 15), одно и то же событіе изъ жизни реформатской капеллы и церкви раздѣляя на два, изъ которыхъ одно относитъ даже къ XVI столѣтію. Въ XVI столѣтіи реформатской церкви въ Москвѣ не было; разрушеніе же случилось одинъ разъ (а не два) и только въ 1643 году, какъ это прямо и означаетъ Олеарій, когда въ изданіи своего сочиненія 1647 года говоритъ: „за три года предъ тѣмъ" (vor 3 Jahren).

церковь, такъ-сказать посольская. Замѣчательно что и лютеранская и реформатская община производили церковныя постройки въ Бѣломъ городѣ тайно, безъ разрѣшенія правительства. Послѣднее обстоятельство, а особенно то что вновь построенныя кирки стояли близь православныхъ храмовъ, крайне соблазняло нравственно-религіозное чувство православныхъ. Московскіе и иногородные купцы не разъ жаловались правительству на незаконные убытки наносимые имъ иноземцами; въ 1638 году челобитная была покрыта нѣсколькими сотнями купеческихъ подписей; въ началѣ сороковыхъ годовъ жалобы повторились. Съ купцами иноземцы легко совладѣвали, почти все ограничивалось простымъ опросомъ и формальнымъ имъ выговоромъ отъ правительства. Тогда мѣстные интересы взяла подъ свою защиту часть московскаго духовенства которая сумѣла поставить вопросы на нравственно-религіозную почву. Причты одиннадцати московскихъ церквей, въ томъ числѣ церкви Николая Чудотворца (нынѣ въ Армянскомъ переулкѣ) и церкви Козьмы и Даміана (на Маросейкѣ) подали (2 марта 1643 года) царю челобитную, жалуясь что „въ ихъ приходахъ Нѣмцы на своихъ дворахъ вблизи церквей поставили ропаты, и Русскихъ людей Нѣмцы у себя во дворахъ держатъ, и всякое оскверненіе Русскимъ людямъ отъ тѣхъ Нѣмецъ бываетъ, а тѣ Нѣмцы, не дождався государева указу, покупаютъ дворы въ ихъ приходахъ вновь, и вдовыя Нѣмки держатъ у себя въ домахъ всякія корчмы и блудницъ; и многіе прихожане которые у нихъ въ приходахъ живутъ, хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что тѣ Нѣмцы покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣной, предъ Русскими людьми вдвое и больше, и отъ тѣхъ Нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ“. Слѣдствіемъ челобитной было то что царскимъ указомъ велѣно „на Москвѣ въ Китаѣ, и въ Бѣломъ городѣ, и за городомъ въ слободахъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ у русскихъ людей не покупать и купчихъ и закладныхъ на то время въ Земскомъ приказѣ не записывать; а ропаты которые у Нѣмцевъ поставлены на дворахъ близь русскихъ церквей сломать“. Изъ приказа Большаго дворца прислана была (4 марта) о томъ память въ Земскій приказъ чтобъ исполнена была царская воля; тѣмъ Русскимъ которые и послѣ того осмѣлились бы запродавать свои дома и дворовыя мѣста угрожалось царскою опалой.

Понимая всю невозможность, при настоящемъ настроеніи правительства, остановить исполненіе указа, иноземцы, повидимому застигнутые врасплохъ, употребили усилія чтобъ удержать по крайней мѣрѣ старую кирку, стоявшую на окраинѣ города, за Фроловскими воротами у Землянаго вала. Пользуясь примѣромъ бывшимъ при Годуновѣ, они дѣйствовали чрезъ придворныхъ докторовъ. Докторъ Бѣлау, недавно прибывшій въ Россію и милостиво принятый (9 апрѣля) царемъ, чрезъ ближняго боярина Ѳ. И. Шереметева вѣдавшаго Аптекарскій приказъ, обратился со своими двумя сослуживцами къ царю съ челобитной (4 мая). Тѣ иноземцы, докладывалось въ ней, которые въ Бѣломъ городѣ построили себѣ церковь и на которыхъ жаловалось духовенство, новопріѣзжіе; у нихъ же, докторовъ, въ Бѣломъ городѣ богомолья никогда не было; сходились они вмѣстѣ со служилыми иноземцами, переводчиками и торговыми людьми за Фроловскими воротами, близь Земляного города, гдѣ они молились и молятся Богу и проповѣдуютъ Евангеліе и въ своихъ службахъ всегда отъ чистаго сердца молятъ Бога за государево многолѣтное здоровье и за счастливое воздержаніе скипетра великаго Россійскаго государства; о томъ дворѣ челобитчиковъ и близь его русскихъ храмовъ нѣтъ, кругомъ все огороды; и имъ, докторамъ, далѣе того мѣста ѣздить изъ города невозможно, для того что всякій часъ имъ нужно быть готовымъ для оберeганія царскаго здоровья. Въ виду этого доктора просили дозволить имъ вмѣстѣ съ другими прежними иноземцами продолжать сходиться на этомъ мѣстѣ по старому, какъ то велѣно было при отцѣ государевомъ, Филаретѣ Никитичѣ. Москва разросталась; указываемое докторами мѣсто казалось правительству близкимъ, и кирка была сломана, такъ что у московскихъ лютеранъ не осталось ни одной церкви.

Какъ разъ въ это несчастное для кирокъ время пріѣзжаетъ (во второй половинѣ мая) въ Москву Марселисъ съ королевскою граматой, гдѣ такъ настоятельно говорится о свободѣ вѣры и мѣстѣ для кирки Вальдемару и его придворнымъ. Въ первыхъ числахъ іюня грамота была переведена въ Посольскомъ приказѣ; Марселисъ также передалъ, какъ онъ увѣрялъ въ Даніи относительно свободы вѣры. Правительству не трудно было теперь догадаться что если оно желаетъ завлечь Вальдемара въ Москву, то необходимо поддер-

жать за границей славу о своемъ покровительствѣ лютеранскому вѣроисповѣданію; вопросъ о московскихъ киркахъ въ его глазахъ неожиданно самъ собою соединился съ вопросомъ о сватовствѣ. Едва ли обошлось здѣсь безъ косвеннаго участія Марселиса. Кромѣ того что интересы лютеранства и иноземцевъ ему были близки и самъ онъ отличался большими захватами, такъ что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (1638 года) купцы прямо указывали на неправильность занятія имъ дома на Поганомъ (нынѣ Чистомъ) прудѣ, челобитной духовенства и распоряженіемъ по ея поводу онъ былъ задѣтъ лично: домъ въ которомъ онъ тогда жилъ стоялъ близь церкви Козьмы и Даміана, причтъ которой жаловался на иноземцевъ. Видную роль тогда игралъ другой иноземецъ, Андрей Келлерманъ, тоже занимавшійся торговлей и не разъ исполнявшій различныя порученія правительства къ иностраннымъ дворамъ; его сынъ, Андрей, ѣздилъ въ Данію вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳоминымъ, развѣдывавшимъ о Вальдемарѣ, и захватилъ съ собою одну нѣмецкую брошюру о войнѣ Швеціи съ Австріей, которую отецъ принесъ въ Посольскій приказъ; ее перевели и прочли государю. Съ Марселисомъ Келлерманъ конечно былъ знакомъ хорошо и весьма возможно что кое-что узналъ отъ него. Келлерманъ нашелъ что теперь весьма удобно снова поднять вопросъ о возобновленіи въ Москвѣ лютеранской кирки и вмѣстѣ съ ротмистромъ Андреемъ фонъ-Менгденомъ подалъ челобитную въ которой, извѣщая что они нашли удобное мѣсто для кирки за Землянымъ городомъ, между Фроловскими и Покровскими воротами, на пахотномъ полѣ, они просили отвести имъ этотъ участокъ изъ боярской или слободской земли, „гдѣ бы имъ впредь прочно было избу съ комнатой поставить и съѣзжаться для богомолія и евангельскаго чтенія, Бога молить по ихъ вѣрѣ“. О прісканіи мѣста они ссылались на царское повелѣніе. Когда вышелъ такой указъ неизвѣстно; въ раннихъ документахъ касательно кирокъ не упоминается о немъ. 8 іюня, въ день чтенія въ Посольскомъ приказѣ русскаго перевода грамоты привезенной Марселисомъ, велѣно было мѣсто означенное въ челобитной осмотрѣть, измѣрить и узнать кто владѣетъ имъ и о всемъ доложить государю. То былъ огородъ Никиты Зюзина, между Фроловскими и Покровскими воротами, за валомъ, въ 20 саженяхъ отъ городскаго рва (приблизительно тамъ гдѣ теперь Красныя Ворота). Возраженій не слышалось. 19 іюня Марселисъ тайно представлялъ государю

подробности своего посольства, а 20 числа былъ ему докладъ о мѣстѣ для кирки; мѣсто государь велѣлъ отдать.

Отвезти отвѣтъ въ Данію опять возложили на Марселиса. Государь снова позвалъ его къ себѣ (8 іюля) тайно и убѣждалъ его вѣрно послужить ему. Прежде Марселисъ докладывалъ государю что Датскій дворъ разчитываетъ отправить Вальдемара не чрезъ шведскія владѣнія, а чрезъ Польшу; царь выражалъ что онъ не надѣется и на Польскаго короля и думаетъ не лучше ли королевичу взять путь чрезъ Архангельскъ. На другой день отвѣтная грамота была готова, чрезъ три дни (13 іюля) изъ Земскаго приказа вышла данная, по которой „старымъ служилымъ иноземцамъ разныхъ чиновъ, Посольскаго приказа переводчикамъ, и золотаго и серебрянаго дѣлъ мастерамъ, и старымъ московскимъ торговымъ Нѣмцамъ на томъ мѣстѣ для ихъ богомолія поставить избу съ комнатой и дворъ для своего пріѣзда огородить отъ Землянаго города, ото рва въ двадцати саженяхъ". Участокъ отведенъ былъ по тридцати саженъ вдоль и поперекъ. *

Хотя царская грамота и не была окончательною и въ ней отмѣчено что окончаніе будетъ совершено между боярами и большими королевскими послами когда послѣдніе пріѣдутъ въ Москву и что царь ту докончальную грамоту навсегда искрѣпитъ своимъ крестнымъ цѣлованіемъ; однако Христіанъ, повидимому не подозрѣвая здѣсь скрытой цѣли, теперь отпустилъ (въ концѣ октября 1643 года) Вальдемара съ громадною свитой, послами Олавомъ Пасбиргомъ и Стрено Билленомъ и Марселисомъ, котораго король за его службу произвелъ (16 сентября) въ потомственные дворяне. Собственно при королевичѣ ѣхало 269, при послахъ 60 человѣкъ. ** Изъ нихъ видная роль выпала потомъ на долю королевичева пастора Фильгобера.

---

* Матеріалы собственно о Марселисѣ въ Датскихъ дѣлахъ Архива, св. 13 и 14, о жалобахъ купцовъ въ Англійскихъ дѣлахъ 1638 года, о церквахъ въ дѣлахъ Протестантскихъ 1643 и портфелѣ Миллера, № 199; *Акт. Историч.* III, №№ 92, 225; *Собр. гос. гр. и догов.* III, № 116, IV, № 207. Olearii *Reise-Beschreibung*. Hamburg, 1696.

** Интересенъ составъ ѣхавшихъ Датчанъ, какъ о томъ Марселисъ отписалъ въ Москву изъ Глюкштадта.

„По переводу съ росписи, какову прислалъ Петръ Марселисъ, съ королевичемъ розныхъ чиновъ людей:

„Его княжскіе милости думы дворовый маршалокъ Адамъ Падрикъ

Опасаясь козней со стороны Швеціи, Вальдемаръ ѣхалъ чрезъ Польшу, такъ какъ король Владиславъ IV искалъ дружбы Даніи. Марселисъ постоянно извѣщалъ царя, присоединяя къ своимъ извѣщеніямъ различныя просьбы. Еще изъ Копенгагена писалъ (17 октября) онъ „что Христіанъ король сына своего королевича Вальдемара Христьяна, графа Шлезвигскаго-Голштинскаго, отпускаетъ, а съ нимъ шлетъ къ государю своихъ великихъ пословъ, а что̀ ему, Петру, государева жалованья, о томъ государь укажетъ“. Царь похвалялъ его за службу и назначилъ награду. Предъ самымъ отправленіемъ Вальдемара Марселисъ доносилъ что королевичъ послалъ впередъ себя въ Ригу свою конюшню, 80 лошадей и 100 человѣкъ, „а я, тутъ же отмѣтилъ онъ, долженъ былъ вашего царскаго величества честь остерегать и многими нарочными подарками дарить, для чего принужденъ былъ деньги займовать.“ Съ пути онъ просилъ за своего брата чтобъ ему были прощены всѣ долги въ Россіи, за жену и прочее.

Пенсъ, его княжскіе милости думы и болшой казначей Петръ Марселисъ, его княжскіе милости болшой чашникъ ротмистръ Арманъ Каасъ, комнатной дворянинъ Ацъ Фризе, ловчей Якубъ Бюдде, а съ ними людей в҃ѳ человѣкъ. Да его жь королевичевыхъ дворянъ і҃ человѣкъ, а съ ними людей г҃і человѣкъ; д҃ человѣкъ дохтуръ, д҃ человѣкъ попъ, секретарь да писарь, комнатной писарь съ подъячимъ, подъячей денежнаго приходу, в҃ человѣка становщиковъ, Соломонъ Ремулъ, людей съ ними з҃ человѣкъ. Королевичевыхъ комнатныхъ слугъ в҃ человѣка, шляхтичевъ, жилцовъ и съ людьми всѣхъ і҃ человѣкъ; поваренной подъячей, оптекарь, лѣкарь, наплечной мастеръ, ближней слуга, людей съ ними и҃ человѣкъ; трубачевъ в҃і, а съ ними людей г҃ человѣка; литаврьщикъ, розсылщиковъ в҃ человѣкъ, дробантовъ в҃д человѣка, поваръ, оберегатель серебряныхъ судовъ, чашникъ у поставца, а съ ними людей г҃і человѣкъ; бронной мастеръ у шпагъ, прислѣшникъ, музикантовъ г҃і человѣкъ, пѣшеходецъ, истопникъ, конюшей, дворовый маршалокъ, конюшей маршалокъ, в человѣка золотого дѣла мастеровъ, огненные потѣхи мастеръ, токарь, а съ ними да болшого казначея людей в҃г человѣка; самопальной мастеръ, сѣделникъ, хлѣбникъ, людей съ ними и҃ человѣкъ; огородникъ, поваренныхъ слугъ в человѣка, псовой охотникъ; стрѣлокъ псовые охоты малой, конюховъ и возницъ д҃ человѣкъ. Всего с҃ѯѳ человѣкъ.

„Да королевскихъ пословъ в҃ человѣка, а съ ними людей в҃ человѣкъ, маршалокъ, а съ нимъ людей ѯ҃ человѣкъ, з человѣкъ дворянъ, а людей съ ними в҃і человѣкъ, попъ, заимщикъ, лѣкарь, поваренной подъячей, у приходу подъячей. Всего ѯ҃ человѣкъ.

Жена его дѣйствительно представила копенгагенскій вексель ея мужа на 2.500 рублей съ переводомъ долга на государеву казну. Все было выплачено. Шуринъ Марселиса, Вильгельмъ Иванъ Бернзли („Вилимъ Ивановъ Бянзли“), ѣздившій вмѣстѣ съ Марселисомъ и теперь посланный имъ въ Москву на пути изъ Кенигсберга, сообщилъ въ Посольскомъ приказѣ пріятныя вѣсти: королевичъ ѣдетъ благополучно, во всю дорогу радостенъ и веселъ и желаетъ поскорѣе видѣть государя и царевича; почти на всѣхъ остановкахъ, послѣ кушанья, пьетъ чаши за ихъ государское здоровье и за здоровье царевны Ирины Михайловны; „учился у него, Вилима, русскому языку и по-русски многую рѣчь перенялъ и ломаитъ, и гораздо переимчивъ; а какъ пріѣдетъ къ государю къ Москвѣ и онъ выучится русскому языку вскорѣ, потому что онъ навыченъ и гораздъ многимъ языкамъ и которыя слова по-русски выучилъ и тѣ говоритъ гораздо чисто.“ На балахъ въ Вильнѣ, данныхъ въ честь его королемъ Владиславомъ, Вальдемаръ дѣйствительно показалъ себя предъ польскими придворными знатокомъ французскаго и италіянскаго языковъ.

Отъ Вильны Марселисъ поѣхалъ впередъ прямо въ Москву, Вальдемаръ медленно двигался ко Пскову. Въ Посольскомъ приказѣ Марселиса подробно разспрашивали (въ концѣ декабря) почему онъ долго мѣшкалъ въ Даніи, и онъ сообщилъ прелюбопытныя вещи*. Шведы и Голландцы распускали по Датской землѣ слухи, а иные изъ Москвы писали туда въ письмахъ и печатали въ различныхъ вѣдомостяхъ что государь велѣлъ сломать тѣ хоромы въ которыхъ иноземцы сходились и съѣзжались для богомолья; первые всю вину разрушенія сваливали на бояръ и дѣлали это съ цѣлію устрашить короля и королевича, такъ чтобы Вальдемаръ, услыша подобные слухи, не поѣхалъ въ Москву. Слухи дѣйствительно достигли короля, и онъ спрашивалъ Марселиса: „Для какихъ причинъ тѣ хоромы у иноземцевъ сломали? Прежде у царя Ивана Васильевича (Грознаго) въ докончальной грамотѣ съ его отцомъ, королемъ Фридрихомъ (Вторымъ), было написано чтобы Датчанамъ въ Иванъ-городѣ и вездѣ

---

* 17 среднихъ листовъ (всѣхъ ок. 50) этого показанія Марселиса Соловьевъ и отнесъ къ фактамъ первой поѣздки Марселиса въ Данію (см. выше, примѣчаніе въ началѣ этой главы.)

6*

кирки держать и Богу служить вольно по своей вѣрѣ *. Шведамъ и до сихъ поръ позволено держать свою службу въ самомъ городѣ, на ихъ дворѣ, и въ докончальной грамотѣ между царскимъ величествомъ и Шведскимъ королемъ то укрѣплено и утверждено **. Какъ смотрѣть на это когда оно положено при началѣ такого важнаго дѣла?" Марселисъ отвѣчалъ: „Какъ онъ началъ жить въ Москвѣ, лѣтъ съ тринадцать, сколько ни запомнитъ, всѣмъ иноземцамъ было вольно держать свою вѣру. Нынѣ же тѣхъ хоромъ не стало оттого что нѣкоторые русскіе попы били челомъ великому государю, будто бы иноземцы Русскихъ людей прельщаютъ въ свою вѣру, и иныя нѣкоторыя неправыя дѣла умыслили и въ челобитную свою написали; по ихъ челобитью государь и велѣлъ сломать тѣ хоромы и вмѣсто того поставить ихъ или иные за городомъ, гдѣ имъ, иноземцамъ, съѣзжаться для моленья. Только царское величество пожалуетъ, велитъ сыскать въ правду что русскіе попы били ему челомъ ложно, и они, иноземцы, надѣются что тогда государь пожалуетъ, снова велитъ имъ для моленья по своей вѣрѣ хоромы въ городѣ поставить попрежнему."

Едва ли, впрочемъ, такъ именно говорилъ Марселисъ королю Христіану: уже слишкомъ наивно-добродушнымъ выставлялось здѣсь правительство и рѣчь похожа не столько

---

* Этого не было. По своему торговому договору (1562 года) съ Фридрихомъ, Грозный обѣщалъ очистить для датскихъ купцовъ торговые дворы въ Иванъ-городѣ и Новгородѣ, но безъ права имѣть тамъ имъ свои кирки. Въ грамотѣ говорилось: Фридрихъ обязывается очистить для русскихъ купцовъ государевъ дворъ въ Готландѣ и дать другой въ Копенгагенѣ, „а великому государю въ своей вотчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ и Иванѣ-городѣ старые дворы очиститu, а тѣ дворы купцомъ и гостемъ ставить самимъ, а церкви русской и ропатѣ (то-есть лютеранской киркѣ) по обѣ стороны (то-есть ни въ Даніи, ни въ Россіи) не быть." Въ этомъ отношеніи Грозный значительно сократилъ имъ вольности, данныя прежде Василіемъ III, который во всемъ приравнялъ (1517 годъ) ихъ къ Ганзейцамъ, дозволивъ имѣть имъ въ этихъ двухъ (а не „вездѣ") городахъ по костелу и священнику. Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Датскія дѣла 1516—1517, св. I; 1641, св. II.

** Домашняя церковь на Шведскомъ дворѣ несомнѣнно существовала; но ни правительственнаго разрѣшенія, ни тѣмъ болѣе договора о ея построеніи въ Московскомъ и Стокгольмскомъ архивахъ нѣтъ и нѣтъ никакихъ основаній допускать чтобъ онъ когда-нибудь былъ.

на дипломатическій разговоръ сколько на косвенную правительству просьбу. Что̀ бы Марселисъ ни исполнялъ, онъ, какъ мы уже видѣли, никогда не забывалъ себя и своихъ. Очевидно онъ не былъ доволенъ тѣмъ результатомъ какого добились московскіе протестанты послѣ просьбы Келлермана; ему хотѣлось побудить правительство возвратить иноземцамъ все утраченное ими. Понимая свое выгодное положеніе какъ посла, онъ могъ разчитывать своимъ отчетомъ произвести теперь на правительство, такъ-сказать, дипломатическое давленіе; лучшимъ средствомъ къ тому ему казалось то чтобы свалить всю вину на духовенство, обѣлить своихъ и дать почувствовать правительству какъ важно ему въ данный моментъ поддержать за собою славу о покровительствѣ иновѣрцамъ.

Шведы и Голландцы разглашали еще что Марселисъ взялся не за свое дѣло и ему не довести его до конца: еслибы царю было надобно, онъ тогда послалъ бы своихъ большихъ бояръ; что королевичу въ Москвѣ сначала будетъ честь великая, а когда замѣтятъ что отъ вѣры отстать не захочетъ, почитать его перестанутъ и т. д. Свое полномочіе и себя Марселисъ защищалъ ссылкой на царскій ему наказъ; а о чести королевичу замѣтилъ: „царскаго величества слово крѣпко и неподвижно, а тѣ люди тѣ слова вмѣщаютъ и говорятъ, ненавидя то великое дѣло, оно зачато съ добрымъ разсужденіемъ, изволеніемъ Божіимъ, добромъ и кончится.“ Датскій резидентъ въ Стокгольмѣ Петръ Вибь извѣщалъ короля, его совѣтниковъ и Марселиса, какъ Шведы враждебно смотрятъ на родственный союзъ короля съ царемъ: они „страшатся что отъ того будутъ многіе умыслы на ихъ Шведское королевство“, признаки чего уже видятъ въ томъ что шведскаго агента Петра Крузбіорна въ Москвѣ почитаютъ мало, и они питаютъ надежду что дѣло не устроится и случится то же что̀ прежде съ Магнусомъ, котораго выгнали, или съ принцемъ Иваномъ, котораго окормили. Эти клеветы Марселису было опровергнуть легко: что Иванъ померъ своею смертью, онъ свидѣтелемъ выставилъ даже одного изъ близкихъ къ Ивану лицъ, его слугу въ Россію, секретаря Винта.

Кромѣ борьбы со Шведами, которые, прикидываясь радѣтелями датскихъ интересовъ, такъ неискусно старались предотвратить возможный, вслѣдствіе брака Вальдемара, союзъ между Россіей и Даніей, съ которою у нихъ готовилась жестокая война, Марселису понадобилось употребить свою

находчивость и противъ партіи образовавшейся при самомъ Датскомъ дворѣ въ пользу брака Вальдемара съ дочерью Чешскаго короля, несчастнаго Фридриха Пфальцкаго. Эти утверждали: въ Москвѣ люди дикіе, слова не сдержатъ, королевича будутъ держать въ холопствѣ; московскіе бояре, въ разчетахъ породниться съ государемъ, не желаютъ чтобы царь выдавалъ дочерей своихъ за дѣтей чужихъ государей. На это Марселисъ возражалъ: еслибъ у царя земля и люди были дикіе, то онъ такъ долго не жилъ бы тамъ и не искалъ бы жить впередъ; было бы добро еслибъ уставилось такое же, какъ въ Москвѣ, строенье въ землѣ тѣхъ людей которые говорятъ подобныя рѣчи; въ холопствѣ держать Вальдемара не станутъ, никто не докажетъ чтобы царь не сдержалъ своихъ обѣщаній; препятствовать государю никто не можетъ: онъ самодержецъ, все дѣлаетъ по своему изволенію, и знаютъ про то великое дѣло его ближніе большіе бояре.

Только когда Марселисъ разрушилъ направленные противъ него ковы, королевскіе думные люди, по его словамъ, объявили ему о согласіи Христіана отпустить Вальдемара и пословъ, о чемъ онъ тотчасъ тогда и отписалъ государю. Между тѣмъ, къ нему не разъ приходилъ Вальдемаръ. Марселисъ расхваливалъ ему какъ государь будетъ держать его въ присвоеніи и всей чести. Свою готовность ѣхать въ Москву королевичъ выразилъ ему скоро, въ надеждѣ ужиться съ государемъ, и сообщилъ что отецъ передалъ ему подробно объ условіяхъ на которыхъ долженъ состояться бракъ, и списокъ съ грамоты привезенной Марселисомъ; онъ надѣется на милость Божію и государя, вѣритъ царскому слову и Марселису. При этомъ Марселисъ увѣрялъ въ приказѣ: „королевичъ говорилъ ему, Петру, чтобъ ему быть у него безотступно, для чего де отецъ его учинилъ его, Петра, думнымъ, такъ какъ онъ русскіе обычаи и чины всѣ знаетъ и царское величество ему вѣритъ и онъ же можетъ учинить на обѣ стороны всякое добро.“

На вопросъ бояръ, почему король отпустилъ сына чрезъ Польшу и Литву, Марселисъ отвѣчалъ: Шведы мутили и хотѣли помѣшать дѣлу и шведскій резидентъ въ Москвѣ увѣрялъ иноземцевъ: какъ только королевичъ поѣдетъ чрезъ Лифляндскую землю, и тамъ его задержатъ, Польско-Литовскій же король Владиславъ писалъ Христіану чтобъ онъ отпустилъ своего сына чрезъ его владѣнія, гдѣ ему окажетъ все добро. Затѣмъ Марселисъ передалъ о блестящей

поѣздкѣ чрезъ Польшу и о своихъ бесѣдахъ съ Владиславомъ, который поручилъ ему нѣсколько своихъ просьбъ къ государю.

По русскимъ городамъ встрѣчали Вальдемара съ такою же торжественностью какъ нѣкогда королевича Ивана, и опять безъ офиціальнаго объявленія его женихомъ царевны. „Вѣдомо намъ учинилось, говорилось въ царскомъ наказѣ (13 ноября 1643 года) псковскому воеводѣ князю Черкаскому о встрѣчѣ Вальдемара, что ѣдетъ къ намъ, великому государю, брата нашего великаго государя Христіануса, короля Датскаго, сынъ королевичъ Волдемаръ Христіанусовичъ, графъ Шлезвигскій-Голштинскій, а съ нимъ великіе послы о великомъ нашемъ дѣлѣ, а съ королевичемъ разныхъ чиновъ и посольскихъ, и дворянскихъ, и всякихъ людей съ триста человѣкъ, да тысяча лошадей. И мы указали противъ Датскаго королевича Волдемара Христіанусовича ѣхать на встрѣчу и принять его на рубежѣ боярину нашему князю Юрію Андреевичу Ситцкому и дьяку нашему Никифору Шипулину, а съ ними указали быть на рубежѣ московскимъ дворянамъ 20 человѣкамъ, жильцамъ 30 человѣкамъ, псковскимъ и окрестныхъ городовъ помѣщикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ людямъ, коннымъ и нарядныімъ 300 человѣкъ и во Псковъ съѣзжаться.“ Псковъ и Новгородъ были первыми русскими городами гдѣ устроены были большія встрѣчи, конечно далеко уступавшія въ торжественности и пышности Москвѣ.

На представленіи (28 января 1644 года) Вальдемара государю послы сочли нужнымъ прямо заявить что Христіанъ послалъ королевича для вступленія въ бракъ съ царевной Ириной Михаиловной, наказавъ ему почитать государя какъ отца, и просить царя укрѣпить договоръ о сватовствѣ крестнымъ цѣлованіемъ и держать королевича какъ сына и зятя. Отъ имени государя думный дьякъ увѣрялъ въ желаніи государя имѣть королевича въ ближайшемъ присвоеніи, но о крестномъ цѣлованіи дьякъ умолчалъ. Въ знакъ вѣрности своихъ словъ послы подвели королевича къ царю, который обнялъ его и посадилъ рядомъ съ собою по правую сторону, а по лѣвую сидѣлъ царевичъ. Послѣ обѣда отецъ и сынъ богато одарили его; выраженіе любезностей продолжалось и въ послѣдующіе дни.

Чрезъ шесть дней послѣ аудіенціи, 3 февраля, датскіе послы держали съ нашими боярами совѣтъ о вѣчномъ докон-

чаніи, предлагая утвердить тѣ статьи которыя были разсмотрѣны въ первый пріѣздъ въ Москву Вальдемара и новыя касавшіяся брака, согласно условію съ Марселисомъ. Наши бояре, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Андреевичъ Сицкій, окольничій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ, удержались отъ отвѣта. На утро посѣтилъ Вальдемара самъ государь и пробылъ у него съ часъ. Видя до сихъ поръ полное къ себѣ радушіе и между тѣмъ получивъ увѣдомленіе что Шведы открыли противъ Даніи свои враждебныя дѣйствія и вторглись въ его Голштинію, Вальдемаръ счелъ теперь весьма удобнымъ приступить къ исполненію своей затаенной цѣли. Разказавъ о нападеніи Шведовъ на его владѣнія и выставляя себя радѣтелемъ пользы Россіи, онъ направилъ было рѣчь на то какъ слѣдуетъ царю беречься Швеціи. Вчинать ссору со Швеціей изъ-за Даніи Михаилу не было ни желанія, ни интереса, и онъ сухо замѣтилъ ему: „Правды въ Шведахъ мало и вѣрить имъ нечего, только досюда ко мнѣ отъ нихъ задору не бывало, и у меня со Шведскимъ королемъ заключенъ вѣчный миръ.“ Королевичъ припоминалъ царю различныя неправды Россіи отъ Шведовъ; но отношеніе царя къ его словамъ должно было убѣдить его какъ напрасна была его надежда поссорить Россію со Швеціей и тѣмъ связать руки послѣдней.

Вскорѣ онъ испыталъ другую неудачу. По царскому наказу, патріархъ Іосифъ заслалъ (8 февраля) къ нему прежняго въ Швеціи резидента Дмитрія Францбекова, обратившагося въ православіе, съ предложеніемъ: „Великій святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ сильно обрадовался что васъ, великаго государскаго сына, Богъ принесъ къ великому государю нашему для сочетанія законнымъ бракомъ съ царевной Ириною Михайловной: и вамъ бы, государскому сыну, съ великимъ государемъ нашимъ, съ царицей и ихъ благородными дѣтьми и съ нами, богомольцами своими, вѣрой соединиться.“ Не ожидая этихъ рѣчей, королевичъ отказалъ наотрѣзъ, заявивъ что пусть государь или изволитъ дѣло дѣлать по статьямъ Марселисова договора, или же прикажетъ съ честью отпустить его назадъ. Буде же Марселисъ тайно обѣщалъ за него царю что онъ перемѣнитъ вѣру, то это безъ его вѣдома, и онъ обманулъ. Францбековъ замѣтилъ что Марселисъ не былъ уполномоченъ касаться вопроса о вѣрѣ, что уѣзжать королевичу изъ Русской земли назадъ къ себѣ не честно, что лучше ему поразмыслить и поговорить

о вѣрѣ изъ книгъ съ духовными людьми. Раздраженный Вальдемаръ отвѣчалъ: „Я самъ грамотенъ лучше всякаго попа, Библію прочелъ пять разъ и всю ее помню; а если царю и патріарху угодно поговорить со мною изъ книгъ, я говорить и слушать готовъ“.

Вопросъ о вѣрѣ и объ отпускѣ королевича послѣ того отодвигаетъ собою вопросъ о бракѣ, возбудивъ длинный рядъ устныхъ и письменныхъ объясненій и пререканій между гостями и хозяевами.

13 февраля королевичъ былъ позванъ въ царскія палаты. Здѣсь между имъ и царемъ Михаиломъ происходила слѣдующая сцена, какъ мастерски передаетъ ее Соловьевъ.

„Послы королевскіе, обратился къ Вальдемару Михаилъ Ѳеодоровичъ, у насъ въ посольствѣ говорили что король велѣлъ тебѣ быть въ моей государской волѣ и послушаньѣ и дѣлать то что̀ мнѣ угодно, чтобы ты принялъ православную вѣру“. Королевичъ отвѣчалъ: „Я радъ быть въ твоей государской волѣ и послушаньѣ, кровь свою пролить за тебя готовъ, но вѣры своей перемѣнить не могу, потому что боюсь преступить клятвы отца моего, а въ нашихъ государствахъ ведется что мужъ держитъ вѣру свою, а жена другую, и если вашему царскому величеству по договору сдѣлать не угодно, то отпустите меня назадъ къ отцу моему“. Царь: „Любя тебя, королевича, для ближняго присвоенія, я воздалъ тебѣ достойную великую честь какой прежде никогда не бывало: такъ тебѣ надобно нашу пріятную любовь знать, что̀ мнѣ угодно исполнять, со мною вѣрой соединиться и за такое превеликое дѣло будетъ надъ тобою милость Божія, моя государская пріятная любовь и ото всѣхъ людей честь. Не соединясь со мною вѣрой, въ присвоеніи быть и законнымъ бракомъ съ моею дочерью сочетаться тебѣ нельзя, потому что у насъ мужъ съ женой въ разной вѣрѣ быть не можетъ; Петръ Марселисъ въ Московскомъ государствѣ живетъ долго и знаетъ подлинно что не только въ нашихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось. Отпустить же тебя назадъ непригоже и не честно; во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно что ты отъ насъ уѣхалъ не соверша добраго дѣла. Ты бы подумалъ и мое прошеніе исполнилъ; да и почему ты не хочешь быть въ православной вѣрѣ греческаго закона? Знаешь ли что Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ православнымъ христіанамъ собою образъ спасенія показалъ и погрузился въ три погруженія?“ Коро-

левичъ: „И у насъ въ лютерской вѣрѣ погруженіе было же, а перестали погружать тому лѣтъ съ тридцать; я погруженія не хулю; только теперь мнѣ креститься въ другой разъ никакъ нельзя, потому что боюсь клятвы отъ отца своего; да и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ было же что его племянница была за королевичемъ Магнусомъ“. Царь: „Царь Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ это не жалуя и не любя своей племянницы, а я хочу быть съ тобою въ одной вѣрѣ, любя тебя какъ роднаго сына“.

Ближайшимъ слѣдствіемъ бесѣды была грамота присланная государю королевичемъ спустя три дня послѣ этого. Въ ней Вальдемаръ прямо и рѣшительно упрекалъ царя въ забвеніи обѣщанія касательно свободы его вѣроисповѣданія и въ насиліи его совѣсти. „Въ грамотѣ вашего величества, за вашею печатью присланной, не первая ли статья говоритъ о вольности и вѣрѣ? Мы никакъ не можетъ вѣрить чтобы ваше царское величество, государь повсюду славный и извѣстный, рѣшились по совѣту злыхъ людей что-нибудь сдѣлать вопреки вашему обѣщанію и договору, что̀ приведетъ не только нашего отца, но и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и вашему царскому величеству недобрая заочная рѣчь отъ того будетъ“. На это былъ отвѣтъ: „И теперь мы вамъ тоже объявляемъ что вамъ въ вѣрѣ никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и просимъ чтобы вамъ съ нами быть въ одной христіанской православной вѣрѣ, въ разныхъ же вѣрахъ вашему законному браку съ нашею дочерью быть никакъ нельзя; а въ нашемъ отвѣтномъ письмѣ, которое послано съ Петро̀мъ Марселисомъ къ отцу вашему, нигдѣ не написано чтобы вамъ съ нашею дочерью вѣнчаться, оставаясь въ своей вѣрѣ; нигдѣ не написано также чтобы намъ васъ къ соединенію въ вѣрѣ не призывать. Мы, великій государь, хотимъ начатое дѣло дѣлать такъ какъ угодно Богу и нашему царскому величеству, васъ къ тому всякими мѣрами приводить, и молимъ съ прошеніемъ чтобы вамъ поискать своего душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, съ нами вѣрою соединиться. Мы совѣта злоподвижныхъ людей не слушаемъ; а его королевскому величеству, другимъ христіанскимъ государямъ и вамъ мимо дѣла и правды размышлять непригоже; про наше царское величество недобрыхъ заочныхъ рѣчей быть не въ чемъ, а ссорѣ бы вамъ ничьей не вѣрить“.

Напрасно Вальдемаръ въ новомъ письмѣ укорялъ царя въ казуистикѣ толкованія своихъ прежнихъ обѣщаній и про-

силъ отпуска въ свою землю, и обращался къ содѣйствію Ѳ. И. Шереметева. Не только не было отпуска, но еще была около его двора усилена стража. Тѣхъ Датчанъ, которые наняли было себѣ квартиры у Нѣмцевъ и Нѣмокъ въ Бѣломъ городѣ и въ другихъ мѣстахъ, велѣно водворить на королевичевъ дворъ; послѣдній указъ впрочемъ не былъ выполненъ, и мѣсяца чрезъ два его понадобилось возобновить опять.

Ничего не зная о настоящемъ положеніи дѣла, Христіанъ прислалъ (21 марта) съ Гольмеромъ длинную грамоту, въ которой убѣждалъ Михаила Ѳеодоровича вооружиться противъ Швеціи. Наше правительство осталось глухо къ этимъ убѣжденіямъ. Послы выражали неудовольствіе почему имъ бояре ничего не отвѣчаютъ на предложенные 3 февраля пункты. Отвѣтъ имъ наконецъ былъ данъ (29 марта устно, 1 апрѣля письменно) какъ на ихъ запросы, такъ вмѣстѣ и на королевичевы письма, выставляя что всему мѣшаетъ упорство Вальдемара, котораго они же, послы, отдали, по приказу Христіана, государю на всю его государскую волю, а его воля и желаніе всѣхъ бояръ и думныхъ людей чтобы королевичъ прежде брака принялъ православную вѣру. „А того, урезонивали бояре, царскаго величества въ вѣрющей грамотѣ и въ отвѣтномъ письмѣ въ статьяхъ, каково съ Петромъ Марселисомъ къ королевскому величеству послано, и въ государскомъ наказѣ, каковъ ему, Петру, данъ, также и королевскаго величества въ отвѣтномъ письмѣ, каково прислано къ великому государю нашему съ Петромъ Марселисомъ, нигдѣ не написано чтобы королевичу Валдемару Христіанусовичу съ его государскою дщерью, съ благородною и христолюбивою царевной и великою княжной Ириной Михайловной бракъ принять будучи въ своей вѣрѣ, съ царскимъ величествомъ вѣрой не соединяся и не принявъ истинной нашей православной христіанской вѣры греческаго закона. И до сихъ поръ королевичу въ вѣрѣ никакой неволи не чинено и впредь въ томъ неволи не будетъ; а просилъ великій государь нашъ и нынѣ проситъ его чтобъ онъ его государскую волю исполнилъ, съ нимъ вѣрой соединился, и былъ съ нимъ въ одной православной вѣрѣ по любви. На томъ бы и вамъ, посламъ, стать и дѣло совершить, какъ вы, послы, бывши у царскаго величества, по приказу государя своего, говорили и своимъ рѣчамъ письмо за своими руками дали и королевича отдали во всемъ на государскую волю и дѣлать угодное

государю; вамъ бы королевича на то навести чтобъ онъ великаго государя нашего волю исполнилъ, съ нимъ вѣрой соединился. Но королевичъ еще вѣры не принялъ, и добро начатое дѣло по сіе время продлилось не отъ великаго государя, а за его, королевичевымъ, упорствомъ, потому что законному браку въ разныхъ вѣрахъ ни которыми мѣрами быть не возможно и въ нашей истинной христіанской вѣрѣ, чтобы мужу съ женой держать разныя вѣры, никогда не бывало и впредь не будетъ. А какъ королевичъ Волдемаръ Христіанусовичъ царское хотѣніе исполнитъ, вѣру православную приметъ, и то превеликое дѣло будетъ Богу угодно и государю и всѣмъ людямъ Россійскаго государства радостно и учнетъ государь нашъ королевича имѣть въ ближнемъ присвоеньи, какъ есть своего любительнаго сына и зятя; также и царскаго величества мы, подданные, и всѣ люди ему, королевичу, учнемъ такую честь воздавать, какъ самому государю и его сыну Алексѣю Михайловичу; а съ отцомъ его, съ государемъ вашимъ, у царя утвердится ихъ государская братская дружба и свойственная любовь свыше прежняго на вѣки неподвижно; и тѣ всѣ дѣла, о которыхъ съ вами наказано отъ короля, царь нашъ велитъ дѣлать какъ имъ обоимъ великимъ государямъ будетъ годно и честно“.

„Съ тѣхъ статей которыя отъ царскаго величества съ посломъ Петромъ Марселисомъ присланы и въ Копенгавѣ поданы 20 марта 1643 году, съ нами списокъ есть, отвѣчали (4 апрѣля 1644) послы. Въ нихъ писано явственными словами что королевичу графу Вольдемару держать свою вѣру безъ всякой досады, супротивности и помѣшки, и нынѣ вамъ, царскаго величества почтеннымъ господамъ, о томъ можно разумно разсудить: не противно ль то писанію и явственнымъ словамъ чтобъ онъ принялъ вѣру греческую или соединился. А его княжескую милость мы его царскому величеству не отдали, только по его царскаго величества особенному прошенію мы его въ верхъ проводили чтобъ ему сидѣть у его царскаго величества. И можно всякому разумному, который тому дѣлу не спорщикъ, наши слова разсудить что мы говорили на посольствѣ, и имъ иначе разсудить или сказать нельзя что тѣ слова всѣ, которыя мы говорили, говорены по той мѣрѣ: буде крестное цѣлованіе впередъ совершится и тогда его царскому величеству принять его королевскаго величества любительнаго сына за своего сына и зятя. Наговаривать намъ князя чтобъ онъ свою вѣру перемѣнилъ мы

не можемъ и не хотимъ, потому что то дѣло супротивно нашей вѣрѣ, королевскому наказу и нашей совѣсти; и его царскому величеству то хорошо извѣстно, какъ его княжеская милость говорилъ что онъ хочетъ наслѣдовать царство Божіе и умереть честнымъ государемъ какъ есть, и той статьи, чтобъ снова креститься, никогда не захочетъ и греческой вѣры не пріиметъ; и потому зачѣмъ мы сюда пріѣхали нынѣ установить невозможно". Въ заключеніе они просили себѣ и королевичу отпуска; просьбу повторили и въ послѣдующіе (14 и 17 апрѣля) дни, прибавивъ что задерживать пословъ нигдѣ не водится.

Царь однако не терялъ надежды подѣйствовать на королевича силой убѣжденій и побуждалъ къ тому патріарха. 21 апрѣля пришелъ къ королевичу посланный отъ Іосифа и сказалъ: „Государь королевичъ Вольдемаръ Христіанусовичъ! послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патріархъ Московскій и всея Россіи, велѣлъ о твоемъ здравіи спросить, какъ тебя Христосъ милостію Своею сохраняетъ, и извѣстить тебя: слухъ до него дошелъ что ты, государь королевичъ, у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а любительнаго великаго дѣла, для чего пріѣхалъ, съ царскимъ величествомъ не хочешь совершить. Такъ святѣйшій патріархъ Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное, за своею печатію, письмо прислалъ чтобы тебѣ пожаловать вычесть и любительно отвѣтъ учинить". Въ своемъ посланіи патріархъ убѣждалъ королевича принять православіе. „И тебѣ бы, государь королевичъ, присвоитися Святой соборной и апостольской церкви греческаго православія и принять Святое Крещеніе во Святую и Единосущную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, въ три погруженія, и благочестиваго и великаго государя нашего Михаила Өеодоровича послушать и волю его по Бозѣ сотворить, а о томъ сомнѣнья не держать: если и крещенъ, но несовершенно, государь, вашей вѣры крещеніе, требуетъ истиннаго исполненія, такимъ образомъ и будетъ едино крещеніе во Святую соборную и апостольскую церковь, а не второе, потому что у насъ втораго крещенія нѣтъ". Письмо патріарха отличалось сдержанностью и кротостью тона и прямотой. „Изначала знаемъ васъ, писалъ онъ, что вы именуетесь христіанами, но не во всемъ вѣру Христову прямо держите и во многихъ статьяхъ раздѣляетесь отъ насъ". Сначала была одна православная церковь, затѣмъ Римляне отступили отъ ея въ ученіи объ исхож-

денiи Святаго Духа, признавъ исхожденiе Его и отъ Сына, вмѣсто квасного хлѣба въ Евхаристiи стали употреблять опрѣсноки и во многихъ другихъ тайнахъ нарушили; наконецъ явился „нѣкто учитель въ нѣмецкихъ странахъ Мартинъ Люторъ и Кальвинъ и иные учители“, и они отступили даже и отъ Римлянъ, еще болѣе извративъ Крещенiе, Евхаристiю и пр., и отставивъ чинъ и уставъ церковный. И это „недавнее ученiе, слабое и легкое, держатъ нѣмецкiя страны“. Какъ видно изъ посланiя, авторъ его, глубоко убѣжденный въ правотѣ своихъ догматическихъ и историческихъ положенiй, высказывалъ ихъ какъ истины несомнѣнныя и не требующiя особенныхъ доказательствъ, почему и внѣшнiй объемъ посланiя былъ невеликъ. Вальдемаръ не замедлилъ отвѣтомъ, * въ которомъ, оправдываясь что его твердость нельзя называть упрямствомъ и что въ дѣлахъ вѣры надобно болѣе слушаться Бога нежели людей, старался доказать вѣрность своего ученiя и точнѣе опредѣлить его сущность. „Намъ до Кальвина дѣла нѣтъ, потому что онъ училъ что во Святомъ Причастiи истиннаго тѣла и истинной крови Господни нѣтъ; а до Михаила Сервета и много меньше намъ дѣла, потому

* О времени патрiаршаго посланiя, его объемѣ и отношенiи къ нему Вальдемара у насъ говоритъ Соколовъ (стр. 102). По его словамъ, „патрiархъ 29 апрѣля отправилъ королевичу свитокъ или посланiе, съ убѣжденiемъ креститься въ православную вѣру и съ изъявленiемъ вкратцѣ ея отличительныхъ догматовъ и обрядовъ. Королевичъ осмотрѣлъ свитокъ, вымѣрилъ его длину, подивился, поострилъ надъ 48 саженями его длины... и велѣлъ своему пастору Фильгоберу написать отвѣтъ“. Авторъ, конечно, имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ разказа спутника Вальдемарова (*Поѣздка въ Россiю Вальдемара-Христiана Гильденлеве*, перев. съ нѣмецкаго въ *Чт. Им. О. И. и Д. Россiйскихъ*, 1867, IV, 18): „*23 мая* опять пришелъ канцлеръ Львовъ поговорить отъ царскаго имени съ графомъ и тотчасъ по приходѣ вручилъ ему отъ имени его царскаго величества *другое* письмо патрiарха, чуть не въ 48 саженъ.“ Здѣсь Соколовъ отнесъ къ первому посланiю то что прямо относится ко второму, присланному 23 мая, которое въ сравненiи съ первымъ отличается значительною полнотой: въ Синодальной рукописи № 279 первое посланiе занимаетъ 3—12 листы, второе 86—179 л.; 86 листовъ подлинника втораго посланiя (первыхъ листовъ нѣтъ), въ формѣ длинныхъ столбцовъ, хранится въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ, Датскiя дѣла, св. 19. Къ тому же, слова спутника Вальдемарова нельзя относить къ словамъ и дѣйствiямъ самого Вальдемара, какъ то дѣлаетъ Соколовъ.

что онъ училъ что Христосъ Господь не истинный Богъ, и по правдѣ того Сервета въ градѣ Веневѣ въ 1553 году сожгли публично. А что о Люторѣ, и тотъ для великихъ причинъ началъ римскаго папу божественнымъ словомъ уличать, потому что онъ былъ мужъ по Святой Библіи и въ книгахъ греческихъ писателей гораздо извыченъ, и узналъ что папа со своимъ стриженымъ соборомъ училъ противно Божію слову и древнихъ вселенскихъ соборовъ. И хотя сей Богомъ спасенный мужъ прямо сдѣлалъ что онъ тому безбожному папѣ встрѣчу говорилъ, только мы не вновь крещены, и не хотимъ того чтобы насъ кто люторскими назвалъ, потому что во Христа мы крещены, Христово мы ученіе имѣемъ и христіанами мы слыть хотимъ. Въ Крещеніи о погруженіи въ воду, такъ какъ ваши всѣмъ тѣломъ влагаютъ, о томъ намъ подлиннаго повелѣнія не имѣемъ". Около мысли о Крещеніи и вращается большая половина доказательствъ, съ цѣлію обосновать что Крещеніе слѣдуетъ производить чрезъ обливаніе, или окропленіе, а не чрезъ троекратное погруженіе. На каждой страницѣ видно желаніе автора блеснуть своею ученостью, цитатами, діалектикой; подъ конецъ Вальдемаръ иронически проситъ патріарха взять на себя грѣхъ Ирины Михайловны что она вступитъ въ бракъ съ иновѣрцемъ.

Отославъ свой наскоро составленный и довольно легкомысленный отвѣтъ, которому однако придавалъ весьма важное значеніе, Вальдемаръ полагалъ что болѣе о религіи съ нимъ говорить не рѣшатся. Но его отвѣтъ не произвелъ желаемаго дѣйствія. Патріархъ изготовлялъ подробное опровержение его; царь не терялъ прежней надежды; бояре крѣпко слѣдили за Вальдемаромъ и его свитой. Государю было подано (2 мая) кн. А. М. Львовымъ секретное письмо какого-то Нѣмца: „Пріѣхалъ королевичъ къ тебѣ на обманъ, ему хочется обмануть тебя и не креститься; онъ самъ говорилъ: „„какъ возьму за себя царскую дочь, тогда и въ мою „станетъ вѣровать вѣру, неволей, крѣпко заберу ее въ свои „руки и стану чаще ѣздить гулять, тѣшиться; хочется также мнѣ и то сдѣлать чтобы изъ Московскаго государства „уѣхать тайкомъ, мнѣ не креститься, пріѣхалъ сюда по молодому своему разуму, на Москвѣ мнѣ не жить, какъ они меня „ни утѣшай"". Въ тотъ же день стрѣльцы, бывшіе на караулѣ у Фроловскихъ Воротъ въ Кремлѣ, жаловались на кощунство двоихъ Нѣмцевъ изъ Вальдемаровой свиты надъ образомъ

стоявшимъ надъ воротами. Вальдемаръ и послы возобновили свои просьбы—или вершить дѣло, или съ честью отпустить ихъ; Вальдемаръ прибавлялъ: если не уважатъ его просьбы, онъ поѣдетъ на своихъ; послы указывали срокъ отпуска, и услыхали (8 мая) въ отвѣтъ что указывать имъ сроки не пригоже, дойдетъ время, можетъ государь отпустить пословъ и однихъ, безъ Вальдемара, который отданъ государю на полную волю, и если какой учинится имъ вредъ, пѣнялибъ на себя. Притворившись что они поняли это въ томъ смыслѣ будто государь хочетъ отпустить ихъ, послы просили отпуска себѣ поскорѣе.

У злополучнаго жениха мелькнула мысль что пожалуй и въ самомъ дѣлѣ отправятъ пословъ безъ него, и онъ рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе о тайномъ бѣгствѣ. 9 мая, въ третьемъ часу ночи, королевичъ въ сопровожденіи человѣкъ 15, не сказавшись посламъ и остальной свитѣ, вышелъ изъ своего дворца и направился къ Тверскимъ воротамъ. Повстрѣчавшись съ карауломъ и получивъ отказъ о пропускѣ, Датчане вступили со стрѣльцами въ рукопашную и многихъ переранили шпагами. Раздѣлавшись благополучно здѣсь, они, въ увеличившемся числѣ человѣкъ до 30, пѣшіе и конные, добрались до Тверскихъ воротъ. Тутъ ждала ихъ полная неудача. Караулъ былъ больше, на крикъ его собралось такое множество стрѣльцовъ что въ завязавшейся дракѣ Датчане оказались побѣжденными, самъ королевичъ былъ сильно побитъ, и они вынуждены были бѣжать, оставивъ въ плѣну одного изъ товарищей. Плѣнника повели стрѣльцы въ Кремль, но лишь поравнялись съ соборомъ Николы Голстунскаго, Датчане подоспѣвшіе изъ королевичева дворца напали на нихъ снова, шпагами закололи одного изъ нихъ, шестерыхъ ранили и въ концѣ концовъ отняли у нихъ добычу.

На утро было наряжено слѣдствіе. Князь Сицкій и думный дьякъ Львовъ просили королевича чтобы разыскалъ кто изъ его людей произвелъ такое буйство и убійцу казнить бы смертію, такъ чтобъ и другимъ, смотря на то, было неповадно царскихъ людей напрасно побивать; царскіе же люди, буде королевичевы люди и впередъ будутъ такъ дѣлать, терпѣть больше не станутъ. Оправдываясь что все это сдѣлалось безъ его вѣдома, королевичъ обѣщалъ разыскать и наказать. Между тѣмъ, чрезъ Марселиса и служившаго прежде

въ Даніи перекрещенца князя Шлянова-Чешскаго, въ Приказѣ скоро было все разознано кто и съ какою цѣлію произвелъ безпорядокъ. По доношенію Шлякова, королевичъ хотѣлъ уѣхать верхомъ и всего втроемъ, съ конюхомъ, который захватилъ съ собою дорогихъ вещей цѣной на три бочки золота, и фурьеромъ, отецъ котораго прежде жилъ во Псковѣ торговымъ человѣкомъ, и „послы о томъ сильно кручинятся что королевичъ хотѣлъ такъ учинить, ради бы они и безъ него съ Москвы поѣхать". Тогда королевичъ болѣе не запирался и объявилъ князю Сицкому что хотѣлъ ѣхать за Тверскіе ворота и убилъ стрѣльца самъ. Оскорбленный такимъ поведеніемъ Вальдемара, Михаилъ Θеодоровичъ чрезъ думнаго дьяка Григорія Львова послалъ ему строгій выговоръ: ему слѣдовало ждать отвѣта патріарха который теперь готовитъ его, людей своихъ учинившихъ буйство строго наказать, а убійцу казнить смертію, и если онъ, укрывая своихъ, все беретъ на себя, то „и простому человѣку дѣлать такъ не годится и слышать про то стыдно". Для „отвѣта" позвали (19 мая) на государевъ дворъ и пословъ, предъ бояръ: князя Н. И. Одоевскаго, князя Сицкаго съ товарищами. Изложивъ исторію всего пребыванія пословъ въ Москвѣ и послѣдняго событія, бояре говорили: „такого дурна царское величество отъ королевича не ожидалъ; принявъ его по письму своего брата короля Христіана, почиталъ его какъ своего государскаго сына, во всемъ далъ ему повольность по его хотѣнію и нынѣ держитъ его въ такой великой чести какой прежде ни одному королевскому сыну не бывало. Видя такую государя нашего съ отцомъ своимъ королемъ Христіаномъ дружбу и любовь, а къ себѣ пріятельство и ласку, королевичу Волдемару Христіанусовичу дѣлать бы все по приказу отца своего и волѣ государя; онъ же, какъ бы не хотя дружбы и любви между государемъ и королемъ, учинилъ такое дурное дѣло на какое не рѣшился бы и простой человѣкъ. А разъ сдѣлалъ плохое дѣло, ему бы сказать государю прямо и принести о томъ повинную; между тѣмъ онъ сначала запирался, потомъ сказалъ что все учинено съ его вѣдома и стрѣльца закололъ самъ, и повинной не принесъ. Мало того: въ своихъ бесѣдахъ онъ произноситъ многія ссорныя слова. За государскую ласку и любовь такъ дѣлать ему, государскому сыну, не годится. Когда по царскому указу съ Петромъ Марселисомъ вамъ, посламъ, передали объ его худомъ дѣлѣ, вы сказали

что королевичъ поступилъ не хорошо и у васъ мысли о тайномъ отъѣздѣ съ Москвы не было; и наказывали передать, какъ бы съ угрозами, царскому величеству: если васъ не отпустятъ, то васъ на Москвѣ вѣкъ будутъ помнить, и что надъ вами учинится, король крови вашей не покинетъ и отомститъ; все это вы дѣлали не къ чести вашего короля и въ намѣреніи поссорить его съ нашимъ государемъ. Слыша о всемъ этомъ, царь сомнѣвается что королевичъ и вы, пріѣхавъ къ своему королю, станете дѣлать добро и не будете сѣять ссоры. Вамъ, посламъ, была всякая честь, довольство въ кормахъ и полная воля, ничего плохаго не оказано; безъ отпуска отъѣзжать посламъ нигдѣ не водится, продленье по винѣ королевича что онъ царскаго прошенья не исполнилъ. Съ отцомъ его государь нашъ желаетъ быть въ дружбѣ, любви и ссылкѣ попрежнему, и для того посылаетъ къ нему своихъ пословъ, а вамъ велѣлъ объявить чтобы королевичу Волдемару и вамъ съ нами, боярами и думными людьми, укрѣпиться письмомъ, за своими руками, печатями и крестнымъ цѣлованіемъ, на томъ что то дѣло съ обѣихъ сторонъ положить на судъ Божій, между государями быть на вѣки неподвижно во всемъ такъ, какъ было прежде, и нынѣшнее дѣло оставить и впредь не вчинать, обоимъ государствамъ плохаго между собою не мыслить и не дѣлать. Какъ только королевичъ и вы съ нами о томъ укрѣпитесь, государь тотчасъ же отпуститъ васъ, не задержавъ. И отъ чего не укрѣпиться вамъ? Вы сами, бывши на первомъ отвѣтѣ, предлагали намъ статьи о вѣчномъ докончаньѣ. И буде отъ вашего государя наказано вамъ дѣлать вѣчное докончанье, какъ оно было между царемъ Иваномъ Васильевичемъ и Фридрихомъ королемъ, и государь нашъ то вѣчное докончанье дѣлати велѣлъ.“

Уступчивѣе, миролюбивѣе этого при настоящихъ обстоятельствахъ трудно было бы и ожидать чего-нибудь отъ Московскаго правительства. Еслибы послы хоть сколько-нибудь поняли это и дѣйствительно желали, безъ дальнѣйшаго оскорбленія чести обоихъ государствъ, вскорѣ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое были поставлены и Датчане, и наши, то они могли бы по крайней мѣрѣ сослаться съ королемъ относительно возможности улаженія на условіяхъ прежняго договора. Убѣжденные въ томъ что имъ ни въ какомъ случаѣ притѣсненія и безчестья со стороны правительства не будетъ и выдерживая все тотъ же высокомѣрный и

требовательный тонъ, они отрицались отъ приписываемыхъ имъ словъ Марселису и отказывались ото всякихъ уступокъ. „Что прежде они подали письмо о братствѣ и дружбѣ, говорили они, то они опять объявляютъ что мимо главнаго дѣла, законнаго брака, имъ устроять не наказано, и какъ то дѣло встало, то имъ помимо государя своего наказу дѣлать ничего не смѣть, хотя бы десять лѣтъ здѣсь жить. Они не могутъ даже закрѣпить чтобы нынѣшняго дѣла обоюдно оставить, впредь не вчинать и не мыслить и не дѣлать ничего дурнаго; они просятъ только поскорѣе себѣ отпуска и означить имъ путь, по которому пойдутъ, чтобъ имъ послать напередъ себя гонца и свои вещи.“ Обо всемъ было тотчасъ же доложено государю, онъ велѣлъ сказать посламъ что рѣчи ихъ бояре ему доносили и отвѣтъ на нихъ имъ будетъ инымъ временемъ, а пока отпускаетъ ихъ на подворье. Требуемаго отвѣта посламъ пришлось ждать очень долго — слишкомъ годъ.

Тѣмъ временемъ было изготовлено патріархомъ опроверженіе на возраженіе королевича; можно предполагать что опроверженіе было составлено при содѣйствіи ключаря Успенскаго собора Ивана Насѣдки и случившихся тогда въ Москвѣ греческихъ архимандритовъ Аѳима и Парѳенія. У думнаго дьяка Григорія Львова, который принесъ (23 мая) королевичу опроверженіе, * Вальдемаръ сначала не бралъ его, но когда дьякъ отказывался взять его назадъ и упомянулъ о великой чести оказанной у насъ графу, то онъ принялъ его. Такъ какъ возраженіе Вальдемара распадалось на 21 отдѣлъ или главу, то въ посланіи патріарха давались опроверженія каждаго изъ существенныхъ положеній Вальдемара. Патріархъ опять находилъ необходимымъ для королевича предъ бракомъ креститься въ православную вѣру Приводимое Вальдемаромъ изреченіе Ап. Павла: *святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ*, патріархъ изъяснялъ въ томъ смыслѣ что оно относится къ живущимъ въ супружествѣ и

---

* Авторъ *Отношеній протестантизма къ Россіи* (102) опять перепутываетъ факты, разказывая будто это посланіе было прислано ранѣе попытки Вальдемара къ бѣгству: попытка была 9 мая, а посланіе доставлено 23 мая, и Михаилъ Ѳеодоровичъ, по поводу бѣгства, прямо укорялъ Вальдемара зачѣмъ онъ дожидался патріаршаго отвѣта.

дозволяетъ лишь не расторгать супружескаго союза, а не вступать въ бракъ разновѣрнымъ. „А что вы пишете намъ, смиренному патріарху, что у васъ христіанская вѣра вся полна, и какъ вамъ та предана отъ святыхъ пророкъ и апостолъ написано въ вашихъ вѣрныхъ статьяхъ; и въ томъ къ вамъ нашъ отвѣтъ: не совершенна ваша вѣра, но превратна въ Крещеніи, приношеніи Святаго Причастія, постахъ, служеніи церковномъ, поставленіи епископовъ, поповъ и прочее. Истинно исповѣдуете, когда пишете намъ объ утвержденіи Апостольскаго символа на седми соборахъ и что Духъ Святый исходитъ отъ единаго Отца, а не отъ Сына. Когда же хвалитесь что взяли вѣру и ученіе лучше насъ, отъ Сіона и Іерусалима, то затѣмъ сами же себя изобличаете сознаваясь что вамъ досталась несовершенная вѣра и что держались ея пока не взялись вы за Святую Библію при королѣ Карлѣ V и изъ нея опять не научились старинной пророческой и апостольской вѣрѣ: вы слѣдовательно приняли вѣру не отъ Св. апостоловъ и не отъ Іерусалима, а отъ Рима, и пребывали въ ней до Лютера, который самъ себя назвалъ вашимъ учителемъ и сталъ у васъ законоположникомъ, возносясь надо всѣмъ Божественнымъ Писаніемъ и Десятословіе толкуя по своему разуму, не по Божественному Писанію, и всѣ учите его законъ больше словъ Христовыхъ“. Раскрывъ высоту православія въ сравненіи съ протестантствомъ, патріархъ заключаетъ: „весьма удивляюсь, государь, тебѣ, не знаю какая боязнь возмущаетъ умъ твой что и по сіе время не хочешь быть сообщникомъ въ царствіи Христовомъ благочестивому царю Константину и князю Владиміру, который, когда восхотѣлъ взять въ жену сестру греческихъ царей, скоро крестился. Послушай, государь, нашего смиренія, о Христѣ молю тебя и все говорю къ твоей пользѣ: прими Святое Крещеніе въ три погруженія, и такъ просвѣтися душою и тѣломъ, и самъ уразумѣеши истину и будеши сынъ свѣта“.

Продолжать полемику королевичъ поручилъ своему пастору Фильгоберу, которому немаловажную помощь оказалъ одинъ изъ московскихъ пасторовъ, приславъ на королевичевъ дворъ большой сундукъ съ книгами. Съ нашей стороны полемику повели благовѣщенскій протопопъ Никита, протопопъ церкви во имя Черниговскихъ мучениковъ Михаилъ, ключарь Успенскаго собора Иванъ Насѣдка, строитель костромской Геннадіевой пустыни Исаакій, греческіе архимандриты

Анѳимъ и Парѳеній, князь Дмитрій Албертосъ Далматскій и другіе. Въ ихъ спорахъ были подробнѣе развиты мысли высказанныя въ перепискѣ между Вальдемаромъ и патріархомъ. Соглашенія опять не послѣдовало. Отецъ Вальдемара Христіанъ обратился къ Польскому королю, этотъ къ Молдавскому воеводѣ Василію, который въ свою очередь къ Константинопольскому патріарху Парѳенію съ просьбой разсудить, признавать ли лютеранское и кальвинское крещеніе или нѣтъ. На соборѣ созванномъ патріархомъ рѣшили что лютеранъ надобно перекрещивать. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, по ходатайству Польскаго короля, просилъ патріарха послать къ Московскому государю славившагося тогда въ Греціи своею ученостію Мелетія Сирига съ мнѣніемъ объ излишности крестить второй разъ Вальдемара. Ходатайство не было уважено. Объ этомъ царь получилъ (25 марта 1645 года) три письма, одно изъ нихъ отъ Мелетія, который приписалъ что соборъ еще не конченъ: думаютъ собрать архіереевъ бо́льшее число. Извѣстіе это еще сильнѣе поддерживало энергію московскихъ ревнителей.

Вмѣшался въ дѣло польскій посолъ Стемпковскій. За обѣдомъ у графа онъ сказалъ ему: „Я не уѣду отсюда пока не добьюсь для графа чего-нибудь хорошаго, чтобы либо сыграли свадьбу, либо отпустили его вмѣстѣ со мною или вскорѣ послѣ меня“. Графъ принялъ это съ благодарностью. Посолъ игралъ нѣсколько двуличную роль: предъ Русскими онъ выставлялъ себя ихъ доброжелателемъ, въ сношеніяхъ съ королевичемъ онъ сообщалъ ему всѣ тайны какія ему удавалось узнавать при Дворѣ; самъ принадлежа къ католической вѣрѣ, онъ прислалъ въ Посольскій приказъ трактатъ въ пользу лютеранскихъ положеній о крещеніи. Разчитывая на услуги посла, Вальдемаръ написалъ ему (13 мая 1645 года) длинное и необычайно рѣзкое письмо по адресу московскихъ ревнителей и самого государя, наказавъ послу перевести письмо возможно точнѣе, и какъ только придетъ къ нему думный дьякъ, прочитать ему, все высказать и не скупиться на усердіе. „Графъ, говорилось въ письмѣ, никакъ не намѣренъ уступать Русскимъ больше чѣмъ объявилъ имъ за годъ до того: посты съ ними держать, дѣтей крестить посредствомъ погруженія, иногда даже носить русское платье въ честь царскаго величества, а иногда, если ему захочется, и свое, и дѣлать все пріятное царю безъ оскорбленія совѣсти

и нарушенія вѣры и договора. Больше же онъ не уступитъ ни въ чемъ и не посмотритъ на царскія угрозы. Захочетъ царь сослать его въ Сибирь—воля его; захочетъ убить его—пусть дѣлаетъ и это: онъ положилъ лучше умереть съ чистою совѣстью чѣмъ жить въ почетѣ съ преступною" и т. д. Ни о ссылкѣ, ни о казни королевича, конечно, никогда у нашего правительства не было и мысли, и Михаилъ Ѳеодоровичъ разгадалъ весь напускной тонъ письма. Чрезъ своего врача служившаго тайнымъ посредникомъ между посломъ и королевичемъ посолъ сообщилъ Вальдемару что государь самымъ настоятельнымъ образомъ проситъ его еще разъ побесѣдовать серіозно о вѣрѣ. Королевичъ отнѣкивался, настаивая на отпускѣ, и 25 іюня чрезъ Марселиса извѣстилъ правительство что онъ крайне боленъ: что̀ ни съѣстъ, все назадъ; если не подать скорой помощи, можетъ и помереть. Домашній образъ жизни его былъ хорошо извѣстенъ у насъ не только при Дворѣ, но и въ народѣ. Авторъ *Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича* утверждаетъ (л. 12) что королевичъ со своими людьми, живя на отведенномъ дворѣ, „бѣсновался" по своему обычаю чуть не каждый день, играла тамъ постоянно музыка, а объ „иномъ срамъ и писати", но царь съ царицей не возбраняли ему, надѣясь ублажить его и принять потомъ какъ сына. Потому не особенно-то повѣрили у насъ извѣстію Марселиса и навели справки. 25 числа, по словамъ постельнаго сторожа Мины, королевичъ кушалъ въ саду вмѣстѣ со своими ближними людьми и всѣ пили, ѣли и веселились попрежнему; послѣ ужина королевичъ долго гулялъ тамъ, а маршалокъ, позвавъ къ себѣ другихъ дворянъ, угощалъ ихъ виномъ, романеей и другими питьями до втораго часу ночи, всѣ были пьяны, играли въ цымбалы, докторъ на королевичевъ дворъ не приходилъ. Когда хитрость не удалась, Вальдемаръ согласился присутствовать при диспутѣ его пастора съ протопопами Михаиломъ и Иваномъ Насѣдкой и строителемъ Исаакіемъ. Не признавая лютеранскаго крещенія, наши старались доказать пастору что лютеранская вѣра много хуже католической. „Хотя Римляне и еретики и прокляты отъ Святыхъ Отецъ, но и у нихъ лучше вашего: у нихъ есть поставленіе отъ папы кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, а у васъ, люторы, и того худаго ничего нѣтъ, не именуется: какъ же вамъ другихъ людей святить и крестить когда вы сами не

отъ кого не освящены? Прежніе браки, на которые вы ссылаетесь, не примѣръ. Великій князь Иванъ Васильевичъ выдалъ свою дочь за Польскаго короля ради мира, и она во всю свою жизнь оставалась въ греческой вѣрѣ; Грозный царь выдалъ племянницу за Магнуса вслѣдствіе опалы что отецъ ея ни въ чемъ ему добра не хотѣлъ; а что Борисъ призвалъ въ Москву Голштинскаго князя не говоря ему о вѣрѣ и крещеніи, то онъ же послалъ для договору о томъ во всѣ города за всѣми властями, митрополитами, архіепископами и епископами, но они не успѣли еще съѣхаться къ Москвѣ, какъ Яганъ преставился".

Это засѣданіе было послѣднимъ. Оно было 4 іюля 1645 года, а чрезъ нѣсколько дней не стало (12 іюля) въ живыхъ царя Михаила Ѳеодоровича. Мягкая душа Михаила не могла вынести тѣхъ безпокойствъ и мученій которыя выпали ему на долю во время пребыванія въ Москвѣ Вальдемара. Сынъ его Алексѣй, занявъ престолъ, тотчасъ велѣлъ извѣстить королевича чтобъ онъ былъ спокоенъ за свою безопасность и сдѣлалъ еще попытку склонить его на бракъ при условіи перекрещиванья. Получивъ отрицательный отвѣтъ, новый царь, посовѣтовавшись съ высшимъ духовенствомъ и боярами, рѣшилъ отпустить гостя домой. Когда онъ сообщилъ объ этомъ своей матери, та, и безъ того больная отъ горя, теперь окончательно слегла въ постель, и чрезъ пять недѣль отошла (18 августа) въ вѣчность за своимъ супругомъ.

Наканунѣ ея смерти была (17 августа) прощальная аудіенція Вальдемару, гдѣ было объявлено ему что государь, положивъ дѣло о бракѣ на судъ Божій, отпускаетъ теперь его съ честью и въ надеждѣ что дружба между Христіаномъ и Московскимъ государемъ продолжится какъ была она прежде. Съ королевичемъ представлялось семнадцать человѣкъ. Всѣ они были милостиво одарены, даже „дворовой проповѣдникъ" Фильгоберъ получилъ 80 рублей. Кромѣ 20 сороковъ дорогихъ соболей поднесенныхъ на аудіенціи, Вальдемаръ незадолго предъ тѣмъ получилъ въ даръ 3.615 рублей и 7.000 на содержаніе и дорожные расходы его свиты; дозволено было взять съ собою и всѣ прежніе подарки. Въ 2 часа пополудни 20 августа по Москвѣ, въ направленіи къ Тверскимъ воротамъ, медленно двинулся громадный обозъ иноземцевъ, подводъ въ четыреста, въ сопровожденіи бояръ и тысячи полторы стрѣльцовъ.

„Точно по смерть самодержца и самодержицы онъ, окаянный королевичъ, приходилъ къ намъ, разсуждаетъ авторъ *Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича.* И онъ живъ и здравъ остался и никакой тщеты не сотворилось ему, только намъ, православнымъ христіанамъ, не благо явилось. Приходилъ не съ войной и не для взятія города, но землю истощилъ не менѣе иной рати; могъ бы царь и всѣ люди поднять много войска и стоять противъ супостатовъ, что онъ, окаянный, живши истощилъ и изгубилъ въ своихъ обиходахъ. Принимая отъ царя, царицы и отъ прочихъ людей подарки и честь, во благочестіи не сталъ, царской воли не сотворилъ, нашимъ Крещеніемъ не крестился: онъ, злодѣй, невѣрія своего ради, умомъ своимъ отемнѣлъ. И такъ пошелъ въ свое отечество съ великимъ богатствомъ, набравшись здѣсь царской милости, взявъ съ собою множество серебра, золота и всякихъ драгоцѣнныхъ вещей. Вѣрою и нечестивъ онъ, но счастіемъ одаренъ былъ. Если кто скажетъ: не онъ виноватъ, но мы, потому что мы сами звали его, такому нашъ отвѣтъ: всякій разумный мужъ не хочетъ себѣ худа, но добра; такъ и блаженныя памяти царь и царица не худа себѣ хотѣли, но добра что повелѣли призвать къ себѣ такого нечестиваго врага. Они хотѣли сотворить сугубое добро: вопервыхъ, невѣрнаго отъ тьмы привести на свѣтъ и освятить Святымъ Крещеніемъ, вовторыхъ, сочетать законнымъ бракомъ со своею царскою дщерью и сопричесть ко своему царскому достоинству. Но если корень золъ и горекъ, то и отрасль горька, и не можетъ своей горести превратить въ сладость и останется въ своемъ естествѣ: такъ и сей окаянный не возмогъ въ свѣтѣ быть, но въ своей темнотѣ восхотѣлъ остаться, еще же сказать, не все за грѣхи наши благое случается и не исполняется наше хотѣніе“.

Впрочемъ, въ томъ что королевичъ не крестился и не женился на царевнѣ, авторъ находилъ и утѣшительное. „Еслибы нечестивый Валдемаръ ото всего своего сердца захотѣлъ креститься по нашему русскому обычаю и сочетаться съ царскою дочерью законнымъ бракомъ, то мы бы всѣ радовались и были бы благодарны царской радости, царь и царица жили бъ безъ печали и все бы было мирно и безъ кручины. Но тьма не терпитъ свѣта и бѣжитъ отъ него. Нельзя быть травѣ въ чистой пшеницѣ, заглушитъ ее, или мутной водѣ

войти въ чистую, возмутитъ ее; такъ нельзя нечестію войти въ благочестіе, велика будетъ бѣда и крамола всѣмъ православнымъ христіанамъ. Не безъ причины всевидящій Богъ не допустилъ Вальдемара до Крещенія. Отъ него, когда бы онъ крестился и женился законнымъ бракомъ съ царскою дочерью, велика была бы бѣда и крамола всему православному христіанству и всему великому государству смута и раздоръ. Лишь бы отошелъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ этотъ, желая больше добра себѣ нежели Алексѣю Михайловичу и Россіи, захотѣлъ бы захватить съ своими погаными Нѣмцами больше власти, и произвелъ бы великую у насъ смуту. По крещеніи сей невѣрный врагъ Божій и человѣческій не отсталъ бы отъ своего яда и держалъ бы его внутри себя тайно, до времени пока можно было бъ ему обратиться къ своему невѣрію. Потому надобно благодарить всемилостиваго Бога что этотъ невѣрный, не войдя въ благочестіе, не владѣетъ теперь нами, а владѣетъ Алексѣй Михайловичъ, который любъ намъ какъ царская отрасль и царь православный.“

Такія откровенно печальныя и критическія повѣсти, какъ данная, были у насъ тогда не въ обычаѣ. Это понималъ самъ авторъ. Чтобъ оправдать себя почему онъ взялся разказать исторію приведшую къ гибели двухъ самодержавныхъ лицъ, онъ ссылается на Библію, Степенную книгу и на Повѣсть о смутномъ времени, гдѣ много разказывается печальнаго; главное же, онъ тѣмъ хотѣлъ на дѣлѣ показать какъ опасно намъ дружиться съ иноземцами, тѣмъ болѣе вступать съ ними въ бракъ. „Нѣтъ и не должно быть общенія вѣрному съ невѣрнымъ“, вотъ къ какому выводу пришелъ благочестивый Москвитянинъ, а съ нимъ, конечно, и громадное большинство его современниковъ. Вопросъ о бракахъ съ протестантами замолкъ почти на три четверти столѣтія. Дѣло Вальдемара произвело слишкомъ тяжелое впечатлѣніе чтобы можно было поднимать вопросъ снова; широкая полемическая литература, возникшая во время длинныхъ споровъ, долго служила источникомъ нашихъ знаній о протестантствѣ.

Но всему свое. Когда протестантизмъ мало-по-малу утрачивалъ свою завлекающую живучесть и для борьбы съ нимъ и католицизмомъ выростало на Востокѣ другое, кромѣ религіи, орудіе,—образованіе: Московскій соборъ 1667 года, въ присутствіи восточныхъ іерарховъ, отмѣнилъ прежнюю временную

мѣру, постановленіе Московскаго собора 1620 года о перекрещиваньи иновѣрцевъ обращающихся въ православіе; крестникъ Ирины Михайловны, великій Петръ, разсѣкъ гордіевъ узелъ связывавшій вопросъ о бракахъ православныхъ съ иновѣрцами. Допустивъ бракъ для лицъ царскаго рода и для подданныхъ съ лицами католическаго и протестантскаго міра, самъ онъ однако, какъ царь, то-есть какъ, вмѣстѣ со своею супругой, живое, по мнѣнію народному, олицетвореніе и высшій носитель священныхъ народныхъ началъ, былъ женатъ на иновѣркѣ обращенной въ православіе. Его завѣтъ крѣпко хранится до сихъ поръ.

2007059117